

Бахши Иман
ДЖАГФАР ТАРИХЫ

ТОМ ПЕРВЫЙ
Свод болгарских летописей
1680 год

Изложение текста «Джагфар тарихы»
на русском языке,
сделанное жителем города Петропавловска
И. М.-К. Нигматуллиным
в 1939 году

РЕДАКЦИЯ ВЕСТНИКА «БУЛГАРИЯ»
ОРЕНБУРГ 1993

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Р. Ш. ШАРИПОВ (главный редактор), Р. Х. АХМЕТЗЯНОВА,
Ф. Х. АХМЕТЗЯНОВА, Р. М. КАДЫРОВ, Г.-Х. Н. НУРУТДИНОВ,
Ф. Г.-Х. НУРУТДИНОВ, Р. Р. ХАРИСОВ (технический редактор)

Автор предисловия Ф. Г.-Х. Нурутдинов

Бахши Иман
ДЖАГФАР ТАРИХЫ

(История Джагфара)

Том первый
В томе помещен вкладыш (5 карт и 1 схема).

Издатель — КОПФ «Оренбург-пресс-контакт».
Лицензия на издательскую деятельность ЛР N 062460 выдана
23 марта 1993 года Мининформпечати России.

Редакция вестника «Булгария», 1993.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Несколько слов о своде 5

ГАЗИ-БАРАДЖ ТАРИХЫ
ЛЕТОПИСЬ ГАЗИ-БАРАДЖА

[Глава 1.] Древнейшая история булгар	7
[Глава 2.] Идель в правление хонских царей	13
[Глава 3.] Время булгарских балтаваров	14
[Глава 4.] Правление кара-булгарских беков	21
[Глава 5.] Город Болгар становится столицей Булгара	34
[Глава 6.] Царствование Бат-Угyra	43
[Глава 7.] Начало правления Алмыша	48
[Глава 8.] Прибытие Великого посольства	57
[Глава 9.] О кончине Салахби и о его потомках	62
[Глава 10.] Отъезд великого посла	65
[Глава 11.] О Хорыс-юлы и о разбоях, случавшихся на этом пути	70
[Глава 12.] О кончине кана Алмыша Джафара и о правлении его сыновей	73
[Глава 13.] Царствование кана Мохаммеда	82
[Глава 14.] Время Талиба Мумина	94
[Глава 15.] Царствование Тимара	102
[Глава 16.] Правление царей Масгута, Ибрагима, Балука и Азгара	107
[Глава 17.] Война между Ахадом и Адамом и правление Адама	113
[Глава 18.] Булгар в правление Колына и Анбала	121
[Глава 19.] Царствование Отыка	131
[Глава 20.] Булгар под властью Габдуллы Чельбира	135
[Глава 21.] Последний поход Чельбира и правление Мир-Гази	163
[Глава 22.] Первое царствование Алтынбека	166
[Глава 23.] Правление Гази-Бараджа	168
[Глава 24.] Второе царствование Алтынбека	170
[Глава 25.] Гази-Барадж вновь становится эмиром Булгара	175

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ГАЗИ-БАРАДЖА 186

ПРАВЕДНЫЙ ПУТЬ, ИЛИ БЛАГОЧЕСТИВЫЕ ДЕЯНИЯ
БУЛГАРСКИХ ШЕЙХОВ 189

БУ-ЮРГАН КИТАБЫ (КАЗАН ТАРИХЫ)

КНИГА БУ-ЮРГАНА (КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ)

[Глава 1.] Отношения Булгара и Кыпчака в период усиления татарских ханов	201
[Глава 2.] Время Азана	210
[Глава 3.] Война четырех бахадиров	226
[Глава 4.] Падение власти Азановичей	231
[Глава 5.] Булгар в правление Ябык-Мохаммеда и Габдель-Мумина	237
[Глава 6.] Царствование сеид-эмира Саин-Юсуфа	248
[Глава 7.] Как был убит кан Юсуф и воцарился Кул-Ашраф	265
[Глава 8.] Начало правления Кул-Ашрафа	269
[Глава 9.] Мятеж Мамета	274
[Глава 10.] Исмаилданова война и мятеж Сафа-Гарая	277
[Глава 11.] Как Сююмбика служила кану Кул-Ашрафу	283

ШЕЙХ-ГАЛИ КИТАБЫ

КНИГА ШЕЙХ-ГАЛИ

[Глава 1.] Как алатцы едва не сдали Казань неверным	296
[Глава 2.] Как войско Алаши разгромило Казань	299
[Глава 3.] Охотничья война	302
[Глава 4.] Как началось и закончилось правление Шейх-Гали	305

Отрывки текстов летописей свода	309
---	-----

Приложение	324
----------------------	-----

Краткий словарь средневековых булгарских географических названий и терминов, встречающихся в «Джагфар тарихы»	348
---	-----

Исторические карты, составленные И. М.-К. Нигматуллиным на основе данных «Джагфар тарихы» и генеалогическое древо, подготовленное Ф. Г.-Х. Нурутдиновым (вкладыш)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СВОДЕ

«Джагфар тарихы» («История Джагфара») — единственный известный свод древнебулгарских летописей, дошедший до нас. Как и у многих других булгарских источников, у «Джагфар тарихы» — непростая и трагическая история.

Свод был написан в 1680 году по приказу вождя булгарского освободительного движения — сеида Джагфара — секретарем его канцелярии Иманом в восточной части Булгарии — Башкортостане. Видимо, сеид рассчитывал использовать этот труд для патриотической пропаганды.

Бахши Иман (судя по имени, он — башкортский булгар) блестяще справился со своей задачей, включив в свод наиболее ценные булгарские летописи: «Гази-Барадж тарихы» (1229 — 1246 гг.) Гази-Бараджа, «Праведный путь, или Благодетельные деяния булгарских шейхов» (1483 г.) Мохаммед-Амина, «Казан тарихы» (1551 г.) Мохаммедьяра Бу-Юргана, «Шейх-Гали китабы» (1605 г.) Иш-Мохаммеда и некоторые другие.

Очевидно, свод сыграл свою роль — в 1681 году сеиду Джагфару удалось поднять в Булгарии освободительное восстание с целью восстановления независимого Булгарского государства. Но после поражения от царских войск под Мензелинском в 1683 году он отступил в глубь Башкортостана, где был схвачен изменившими ему феодалами и выдан русским властям. Дальнейшая судьба этого выдающегося булгарского деятеля нам неизвестна.

Неизвестна нам и судьба бахши Имана и подлинника его великолепного свода. Но зато мы знаем, как исчезают даже очень популярные книги. Так, от XVI века до нас дошел единственный список сочинения Мохаммед-Гали «Кысса-и Юсуф», но и он загадочно погиб в 20-х годах нашего XX века.

Что касается «Джагфар тарихы», то единственный известный нам список этого свода, написанный в XIX в. на «булгарском тюрки», оказался в начале XX века в казахстанском городе Петропавловске (Кызыл Яр по-булгарски). Каким образом?

Кызыл Яр издавна был одним из центров булгарской культуры. В XIX в. сюда из Булгарии переселилось большое число булгар, поддерживавших тесные связи с Казахстаном с незапамятных времен. Кроме этого через Кызыл Яр пролегал печально знаменитый Сибирский тракт, по которому прошло на поселения и каторгу немало булгарских ссыльных. А в гражданскую войну через Кызыл Яр эвакуировались все оппозиционные большевикам силы, и среди них — видные деятели булгарского национального движения (Гаяз Исхаки и другие). Не исключено, что именно кто-нибудь из них мог оставить на хранение в Кызыл Яр бесценный список свода «Джагфар тарихы». Нам неизвестно, у кого этот список был на хранении, но в 1939 году мой дядя Ибрагим Мохаммед-Каримович Нигматуллин (1916 — 1941 гг.) изложил в нескольких тетрадях на русском языке его текст. Причину этого объяснила мне моя мама —

Рашида Каримовна Нурутдинова — сестра И. М.-К. Нигматуллина. Согласно ее рассказу, в конце 30-х годов шло тотальное уничтожение болгарских книг и рукописей на национальном болгаро-арабском шрифте. Ради спасения свода «Джагфар тарихы», поэмы Микаила «Шан кызы дастаны» (865 — 882 гг.) и эпоса «Барадж дастаны» (XVI в.) И. М.-К. Нигматуллин изложил тексты их списков на русском языке. И вовремя. Кто-то донес на него, и он был вызван в отделение НКВД. Тогда за хранение «староалфавитных» фолиантов давалось, как минимум, десять лет сталинских лагерей. Но дядю отпустили. Это говорит о том, что список «Джагфар тарихы» был чекистами найден и уничтожен. А вот тексты на русском алфавите уничтожению не подлежали, и сотрудники НКВД, работавшие «строго по инструкции», тетрадей дяди с изложением текста того же свода на русском языке не изъяли. Спасибо и на этом, как говорится...

В 1941 году, накануне Великой Отечественной войны, И. М.-К. Нигматуллин служил в Прибалтике, в пограничном городе Лида, и погиб вскоре после начала войны.

Моя незабвенная бабушка Латыфа, так и не поверившая вести о гибели сына, бережно сохраняла все его книги и тетради. В 1966 году, когда я готовился к поступлению в университет, она впервые открыла маленький чуланчик и передала мне все, что осталось от дяди. В 14 или 15 тетрадях, исписанных мелким почерком, излагались на русском языке тексты упомянутых болгарских произведений.

С той поры, в каждый приезд к бабушке, я выписывал из тетрадей дяди большие отрывки... В 1976 году Латыфа-аби умерла. Согласно ее завещанию, я забрал архив дяди к себе в Казань.

В начале 80-х годов я написал письмо в АН СССР, в котором предложил ей оказать мне материальную помощь для издания изложения «Джагфар тарихы», но получил издевательский ответ. Тогда я решил написать и издать хотя бы конспект изложения текстов всех трех памятников, для чего перевез тетради и часть своих выписок на дачу отца. Конспект я написал. Но вскоре все тетради дяди и некоторые мои выписки были с дачи похищены. Уцелели лишь некоторые мои выписки, хранившиеся дома. Они содержат примерно половину изложения текста свода, большую часть изложения текстов «Шан кызы дастаны» и «Барадж дастаны».

Уцелевшая после стольких испытаний часть текста свода «Джагфар тарихы» в изложении, сделанном на русском языке И. М.-К. Нигматуллиным, и предлагается вниманию читателя. В этом изложении даты были приведены по новому стилю. Читатель найдет в нем массу сведений о прошлом болгар, их предках и соседях и, я надеюсь, помянет добром наших летописцев и И. М.-К. Нигматуллина, спасшего их сочинения для потомков.

И, наконец, хочу сказать, что выход этой работы в свет был бы невозможен без огромной помощи моих родителей Г.-Х. Н. Нурутдинова и Р. К. Нурутдиновой, редактора вестника «Болгар иле» Р. Ш. Шарипова и секретарей клуба «Булгар аль-Джадид» Р. Х. Ахметзяновой, Ф. Х. Ахметзяновой и Р. М. Кадырова, которым я бесконечно благодарен.

Ф. Нурутдинов

ГАЗИ-БАРАДЖ

ГАЗИ-БАРАДЖ ТАРИХЫ (ЛЕТОПИСЬ ГАЗИ-БАРАДЖА)

1229 — 1246 годы

...Нет божества кроме Аллаха, а Мохаммад — посланник Аллаха!

...Милостью Всевышнего, по воле сеида Джагфара, я, его бахши Иман, нанизал на единую нить этого повествования жемчужины наших болгарских исторических сказаний — «Гази-Барадж тарихы», написанный со слов царя и эмира Гази-Бараджа его тебиром Гази-Баба Худжей, «Бу-Юрган китабы» сеида Мохаммедъяра, «Шейх-Гали китабы» муллы Иш-Мохаммеда..., а также слова и документы архива... сеида Джагфара, дабы сохранить память о деяниях нашего великого народа болгар... Не буду судьей описываемого, ибо не видел этого сам, а только Всевышнему ведомо, так ли было или нет.

Написал Гази-Баба. Рассказал Гази-Барадж.

[Глава I.] Древнейшая история болгар

Начало наших начал — в племенах имэн и синд. Габдулла ибн Микаиль Башту писал, что люди племени имэн жили разрозненными семьями по обоим берегам реки Амул, кишащей змеями, и занимались рыболовством, охотой и сбором плодов. Из-за боязни змей люди не решались пересекать реку и рыбачили у берега. И только один из них — Боян был перевозчиком, и змеи не трогали его. А так как он один был связным между семьями обоих берегов и отличался смелостью и честностью, то люди избрали его своим вождем. Когда Боян постарел и, в довершение ко всему, заболел, то сыновья бросили его на произвол судьбы. Тогда он стал молить Всевышнего о ниспослании ему для вспомоществования сына. Творец выбросил на берег у его дома на столбах огромную рыбу, из левого уха которой в виде змеи и вышел на свет его младший сын Иджик. После смерти Бояна стали женщины племени рожать мертвых, и Иджик, собрав мужчин, удалился с ними вначале во владения своего брата Ланша, а затем — в горы Хон. Здесь он стал владыкой благодаря мужеству имэнцев — отличных стрелков из лука. Покорившиеся ему китайские тюрки ели полусырое мясо и никогда не мылись в

Китайские тюрки.

воде, ибо происходили они от волка Чина и старались сохранить на себе свойственных ему вшей. Если вши очень уж досаждали, кытай, подобно волкам, умерщвляли их зубами. Жены и девушки кытайских тюрок свободно совокуплялись с любым мужчиной, где только было можно. Вытерпеть вида этого люди имэн не могли. Взяв у кытаев нескольких девочек, не успевших приучиться к грязи и блуду своих матерей, имэнцы во главе с Иджиком стали переходить от одного тюркского поселения к другому, дабы не наблюдать подолгу мерзкую жизнь кытаев. Больших рек, пригодных для плавания, в горах не было, поэтому имэнцы ходили пешком. Но это было тяжело, и Иджик велел людям научиться ездить на лошадях, какие имелись у кытайских тюрок. К своим приездам Иджик велел собирать народ и готовить угощение и дань. Во время пребывания он производил назначения, осуществлял судейство и давал наставления. Эти сборы называли джиенами... Для жизни среди тюрок имэнцам пришлось изучить их язык...

Когда девочки подросли, имэнцы, воспитавшие их по-своему, взяли их в жены и назвали себя и своих потомков хонами. Они никогда не сближались с кытаями из-за брезгливости, а те платили им ненавистью. Опасаясь мятежей, Иджик забрал к себе всех тюркских оружейников, одел в железные доспехи своих людей и их лошадей и запретил кытаям иметь боевое оружие и носить кольчуги. Отъявленных смутьянов из этого племени он велел бросать в набеги на Хин, дабы они били хинцев вместо хонов...

При потомке Иджика Тигане, прозванном за многочисленные победы над хинцами Хин-Батыром, стесненный хинский царь послал своих людей к кытайским тюлкам и велел им передать: «Когда ваши предки жили под нашей властью, вы почти не ощущали ее тяжести. Теперь вами жестоко правит малочисленный народ хонов, а вы, вместо того, чтобы помочь нам в борьбе с ними, воюете за них против нас. Умны ли вы? Уничтожьте же хонов — и вновь вернитесь под нашу благостную власть!» Услышав призыв царя Хина, кытай ночью напали на ставку Хин-Батыра и перебили всех бывших в ней хонов. Жена Хин-Батыра успела бросить своего сына в реку Дуло в большом котле и тут же была окружена врагами. Ей отрубили руки и ноги, и она умерла в мучениях. Микаиль Башту в «Шан кызы дастаны» рассказывает, что олень, пришедший на водопой, выловил котел своими рогами и отнес мальчика в Семиречье. Там его приютил и вырастил царь масгутов Мар. Он получил имя Газан, женился на дочери Мара, а род свой Дуло стал называть и Мардуан-Дуло. Между тем хоны, находившиеся в другом лагере, уже избрали нового царя — Хазара. Узнав об этом, Газан вместе с масгутами, названными им баджанаками, вторгся в царство Хазара. Хоны тут

же перешли на сторону Газана, а Хазар бежал к кытайским тюлкам и стал их вождем. Газан отбросил хинцев за реку Кубан-су и на ней утвердил свое знамя — войлочный шар красного цвета с разноцветными лентами на копье. Это было масгутское изображение алпа Ельбегена — крылатого змея, которому поклонялись хоны. Масгуты называли Ельбегена Бараджем. Это не нравилось хонам, у которых было свое изображение Ельбегена, и они потребовали от Газана заменить масгутское знамя на стяг Иджика. Царь не согласился и запретил даже и говорить об этом. 400 лет хоны терпели это унижение и копили ненависть к окружавшим род Дуло масгутам. Наконец, при потомке Газана Джилки терпение хонов лопнуло и большая часть их присоединилась к потомку Хазара Дугару, опиравшемуся на кытаев и тюркмен. Дугару, кроме этого, удалось получить поддержку башкортвов, являвшихся смесью масгутов и урмийцев и говоривших на урмийском языке. Их кочевья находились к северу от баджанаков и к западу от гор Хон. Между горами Хон и пустыней Куман, к северу от Хина, кочевали кыргызы. Когда Дугар вторгся во владение Джилки и разбил его, некоторые масгуты бежали к кыргызам-канглы. Когда Дугар покорил этих кыргызов, часть их во главе с Сабаном ушла к баджанакам и там слилась в народ сабанов или баджанаков. Сабаны стали говорить на кыргызском языке, но более благородном, так как на него повлияло наречие масгутов. Кыргызская речь куманов, оймеков и других потомков кыргызов, называемых также кыпчаками — по имени кыргызского вождя, брата Сабана, Кыпчака, подчинившегося Дугару — звучит грубо из-за влияния речи кытайских тюрок. Позднее сабаны подчинились Дугару и настолько много взяли из языка его тюркмен, что некоторые стали считать их тюркменским племенем. А заимствование это произошло вследствие вхождения в состав сабанов нескольких тюркменских родов... Разбитый Джилки также принужден был подчиниться Дугару. Очень скоро, однако, не выдержав унижения, Джилки восстал, но был опять разбит и убит. Его сын Булюмар бежал с верными хонами и масгутами на запад. Нигде он не встречал особого сочувствия, ибо кому нужен разбитый и неимущий? К тому же всем были не по нраву претензии гордого Булюмара на главенство. При переходе через Семиречье большая часть масгутов отстала от хонов...

Булюмар очень хотел остаться в Семиречье, но племя тюркмен выступило против. Эти тюркмены были потомками некоторых кыргызов и тюрок, пришедших с Сабаном в землю масгутов и постепенно усилившихся. Они очень красивы внешне и говорят на приятном языке. В родственном кругу тюркмены весьма заботливы и добры, но за его пределами нрав их очень гордый и вспыльчивый,

Кинга
ки

и они весьма неверны в своих союзах. Помимо всего прочего, они не желали никому подчиняться и не очень-то уважали и своих избранных вождей. В Булюмаре они увидели угрозу своей независимости, и поэтому стали угрожать ему войной. Царь принужден был уйти к башкортам, которые приютили хонов и получили от них название «сэбэрцы» («союзники»). Башкорт, которых турки называли угурами, были своевольны, как и туркмены. Они поклонялись алпу Бараджу, правда, называя его Маджаром. По их поверьям Маджар был покровителем Жизни... Якуб сын Нугмана писал, что Барадж жил вначале на горе Каф, а затем, когда алпы закрыли землю от солнца стеной, улетел в пустыню Куман, а затем — к башкортам.

Здесь он был радушно встречен народом и враждебно — вождем башкорт Чирмышем, считавшим своим предком Лебеда и желавшим, чтобы башкорт поклонялись именно Лебедю. В конце концов, бий коварно ранил Бараджа, и тот улетел в пустыню Куман, прокляв Чирмыша. Вскоре после этого Чирмыш умер в страшных мучениях, и башкорт уверились в том, что Змей был царем Жизни — Маджаром...

Когда они приютили Булюмара, Дугар попытался коварно напасть на них под покровом ночи. Однако журавли криком предупредили башкорт об опасности, и те откочевали на запад вместе с хонами. Но шли они с Булюмаром очень недолго и отстали от него, так как посягательство царя на власть пришлось им не по нраву... Среди них выделялись два рода — ура и байгул. От них хоны восприняли привычку произносить слово «кан» в форме «хакан»...

В стране Идель, у реки Агидель движение хонов на время прервалось, ибо здесь было также государство хонского рода Буляр... Последний утигский правитель Буляр Джокэ-Утиг имел неосторожность сжечь гнездо Бараджа в угоду своей жене — мурдаске, потребовавшей от него возвести на этом месте город. В огне погибли все дети Бараджа, кроме одного, а сам он улетел на другое место и сказал на прощание Джокэ-Утигу: «Я всегда был покровителем хонов — и останусь им. Но ты за свое злое деяние умрешь от укуса моего последнего сына, а все твои дети будут убиты». Но этот бек не только не испугался, а, наоборот, по новому совету своей жены, занялся поисками хинских сокровищ в могилах своих предков. И вот когда он раскопал одну могилу, то из земли вместо человеческих останков явились кости лошади. Это был предупреждающий знак Тангры, но Джокэ-Утиг не внял этому предупреждению и продолжал копать. Тогда из-под костей выполз Змей, сын Бараджа, и укусил бека, отчего тот немедленно скончался... Его дети стали враждовать между собой, а затем, не желая

передавать власть кому-либо одному из них, взяли и отдали царство Булюмару... Когда кан пошел дальше, они увязались за ним и все, кроме Баксу, погибли в боях. Баксу, опасаясь проклятия Бараджа, взял в жены тридцать девушек и заимел от них семьдесят сыновей. Но однажды в земле анчийцев на него напали галиджийцы и убили его вместе со всеми сыновьями...

Пойти на запад кана заставила бескормица. Вынужденно оставив свою ставку в государстве Идель или Старом Туране, Булюмар со своими... переправился через реку Агидель, называемую башкортами Атилем — в честь масгутского героя Атилле или Атилкуша. Здешние кара-масгуты, которых называли также сакланами, попытались воспрепятствовать этому, но были разбиты и во главе со своим бием Боз-Урусом бежали на Бури-чай. Но болгары, подчинявшиеся кара-масгутам, примкнули к Булюмару при поднятии им родного асского стяга Бараджа в виде войлочного шара красного цвета с пучком разноцветных лент над ним. А надо сказать, что о древности племени болгар так рассказал сеид Якуб в своем «Кади китабы», основываясь на сведениях «Хазар тарихы» Абдаллаха бинэ Микаила Башту: «...Камырцы — ветвь синдийцев. Они прозвались так потому, что верили в сказку об изготовлении Всевышним своей праматери — Камыр-Аби — из теста. Камырцы так почитали ее, что давали ее имя и мальчикам. Они не потерпели того, что остальные синдийцы стали придавать каменным изваяниям верховного синдийского божества — Тара или Тангра — кощунственный вид простого человека, а не остроконечной каменной горы Самар с гладкими ровными склонами, и вернулись из Синда на прежнее место жительства — на реку Самар у горы Самар. Их область стали называть Туран... Однако, когда одна часть туранцев стала делать изваяния Тара из чистого золота, а другая — из глины, то третья оставила их и поселилась в другой местности, названной в честь прежнего местообитания — Самар. Их стали звать самарцами, а всех оставшихся — масгутами...

А словом «самар» синдийцы называли и самые красивые и высокие горы, из-за которых появлялось солнце.

На запад ушли те, кто называл изваяния словом «тарвиль». Их называли еще асами или арманами.

По пути некоторые переселенцы ослабли и были брошены остальными у подножий гор Каф в Азербайджане. Потом на них напали масгуты и на время подчинили их, превратив в своих рабов. Часть брошенных асов, не выдержав гнета, убежала в сакланские степи к северу, где получила название «колы», то есть «рабы». Их также называли «ас-колы».

А переселенцы из Идеи, ушедшие дальше всех на запад,

назывались булгарами... На новом месте они возвели, первым делом, огромную гору в честь Тара и назвали ее и свою страну — Самар. А расцвета своего эта держава каф-булгар достигла при царе Камыр-Батыре. Описания его жизни, имеющиеся в книге менлы Абдаллаха, весьма напоминают жизнеописания Юсуфа... Но после его смерти некоторые из самарцев загрязнили нечистотами воду, забыв, что она считалась также священной, ибо отражала их божество Тара. Разгневанное божество решило за этот грех затопить всю землю Самар, но вначале предупредило людей страшным гласом. От этого гласа сотряслась земля и попадали все листья с деревьев. Часть самарцев, испугавшись, ушла еще дальше на запад и прозвалась в память о знаменнии «агачирами», то есть людьми деревьев. Они достигли Мисра, где также некоторое время жили и построили немало гор — Самаров или Джукетау. Среди же оставшихся был один род самарцев, не оскорбивший воду. Всевышний пожалел его и даровал ему корабль для спасения, а потом затопил весь Самар. Когда вода вновь схлынула по воле Тангры, корабль остался на вершине горы Самар, а спасшийся род, назвав себя «Нау» («Новым»), спустился с нее на землю. Этот род постепенно стал многочисленным и начал поклоняться и горе, и кораблю. Но часть его однажды возмутилась и стащила корабль вниз, считая, что никакая вещь не должна быть на Джукетау — священной молельной горе.

А внутри этой и других гор Самар они делали пещеру, где клали умерших людей. И если умирал муж, то жену его живой замуровывали в пещере с ним, а если умирала жена, выигравшая у мужа свадебный поединок, то вместе с ее телом живьем замуровывали в пещере ее мужа.

Когда с горы стащили корабль, большинство самарцев осудило виновников этого на изгнание. Тогда осужденные сели на этот корабль и, переплыв Сакланское море, поселились в Джалде и прилегающих к ней степях. А главенствовал над ними знатный рубака Таргиз или Тарсиз...

Переселенцы, которых прозвали «кимерцами» — искаженным словом «камырцы», стали после его смерти ему поклоняться. И в память о нем, говорят, в пору джиена прыгали через мечи, воткнутые в землю острием вверх.

Потом сюда пришли идельские булгары и изгнали одних, и покорили других кимерцев за прошлую обиду... Часть булгар вместе с подвластными Иделю кыпчаками отправилась преследовать убежавших кимерцев и, найдя там масгутов, стала бить и их.

Потом, вернувшись, булгары обнаружили, что поселенные в Саклане кыпчаки смешались с кимерцами и стали поклоняться Таргизу.

Тогда они изгнали их за это на реки Дэбэр и Шир. А от булгар, ходивших в Самар, пошли урусы, а от ширских таргизцев — мурдасы...

А агачиры были изгнаны из Мисра арабами и ушли в Сакланскую степь... Но здесь их недружелюбно встретили колы, которые превратили их в своих рабов... А оставшиеся в Самаре асы под названием ассских булгар тоже, в конце концов, ушли в Яна Идель, на озеро Кабан и в Азербайджан, где воссоединились с тамошними булгарами — тюрками... Потом персы переселили тысячу тюрков Яна Иделя, частью которого был Арман, в Хорасан...

Потом пришла из Турана часть масгутов, ушедшая от остальных в степь Танг-Алан («Каменная Поляна») и получившая поэтому прозвище «алан» («полян»). А наши, испортив «Танг» в «Сак», стали называть их сакланами. И эти сакланы, присоединив к себе мурдасов и агачилов, разбили их врагов — колов и овладели степью побежденных... А их стали называть также кара-масгутами, в отличие от их сородичей — ак-масгутов, оставшихся в Тюркистане. А степь кыпчаков, простиравшуюся от Сулы до Агидели, стали именовать Сакланом..., а всех потомков асов, живших в ней — сакланами или аланами...

Позднее на Бури-чай пришли из Садума альманцы племени галидж и потеснили сакланов, которых называли по имени вождя Уруса «урусамы». А потеснили потому, что сакланы затеяли войну с частью булгар, переселившихся из Азербайджана в Бурджан... А эти булгары тут же присоединились к хонам, когда те переправились через Идель...

Урус попытался выбить садумцев с берегов Бури-чая, но был разбит и убит. Тогда сакланы-урусы подчиняются хонам и склоняют Булюмара к нападению на галиджийцев.

[Глава 2.] Идель в правление хонских царей

Сын хонского кана Алып-би с корпусом из булгар и хонов сокрушил садумцев и заставил их бежать в Алтын Баш и Рум. Затем Алып-би со своими булгарами, пережившими в Азербайджане немало неприятностей от румцев, переправляется через Сулу и у города Дэрэ разбивает 80-тысячное румское войско. Румский кан Балын убежал в свой дворец, но был окружен и сожжен хонами, которые таким образом расправлялись с вождями врагов. Когда дворец сгорел, Алып-би въехал на пепелище и обнаружил канскую корону. Он взял ее и привез отцу, который назвал себя каном, но внезапно умер на пиру по случаю победы. Алып-би стал каном образовавшейся в Саклане Хонской державы и почил в свое время на горе Куян-

булг. /
вост.
караг
100786

тау или Кук-Куян. Перед смертью Кан-Дэрэ, как его еще называли, велел поставить на своей могиле огромный знак рода Дуло — «балтавар». А выглядит он так: Ψ , где знаком $\perp$ отмечается топор, а знаком $\cup$ — лук. Эти предметы считались булгарами символами царской власти. На месте погребения Кан-Дэрэ поселились урусы, почитавшие его за разгром своих врагов — садумцев, и образовали селение Аскал. Почитали Алып-би и булгары, ибо при нем они стали господствующим народом Хонской державы. Довольно скоро часть хонов составила с булгарами одно племя, которое восприняло имя булгар и тюркский язык хонов. Главными родами булгар называют ердим, бакиль или бояндур, сэбэр, агачир, харька, утиг, кимер...

Внук Алып-би, сын Айбата, кан Атилле Айбат по прозвищу Аудан (Аудон) Дуло, пошел на альманцев и фарангов за то, что их царь отравил свою жену — сестру кана. Разбив сильнейшее альманское племя галидж так, что часть его бежала по морю Кук дингез на острова Садум и Галидж, Атилле ночью осадил столицу фарангов Алтын Баш. Она получила свое название по причине золотых куполов своих домов. Но утром взошло солнце, и сверкание золотых крыш ослепило булгар. Устрашенные булгары бежали прочь, не разбирая дороги, и влияние их после этого пошатнулось. Атилле, которого ульчийцы звали Мышдаулы, умер при отступлении в земле альманцев, и держава распалась.

Три сына Атиллы, три брата — Иллак, Тингиз и Бел-Кермек, вместе с булгарами и ульчийцами укрепились против фарангов в лагере, но были разбиты. Иллак пал в бою, а Тингиз и Бел-Кермек с булгарами получили право выйти из лагеря. Они ушли к устью Бури-чая и по пути потеряли Тингиза, убитого из засады галиджийцами. При прорыве через эту засаду Бел-Кермек впервые велел поднять в качестве знамени красный стяг асов с полумесяцем на древке. От Бел-Кермека пошел род булгарских царей, которых называли либо канам, либо балтаваарами, ибо слово «балтавар» приобрело смысл «вождь».

[Глава 3.] Время булгарских балтаваров

Место поселения булгар между устьем Бури-чая и Джалдой, где находились города румцев, Бел-Кермек называл Алтыноба — в память об осаде Алтын Баша. Оставленный лагерь потом стал городом, который местные ульчийцы называли Галиджем, а булгары — «Учулы» («[Город] Трех Сыновей [Атиллы]»).

А после Бел-Кермека балтаваром булгар был его сын Джураш Масгут, а после него — его сын Татра, а после него — его сын Боян-Чельбир, а после него — его сын Тубджак, а после него — его

старший сын Арбуга Юрган, а после него — его младший брат Албури...

Еще при Бел-Кермеке в Саклан ворвались сабары, которых булгары звали по-саклански сабанами. От них пошел наш язык, который персы ошибочно называют кыпчакским, ибо сами кыпчаки восприняли его у кыргызов и при этом еще изрядно испортили. Тех же сабанов, которые остались в Туране, стали чаще всего называть баджанаками. Их язык, как я уже писал, постепенно стал похож на язык узов или тюркмен, и Всевышний внушил Микаиллю сделать именно этот язык нашим письменным языком, наряду с арабским. Кашанцы называли его булгарским тюрки, а тюркмены — «туран теле»...

Родиной сабаров было Семиречье, откуда их изгнали авары — последний осколок хонов, оставшихся было в Хине. Но эти беженцы в Саклане повели себя не лучше своих гонителей и избили многие хонские роды. Часть здешних хонов они загнали за горы Каф, где те образовали свое бекство Хонджак. Других же хонов сабары вытеснили в Джураш, где они принуждены были примкнуть к булгарам...

Мурдасы, ненавидевшие хонов, соединились с сабарами и хотели покончить с хонами и принявшими их булгарами, но Бел-Кермек породнился с беком страшных для мурдасов масгутов и спас этим свой народ от истребления...

Сын Бел-Кермека — от дочери масгутского бека — Джураш по прозвищу Масгут служил то одному, то другому сабарскому беку и получил за это земли между Сулой и Джалдой... Будучи по природе добрым, он выкупил у сабаров сто хонских биев и большое количество их людей и присоединил их к булгарам под именем сюрбийцев (сербийцев)...

Сын Масгута Татра прославился удачными набегами на Рум, которые совершал при помощи подвластных ему ульчийцев...

В период правления сына Татры Боян-Чельбира в Саклан пришли изгнанные хазарскими тюрками авары. Сабары, панически боявшиеся их, притихли, а наши булгары, наоборот, подняли голову... Боян-Чельбир побратался с хаканом авар Тубджаком и дал его имя своему сыну, а тот взял себе имя Бояна. Вслед за аварами появились их гонители — хазарские тюрки, но булгары вместе с аварами в ожесточенном сражении отбросили их от Сулы и Бури-чая. Тюрки отступили, но увели с собой часть джалдайских булгар и разрешили им образовать в Джураше собственное бекство Бурджан для охраны своих владений с юга. Ведь булгары со времени Кан-Дэрэйской битвы считались самыми умелыми и отважными воинами в мире. Этих булгар поэтому стали называть бурджанами, а возглавил их

старший сын Боян-Чельбира Атрак. Западных же болгар Боян-Чельбира, оставшихся в зависимости от аварских хаканов, стали называть кара-булгарами, то есть западными, а не черными, как разумели тюрки. Ведь болгары называли запад «кара», восток — «ак», север — «кук», а юг — «сара» или «сары»...

Сын Боян-Чельбира Тубджак воевал на стороне авар с Румом и подчиненными румцам ульчийцами. В то время как авары беспощадно убивали ульчийцев, болгарский балтавар щадил их и вывел из Рума в свои владения до двухсот тысяч. Этих болгарских ульчийцев стали называть анчийцами (анчылар), то есть «пограничными», «окраинными», так как они были поселены на северных рубежах бекства (бейлика) Кара-Булгар — в Учуды и на Бури-чае. Хакан авар вначале относился к этому с раздражением, но когда по приказу Тубджака анчийцы сделали несколько сот лодок и успешно сразились на них с румцами, смягчился и оставил их в покое...

В 605 году Тубджак, прокняжив 15 лет, скончался, оставив своему старшему сыну Бу-Юргану обширное бекство от Учуды до реки Аксу и от Кук-Куянтау до Джалды. А новому балтавару Кара-Булгара очень скоро не повезло. Хакан авар осадил один румский город, и, как всегда, первыми на приступ его пошли анчийцы, а за ними — болгары. Когда хакан решил, что силы защитников сломлены, то велел болгарам уступить место своим аварам. Но румцы разбили авар, и хакан в ярости обвинил в поражении Бу-Юргана и велел поднять на трон балтаваров Кара-Булгара младшего сына Тубджака — Албури. Смещенный Бу-Юрган ушел с частью болгар в румскую часть Джалды и нанялся на службу тамошним румцам. Он отличался такой необыкновенной силой, что был прозван Ар-Бугой.

Его пребывание на румской службе было недолгим, ибо власть аварского хакана вскоре после его поражения пошатнулась, и он смог вернуться на свою любимую реку Буга-Идель. Сам балтавар кочевал между реками Бурат и Буга-Идель, а ставкой имел аул Кашан. Старший сын Албури — Курбат кочевал тогда между сакланским аулом Аскал на Бури-чае и аулом Харька на Аксу и ставкой имел аул Балтавар...

В 618 году обезумевший аварский хакан позвал к себе Албури будто бы для переговоров и вероломно казнил его в своей ставке за нападение анчийцев на авар. Между тем авары сами напали на галиджийских ульчийцев и угнали их скот. При этом несколько авар было убито сопротивлявшимися разбою анчийцами, что позволило сардару авар выдать себя за жертву ульчийского нападения... Перед поездкой Албури к хакану Бу-Юрган увидел во сне кусок красной материи, в которую заворачивали покойников асы, и наконечник копья. Проснувшись, он в тревоге сказал брату: «Тангра

сделал меня бояром и явил мне во сне знаки несчастья: красную материю для покойников и наконечник копья, на который насаживают головы убитых. Это указывает на то, что тебя в ставке хакана ждет смерть. Не ездь туда!» Албури не послушал его и погиб. А народ признал Бу-Юргана бояром или аскалом, то есть прорицателем...

Когда весть об убийстве дошла до болгар, Бу-Юрган отправился в Рум и заявил там о том, что Кара-Булгар разрывает всякую связь с аварам и готов к заключению союза с Румом против них. Обрадованный румский кан тут же признал бека независимым балтаваром Кара-Булгара и заключил с ним союз... Когда Ар-Буга прибыл к своему народу, то бии хотели тут же поднять его на болгарский трон. Но Бу-Юрган ценил звание бояра больше, чем канский титул и так сказал людям: «Народ, конечно же, волен сам выбирать себе правителей, но не из бояров, назначаемых Тангрой...» По его совету болгары избрали своим балтаваром сына Албури, Курбата по прозвищу Башту, который тут же стал готовиться к войне с аварам. По приказу Курбата его младший брат Шамбат в 620 году возвел на месте аула Аскал на горах Куянтау город Башту и выступил из него во главе большого отряда из болгар, анчийцев и сакланов-русов на врага. Ему удалось быстро разгромить авар и захватить их страну. В этом ему помогли местные ульчийцы, а также башкорты, которые звали себя «хонтурчы» (хонтурчийцы) и были недовольны правлением аварского хакана. Но вслед за этим Шамбат провозгласил себя независимым правителем, а государство свое назвал Дулоба, то есть «Кочевнищем Дуло». Курбат, узнав об этом, велел брату вернуться на его службу, но тот отказался и получил от Башту прозвище «Кый» («Отрезанный», «Отделившийся»).

Шамбат сидел в Дулобе тридцать три года и стяжал себе громкую славу победами над фарангами и альманцами. Служить под его знамена приходили и артанцы, и байлакцы, и галиджийцы, и аварские ульчийцы, и сакланы, и хонтурчийцы. Но все же, в конце концов, он был разбит фарангами и вернулся на службу Курбату. Балтавар велел Шамбату занять прежний пост — губернатора Башту...

Жители города настолько любили его, что называли цитадель Башту его именем — «Шамбат», а весь город — его прозвищем «Кый». И сейчас анчийцы называют Башту «Кыем»...

Пока Шамбат воевал в Дулобе, Курбат неумоимо расширял пределы Ак Булгар Йорты. Воспользовавшись смутой в Туранской Орде, он выбил хазарских тюрков из Джураша и стал хозяином всего, что находится между Сулой и Иделью. Из стремления еще больше унижить разбитых аварских и туранских правителей Курбат,

наряду с титулом кана, принимает их титул хакана... Балтавар кочевал между городом Банджа на Азакском море и ставкой Хорысдан, которую называли и Батавыл, то есть княжеской ставкой... На обратном пути хакан непременно посещал ставки Тиганак и Балтавар и находившееся от нее [него, них] в дне пути место захоронения Бу-Юргана. А мать этого знаменитого бояра была из юрганского рода хонского племени хот или хотраг. А в древности это племя называлось сохот или, по-сербийски, хол, но затем слово это приобрело форму хот или хотраг. А из всех хонских племен только племя утиг или утак могло соперничать по силе и численности с хотрагцами. А после разгрома хонов чинцами, тюрками и сербийцами, при кане Тигане по прозвищу Хин-Батыр, хоты и утиги разбежались в разные стороны. Хоты поселились на реке Соб или Собол (Субыл), ее правом притоке Байгул и ее левых притоках Сасы-Идель и Тора-су. А Собол впадает в Чулманское море. Кардингезе и Кара дингез являются всего лишь заливами этого громадного моря. Имя великой реки Собол дали потомкам хотов, которые осели в ее области и во главе с бием Тубой, вместе с кара-оймеками, вошли в Державу в правление Колына и его сына Анбала. А так как отсюда привозили лучших в мире куниц, то и они от нас получили название «собол».

Впрочем, по поводу происхождения названия соболей Абдаллах бинэ Башту рассказал и такую историю.

При балтаваре Алып-бие — деде Айбата — болгарский купец Тойма по прозвищу Тура отправился в землю башкортов, называемых также сэбэрами. Побыв там, он поехал дальше на север и оказался в стране урцев. А сейчас урцы живут на самом краю Земли, на берегу Чулманского моря, а некогда они обитали в провинции Тубджак и на юге провинции Ура. А часть сэбэров заняла их земли и оттеснила их на север, но присвоила их имя «ура», вводящее в заблуждение многих. Урцы были весьма пугливы, ибо все соседи обижали их, а им самим проливать людскую кровь запрещали их обычаи. Вследствие этого урцы во время торговли оставляли свои товары под священным деревом и скрывались в зарослях, а приезжие купцы клали против их товара свой. Если урцы после ухода купцов забирали привозные вещи, то сделка считалась заключенной и купцы могли забирать урский товар... К приезду Тура-Тоймы урцы смогли приготовить лишь отборных соболей. Купец же, помимо нужных на севере товаров, привез им великолепные румские и персидские одежды и посуду. Урцы забрали все это и были так счастливы приобретенным, и так боялись обидеть своим скудным товаром купца, что их аксакал надбавил соболей и отважно остался на виду на некотором расстоянии от дерева. Но Тойма остался

весьма доволен соболями и, отъезжая, взмахнул шкурами и дружески крикнул дрожащему от волнения старику: «Сау бул!» Урцы подумали, что «сау бул» или, как они произносили это слово «собол» или «тобол», по-болгарски значит «соболя» и с той поры всем приезжим купцам предлагали в качестве самой ценной своей вещи соболей и называли их «собол». И наши будто бы стали называть соболей словом «собол», а через наших — ульчийцы, альманцы, франги и алтынбашцы. История эта очень занимательна, но тебир Абдаллах славился слабостью к сочинительству и пересказам чужих фантазий, и поэтому полностью довериться его сведениям мы не можем.

Но при всем при этом, Абдаллах сообщал и верные сведения. Так, купец Туймас сообщал, что Тойма — его действительный предок, добравшийся в своих путешествиях до места будущих аулов Мэнхаз и Сурхот. Когда Тойма умер, то бий сэбэров Эсег (Эсэк), из почтения к кану хонов, велел похоронить его на правом берегу Агидели напротив своей северной ставки. А речку, на которой купца постигла смерть, с той поры стали называть Тойма-су. Также и один из урских родов взял в память о нем его имя Тойма...

А утиги поселились западнее хотов, между Иделью и Агиделью. Здесь они смешались с мурдасами и восприняли от них земледельческие навыки. Свою область и реку, протекавшую по ней, они называли Хинель — в память о своем прежнем местожительстве. А позднее Хинель превратили в Кинель...

Вскоре после этого расселения бывший полководец Хин-Батыра Кама-Тархан стал царем утигов и покорил все соседние арские племена и хотов. Свое государство он назвал «Атиль». Его потомки правили здесь триста лет, а когда к Буляру прибыл со своими хонами Булюмар или Булюмбар, то они передали ему... свое государство... Булюмбар назвал Атиль Бакилем или Буляром и правил здесь тридцать лет. Он правил бы Буляром и дольше, но наступила страшная зима, а вслед за ней — бескормица. Погиб почти весь скот и многие люди. Желая предотвратить гибель всего народа, Булюмбар повел людей дальше на запад. В свои телеги хоны запрягли женщин мурдасов, ибо распространился слух, что именно они своим волхованием вызвали вначале суровую зиму, а потом — засуху. Вместе с хонами ушли многие хоты и утиги, и в Кара-Булгаре дали многим рекам и местностям названия своей родины: Бозаулык, Самар, Тиганак, Орель, Агидель, Хингул и другие... А оставшиеся в Хине хоны или холы были в конце концов подчинены сербийцами и взяли их имя. Племя мэнхол и его род Тингиз или Чингиз идут от этих хонов...

Старший сын Курбата Бат-Боян кочевал между Джалдой и средним течением реки Буга-Идель, причем одна часть его народа поднималась по левой стороне реки, а другая — по правой...

Младший сын Курбата, Атилькэсэ по прозвищу Аспарух кочевал между Бурджаном и Бехташем, а утиги и мурдасы также подчинялись ему. Основная ставка его была в городе Бурджан на юге Джураша. Он был очень дружен с дядей — Шамбатом, сидевшим улугбеком Башту в окружении верных ему болгарских и сакланских биев и анчийских бояров. Эта привязанность очень не нравилась Курбату, всегда подозревавшему брата в готовности к измене, почему Атилькэсэ достался самый дальний от Кыя удел...

Пока был жив такой хакан, в стране было спокойно. Но едва в 660 году его постигла смерть, как Шамбат при поддержке Атилькэсэ ополчился на нового хакана Бат-Бояна с целью завладения тронном. Они позволили ему править более или менее спокойно только три года, после чего начали против него открытую войну. Так как Курбат перед смертью запретил болгарам сражаться друг против друга, то Шамбат напал на кана с ак-балынскими ульчийцами и сакланами-урусами, а Атилькэсэ — с мурдасами, масгутами, тюрками и наемным отрядом туркмен...

Война шла несколько лет. Атилькэсэ удалось разбить сабанов Бат-Бояна, после чего он разгромил Ас-Банджу и вместе с Шамбатом осадил хакана в Джалде. При этом людьми бека, особенно мурдасами, было убито и немало болгар кана. Это вызвало большое недружелюбие между черными болгарскими и этим сакланским племенем. Хакан пожаловался Атилькэсэ на действия его людей, но тот издевательски ответил: «Мурдасы не могли отличить твоих болгар от сабанов — ведь они говорят на сабанском языке...»

Пять лет Шамбат при поддержке Атилькэсэ осаждал Джалду и считался на остальной части Саклан-Булгарской державы хаканом.

В разгар этой осады вновь усилившиеся тюркские хаканы напали из-за Агидели на Саклан. Говорят, через реку из Тюркистана переправилось тогда 150 тысяч куманов, туркмен-кук-огузов и кыргызов, объединенных именем основателя Тюркской державы Хазара. Шамбат с Атилькэсэ бросились навстречу врагу, но были разбиты и бежали с частью своих в Башту.

Разгром этот произошел вследствие того, что во время битвы джурашские турки, мурдасы и утиги перешли на сторону хазар, а сербийцы бежали на север и укрылись в сурских лесах. Хазарам досталось большое количество пленных бурджанских болгар, которых они заставили воевать на своей стороне.

Джалдайские болгары были так обозлены на прочих, что хотели тут же добить разбитых соплеменников в Башту. Но благородный Бат-Боян не дал воли своим чувствам и повел кимерцев на хазар. Противники съехались на реку, которую наши называли Алмыш, а кыргызы — Кельмес, и хакан Бат-Боян предложил вождю хазар

Калге вернуть незаконно взятую им территорию Саклана. В ответ Калга велел своим переправиться через речку, и вспыхнула ожесточенная битва. Тангра помог своим рабам и заставил вождя бурджан Хумыка присоединиться к своим соплеменникам, вследствие чего болгарам, при поддержке отчаянных храбрецов — анчийцев, удалось одержать полную победу. С обеих сторон пало 90 тысяч воинов, из которых 50 тысяч были хазарами, а Калга был зарублен Хумыком, и с той поры хазары называли речку Алмыш «Калга».

[Глава 4.] Правление кара-булгарских беков

Хазары чуть отошли, а когда Бат-Боян подошел к ним снова, новый хакан Кабан — племянник старого — предложил ему мир на следующих условиях: хазары сохраняют за династией Бат-Бояна Кара-Булгарскую и Булярскую части Саклана, а за родом Хумыка — Бурджан, в ответ на что балтавары отказываются от титулов хакана и кана, уступают тюркам сакланские степи между Нижним Широм и Джанком и дают на внешние войны хазарам часть своих воинов или откупную дань за неучастие в них. Хумык согласился и отъехал в свой Бурджан, а Бат-Боян решил подумать и заключил с хазарами лишь перемирие. Однако на обратном пути он узнал, что в его отсутствие Шамбат и Атилькэсэ заняли его Джалду и двигаются на него. Хакан пришел в неистовство, нехарактерное для него. Опыненный этим чувством он отправился к Кабану и заключил с ним предложенный им мир. Когда грамоты были скреплены печатями, хазарский хакан обнял Бат-Бояна и растроганно сказал: «У нас один Бог — Тангра, один род и один тюркский язык... Поэтому я считаю тебя своим родственником и братом. Кроме этого, я чувствую себя твоим должником, ибо твои люди прикончили ненавистного мне Калгу. Поэтому я помогу тебе стать хозяином в твоих собственных владениях».

Они вместе направляются в Кара-Булгар. Когда они были у аула Харька, Шамбат с Атилькэсэ вышли из Джалды из опасения оказаться запертыми там и устремились на союзников. Когда они сблизилась, Бат-Боян предложил им без боя подчиниться ему. Те только посмеялись и бесшабашно поскакали в бой... Кабан не позволил балтавару вступить в сражение. Бросив навстречу мятежникам туркмен, он с кыргызами обошел место их столкновения, ударил им в тыл и добился победы. Шамбат и Атилькэсэ вновь укрылись в Башту. Кабан попытался взять город с ходу, но болгары Шамбата под знаменем рода Харька сделали вылазку и обратили хазар в паническое бегство. Тогда хакан удалился в Джураш и сказал балтавару: «Устраивай теперь свои дела сам — я тебе помог настолько, насколько был в состоянии».

Бат-Боян вступил с осажденными в переговоры и договорился с ними о разделе Кара-Булгара. Правобережная часть бекства осталась под властью Шамбата и Атилькэсэ, а левобережная досталась балтавару... Миролюбивый Бат-Боян не делал попыток выбить мятежников из Башту силой, ибо верно полагал, что если Тангра пожелает, то он добьется этого без единого выстрела. И действительно, через два года Шамбат умер, и Атилькэсэ, не чувствуя достаточной поддержки сакланов и анчийцев, предпочел уйти с частью бурджан и тюркмен в Кашан. А это — чрезвычайно укрепленная область, с трех сторон окруженная реками Бурат, Сула и Аудан-су, а с четвертой — Улагскими горами... Атилькэсэ провел здесь — в качестве бека своих булгар, местных ульчийцев и улагцев — несколько лет в полной безопасности. Только враждебные действия против него авар и союзных с ними румцев заставили его покинуть эту область и уйти в Искандеровы горы. Там он образовал свое царство, которое назвал Бурджан — в память о своем прежнем владении. Его потомки, как писал сеид Якуб, приняли от тамошних ульчийцев христианство, а вместе с ним — и ульчийский язык. А это произошло вследствие того, что попы ульчийцев проповедовали на своем языке и что булгары поселились в домах ульчийцев. Только бурджанские кук-огузы, не бросившие жизнь в поле, сохранили свой тюркменский язык...

Уход бурджан сделал Бат-Бояна полновластным балтаваром всего Кара-Булгара, столицей которого стал Башту...

Умер Бат-Боян в 690 году в возрасте 65 лет, прожив на пять лет больше отца. Ему наследовал его сын Бат-Тимер или Бу-Тимер, по прозвищу Джураш. Менла Абдаллах рассказывает: «Хакан Кабан настолько любил Бат-Бояна, что пригласил его и внука Бу-Юргана Хумыка присутствовать при затягивании веревки на своей шее во время обряда спрашивания Тангры о времени и характере его царствования. Когда из Башту пришла весть о кончине Бат-Бояна, Кабан сразу сник и вскоре умер от расстройства. К власти пришел зловредный сын Калги Айбат. Его женой была одна бухарская яхудка, но она была настоящим страшилищем, и поэтому он решил жениться на красивой дочери бека кашэков... Бек, знакомый с булгарскими обычаями, предложил хакану побороться с ним за дочь. Злобный, но трусливый Айбат испугался и упросил Бу-Тимера схватиться с беком кашэков за него. Балтавар одержал верх в единоборстве с богатырем-беком, но дочь того после этого вдруг заявила: «Я выйду замуж за подлинного победителя». Тогда Айбат велел привести ее к себе силой. Однако, когда слуги хакана явились за ней, она покончила с собой...

Айбат вызвал тогда Бу-Тимера к себе и сказал ему: «Завоеван-

ная тобой для меня невеста скончалась. Если ты человек чести, то привезешь мне гурджийскую княжну». Балтавар, для которого честь была дороже жизни, поневоле отправился в Гурджу. Ему удалось при помощи тамошних хонов, живших в особом княжестве Хонджак, разбить гурджийского бека и захватить в плен его дочь. Но на обратном пути уже сын бека Джухман напал на булгар из засады, пытаясь отбить сестру. Ему удалось прорваться к повозке бики и увлечь ее за собой. Нашим, однако, удалось перебить гурджийцев и настигнуть беглецов. Тогда Джухман выхватил саблю и зарубил свою сестру, чтобы она избежала позора плена. Бу-Тимер захватил его и привез к хакану со словами: «Я сделал все, чтобы выполнить свое обещание, но вот ее брат помешал мне». Айбат пришел в ярость и, возложив на балтавара вину за гибель принцессы, велел своим слугам убить балтавара прямо в своем шатре. В действительности же хакан убил Бу-Тимера в надежде захватить взятую им в Гурдже добычу и внезапно овладеть Кара-Булгаром. Толпа тюрков накинулась после этого злодеяния на кара-булгар, но наши были начеку и в ответ перевернули хаканскую ставку вверх дном. При этом из зиндана был освобожден сын Кабана Кук-Куян, который тут же провозгласил себя хаканом и прикончил дядю. Сын Бу-Тимера Сулаби, возглавивший кара-булгар, удостоился чести присутствовать при затягивании веревки на шее нового хакана и сообщил всем о разрешении Тангры на его 45-летнее царствование. А Джухман в этой суматохе сбежал к сакланам, а от них пробрался в Гурджу...

Сулаби, в отличие от отца, недолюбливал войны и всячески старался избегать их. Зато балтавар охотно занимался делами торговыми и сделал оживленными сухопутные и водные дороги, идущие в Аварию, Артан, Рум, Джалду, Сэбэр и Кашэк. Лучшую часть ульчийцев он отделил от остальных игенчеев и, велел им нести повинность по изготовлению судов, назвал их субашами. Он также устроил 10 джиенных округов и сам охотно объезжал их, выбирая на них в тарханы бояров и собирая дань мехами и продуктами. Однако, когда Кук-Куян сообщил ему о том, что гурджийский бек стал притеснять Хонджак в отместку за помощь хонов своим собратьям, балтавар вышел в поход. Наши легко разбили нестойких в бою гурджийцев и вновь схватили Джухмана. Но его седобородый отец вдруг явился в булгарский лагерь и предложил Сулаби взять его в плен в обмен на свободу сына. Пораженный такой сильной родительской любовью, Сулаби не только даровал свободу и отцу, и сыну, но и побратался с Джухманом и взял его имя. Обрадованный гурджийский бек дал слово не притеснять Хонджак и платить хакану дань, и Сулаби с легким сердцем отправился восвояси...

Кук-Куян был несказанно обрадован успехом балтавара и необычайно возгордился. Опьяненный славой, в общем-то незлобивый, хакан дерзнул даже поднять меч на воинов исламского султана. Но по воле Всевышнего, карающего за чрезмерную гордыню, был наголову разбит в 737 году. Опомнившийся Кук-Куян решил загладить свою вину и объявил газиям, что хочет примирения с султаном и разрешает поэтому своим подданным принимать истинную веру. Тогда приняла ислам часть бурджан, дабы воины султана не разоряли их во время своих походов на хазар, а вот кара-булгары воздержались по причине нечаянного разграбления газиями их торгового каравана...

Сулаби правил 27 лет и умер в 727 году, оставив власть своему сыну от аварки Авару. При нем опорой болгарской власти в Кара-Булгаре, который называли и Кара-Сакланом — в отличие от хазарского Ак-Саклана — стали анчийцы. А анчийцы, как я уже отмечал, являются смесью части ульчийцев с некоторыми родами урусов и булгар, от которых унаследовали мужество. А из наших булгар в состав анчийцев вошли многие из родов ердим, сэбэр, бакиль, ага-чир, барын и из других, которые потом возглавили анчийские роды... Анчийцев освободили от всех повинностей, кроме воинской, и взятым от них на службу не разрешалось даже жениться во время несения ее.

Однако анчийцы с удовольствием несли эту повинность, ибо были воинственны и получали за нее обширные земли в округе Башту и хорошее жалованье. С урусами анчийцы были во враждебных отношениях, так как к анчийцам бежали те урусы, которых изгоняло их племя. Наши называли сакланов-урусов балынцами, как их называли анчийцы, а затем стали так называть всех северных ульчийцев, живших в лесах и болотах... Язык анчийцев отличался от языка ульчийцев-балынцев, но все же они понимали друг друга...

Кроме нескольких тысяч анчийцев на службе у Авара было с тысячу джурашцев, не считая тех джурашцев, которые работали на балтаварских кузнях и выделывали прекрасное оружие и доспехи. И все они, в знак любви к своему властителю, называли себя аварами...

Авар по просьбе матери совершил несколько походов на фарангов в поддержку авар и помог этому племени поправить свои дела. А походы эти балтавар делал через горы Учуды, названные так некогда Шамбатом в память о трех своих сыновьях. Они были оставлены им вместе с матерями в Дулобе тогда, когда он принужден был отступить оттуда обратно в Башту...

В 745 году Авару представился случай применить оружие и внутри собственной страны против восставших балынцев. Восстание

подняли урусы, недовольные возвышением анчийцев и размерами балтаварских налогов. Балынцы тут же поддержали этот мятеж, ободренные прибытием к ним ульчийцев с острова Артан. Эти ульчийцы были изгнаны галиджийцами, но для того, чтобы их боялись, называли себя галиджийцами. Они построили на большом озере крепость Галидж и возглавили бунт... Авар разбил урусов. Одна половина их предпочла подчиниться балтавару, но другая предпочла бегство. Некоторые беглецы ушли в Галидж, но большинство их переселилось на Шир, где получило название буртасов. В это время как раз умер Кук-Куян, и хазарским хаканом стал сын Айбата и приемный сын Кук-Куяна Барджиль. Новый хакан весьма обрадовался смуте в Кара-Булгаре и не только не вернул беглецов, но и построил для них город Урус. Точно также и галиджийцы радушно встретили урусов и построили для них на своем озере другой город Урус. Разгневанный Авар послал своего старшего сына Тат-Утыка на север, и тот разрушил Галидж и Урус до основания. Испуганные мятежники бежали еще дальше на север, но спустя некоторое время вернулись и возобновили свои поселения...

Одновременно с возвращением Тат-Утыка в Кара-Булгар прибыло большое количество сабаров или сабанов, беки которых оказались замешанными в попытке свергнуть Барджиля. Оказывается, он отказался сесть на трон по обычаю из-за боязни быть придушенным и объявил о принятии им веры яхудов. Его поддерживали мурдасы, буртасы, куманы, джурашцы, сакланы и кук-огузы, но вот кыргызы-сабаны выступили против и были изгнаны. Хакан потребовал от Авара выдачи беглецов, но теперь уже Авар получил удовольствие отказать ему. Раздосадованный Барджиль повелел тогда бурджанам-мусульманам отказаться от истинной веры и принять... иудейство, хотя сам в действительности не придерживался этой лжеверы заблудших. Бурджане отказались и были погромлены мстительным хаканом. Те из них, кто оказал сопротивление, принуждены были бежать в Буляр...

Мурдасы встретили беженцев враждебно и попытались выдать их Барджилю. Тогда бурджане пожаловались Авару, и тот послал к ним на помощь младшего сына Тат-Угека. Тот разгромил мурдасов и заставил их бежать в верховья Ака-Идели. Здесь они смешались с ульчийцами так, что образовалось новое ульчийское племя мурдасов...

На свободных землях спокойно расселились бурджане и пришедшие с Тат-Угеком сабаны. Бурджане построили для себя город, который называли в честь своего предводителя Мардуан. Хазары переделали это название в «Мардукан»... Основание города произошло зимой, в «нардуган»... В этой церемонии ее участники

делали снежный городок и затем подвергали его символическому штурму... Если «защитники» городка упорствовали, то «осаждавшие» показывали на вершину большого дерева и кричали:

Вот взошло Солнце —
Великий Царь Кубар,
Могучий и блестящий —
И ослепило врагов!
Хас нардуган,
Хас нардуган —
Будь всегда
Нашим защитником и помощником!

Тогда «защитники» закрывали лица руками и падали ниц, а «осаждавшие» занимали «городок» и вешали чучело «вражеского царя» на вершине дерева...

А обычай этот был чисто бурджанским, и праздновали его только жители города Мардуана, позднее названного Болгаром. И обычай называть Тангру Кубаром или Суваром был чисто бурджанский... Позднее Ахмед ибн Фадлан... не потерпел этого обряда и заставил перенести его празднование подальше от города в надежде на то, что это затруднит его организацию и заставит отойти от него. Но болгарцы фанатично выезжали за много снежных верст и в любую стужу для празднования нардугана, показывая образец преданности болгар своим обычаям...

Сабаны поселились восточнее Мардуана и его небольшого бекства и вначале подчинялись ему. Пришли они с женами и детьми и поэтому язык их не пропал, а утвердился. Местные утиги смешались с частью их и передали ей земледельческие навыки. Когда пришли кара-булгары, то они сабанский плуг называли сабаном, а между тем, он был утигским по происхождению...

В 759 году, однако, мирная жизнь Мардуана была нарушена. Барджилю, горя жаждой мщения, натравил на булярских бурджан башкортов, и те перешли Джанк. Сабаны взялись за оружие, а старик Мар послал к Авару послов с просьбой о помощи. Авар опять послал в Мардуан Тат-Угека и вскоре после его ухода умер, передав власть Тат-Утяку... Тат-Угек выехал навстречу башкортам и разбил их благодаря тому, что воины сильного башкортского племени эсегов, называемого нашими азна, атня или азнак, перешли на его сторону. Этим поражением башкортов воспользовался сын Барджиля Булан для объявления отца слабым и последующего свержения его. Захватив власть, Булан велел придушить отца веревкой. Абдаллах ибн Башту рассказывает, что когда убийцы подошли к

Барджилю, тот сказал: «Я боялся веревки и из-за этой боязни поддался соблазну изменить вере Всевышнего. И вот теперь за это по воле Тангры я умираю от этой же веревки — поделом мне! Я должен был сообразить, что лучше быть поднятым Тангрой на трон веревкой, чем быть задушенным ею на троне!» [...]

Эсеге также провозгласили Тат-Угека своим беком, и он образовал между реками Сак и Сок бекство Эсегель. Вслед за этим, в 760 году, Тат-Угек подчинил себе Мардуан и переименовал его в Болгар. Сабаны-земледельцы подчинились ему, а вот сабаны-скотоводы ушли в верховья Агидели и в знак протеста против власти бека назвали себя бурджанами. Эсеге, как и кара-булгары Тат-Угека, взяли себе в жены сабанок и тоже очень скоро стали говорить на туранском и кыпчакском наречиях сабанов, как на своих языках... А эсеге звали бейлик Тат-Угека «Белермей», так как он находился на территории прежнего Буляра, а кыргызские тюрки переделали это название в «Бесермен» и с той поры называли иногда и булгар «бесерменами». Это прозвище булгар потом восприняли и куманы, и урусы, и татары...

В 787 году, по наущению Булана, башкорты вновь напали на Бесермен из-за Джанка. Бек поначалу вышел навстречу неприятелю и стал с ним сражаться. Но тут пришла весть о смерти Тат-Утяка, носившего прозвище Сарачин, и Тат-Угек Бесермен предпочел отправиться в Башту для занятия кара-булгарского трона. Во время переправы через Идель его плот был затянут под воду в водовороте у Горного берега, и бек утонул...

Дочь Тат-Утяка от уруски была в 765 году выдана за внука Кук-Куяна, сына Шадчина или Саксина Асанкула. Она родила мужу сына Уруса, который пользовался большой любовью хазарских сакланов, кашэков и бурджан. Абдаллах ибн Микаиль свидетельствует, что судьба ее была трагична...

Булан, опьяненный удачей, приписал ее... яхудской вере и принялся ревностно внедрять ее в среду своих тюрок. Куманские и некоторые тюркменские беки приняли эту лжеверу, и с этого времени «истинными» или «белыми хазарами» стали называть только тюрок-иудеев, а хазарских тюрок-язычников — «черными хазарами». К черным хазарам относился и род Уруса — отца хакана Кабана, но в 805 году грязные руки Булана дотянулись и до него. Асанкул наотрез отказался... принять иудейство даже для вида и был зверски умерщвлен вместе с отцом и женой обезумевшим хаканом. Казнь угрожала и Урусу, но он успел ускакать в булгарское бекство Дима-Тархан, которым правил сын Тат-Угека Тамьян под покровительством Рума. А здесь было немало булгар, бежавших из Хонджага на реке Карачай и другого булгарского бекства в Гур-

дже — Буда на реке Чуи-су. А в устье этой реки позднее высаживался с войском эмир Лачын Хисами и едва не утонул, ибо лодка его перевернулась... Поскольку булгар с Карачая было больше, то всех булгар Дима-Тархана называли карачаевцами. Под их властью находилась часть реки Куба, которую еще называли Куба-Булгарсу, но после того, как кашэки возмутились убийством Асанкула и присоединились к Дима-Тархану, вся Куба оказалась в пределах бекства. А карачаевцы шутили, что Тангра не позволяет им уйти с берегов этой реки. Ведь булгары пришли сюда еще до вторжения хонов, а затем, смешавшись с ними, часть их ушла в Хонджак на службу персидским падшам. И вот снова вернулись на прежнее место, которое считается одним из самых благословенных в Саклане...

Престарелый Булан, забыв о своем преклонном возрасте, отправился в поход на кашэков и Уруса. К этому подстрекал его сын Бен-Амин, задумавший во время похода покончить с отцом... Когда Булан подъехал к высокому берегу Кубы, подкупленный Бен-Амином слуга незаметно для всех толкнул его, и хакан свалился с лошади и разбился. Это никого не расстроило — по мнению хазар, сорока пяти лет правления было достаточно. ...яхудские священники тут же, в поле, пробормотали несколько слов, и Бен-Амин стал новым хаканом. Удобно устроившись в хазарской столице, которую булгары в раздражении называли Этиль, то есть «Собачьим Городом», ибо частенько именovali белых хазар собаками, он руками своих яхудских джур принялся повсюду насаждать... яхудскую веру и чинить нападения на Дима-Тархан. Когда яхудские турки стали рубить священные деревья язычников и разрушать мечети бурджан, черные хазары, сакланы, джурашцы и бурджане взялись за оружие...

Правивший в Кара-Булгаре сын Сарачина Кан-Караджар отнесся совершенно безучастно к этому восстанию из-за натянутых отношений с Тамьяном. Но Урус с Тамьяном активно помогали повстанцам, кличем которых было имя Кубара. Поэтому и война эта получила название Кубарской или Суварской. В разгар этого восстания к Бен-Амину явились башкортские послы и сказали ему: «На нас напали баджанак, изгнанные из Семиречья туркменами Хорасана, и безжалостно жгут наши аулы. Мы всегда помогали хазарам — теперь вы помогите нам». Бен-Амин опрометчиво отказал им в помощи, хотя повстанцы никак не могли угрожать Итилю, и башкорт были наголову разбиты сабанами-баджанаками.

Одна часть башкорт бежала к огузам и кыпчакам, другая — на правый приток Шира Сасы-Идель, третья — на реку Байгул. Но места здесь были голодные, поэтому половина башкорт очень ско-

ро перешла через Урал на Чулман-Идель и Агидель и образовала здесь бекство Бершуд...

Башкорт, оставшиеся на Байгуле, прозвали свою область Сэбэр, а себя — байгулами и иштыками, ушедшие в Бершуд — сэбэрцами, а ушедшие на Сасы-Идель — моджарами. Моджары быстро распространили свою власть на мурдасов и сурских аров и, усилившись, стали вымещать свое раздражение на вероломных хазарах. Когда один из их отрядов достиг окрестностей Итиля, младший брат Бен-Амина Карак в сердцах сказал окружавшим его джурам: «Бен-Амин явно не является избранником яхудских богов, ибо они лишили нас своей поддержки. Надо поднять на трон другого». Слова принца, как свидетельствует Абдаллах ибн Башту, заставили белых хазар задуматься и сплотиться вокруг Карак. Оставленный всеми и окруженный лишь врагами Бен-Амин был тихо удушен у местечка Бел-Имен, а его яхудских священников живыми закопали в его могиле...

Не теряя времени и презрев гордость, новый хазарский хакан Карак обратился к Кан-Караджару с просьбой о помощи против моджар. Так как моджары успели уже погромить любимую полевую ставку (батавил) балтавара — Хорысдан и сделали небезопасной дорогу в Джалду, то Кан-Караджар охотно согласился. Его войско, состоявшее из кара-булгар и анчийцев, погромило моджарские владения на правом притоке Шира Миша — севернее Сасы-Идели — и дошло до Саин-Идели. Здесь балтавар разгромил селения мурдасов и для основательной расправы над врагами построил для себя город Кан.

Часть перепуганных моджар бежала за Саин-Идель и обосновалась между этой рекой и Сурой, а некоторые вместе с сыном моджарского вождя Юлай-Бата Аскалом добрались даже до Бершуда и назвали одну из его рек Миша... Однако хакан не помог балтавару обещанным ударом по моджарам с юга, и пришедшие в себя башкорт и мурдасы обложили кара-булгарцев в их городе. Очень скоро Кан-Караджару надоело сидеть в осаде и он решил любой ценой пробиться в Кара-Булгар. Но едва он начал вылазку, легкомысленно не застегнув шлема, как вражеская стрела пробилась ему горло и оборвала его земную жизнь...

Угир Айдар, 15-летний сын Кан-Караджара и его жены — тетки бурджанского бека Йомырчака..., находился в это время в Башту. Получив весть о гибели отца, он хотел немедленно скакать в Кан для отмщения неприятелям. К счастью, анчийский приближенный балтавара Будим удержал его словами: «Царь, не верь хакану. Он нарочно устраивает нападения на Мурдас, чтобы ударить тебе в спину!». Однако балтавар не поверил бояру до конца и сказал ему:

«А не хочешь ли ты сам навредить мне и поссорить меня с хаканом? Вот я пошлю в Кан отряд и проверю истинность твоего заявления!» Но когда посланный отряд подвергся вероломному нападению хазар, принявших его за балтаварский, Айдар вынужден был признать правоту Будима и стал действовать мудро и осмотрительно. В знак недовольства поступком хакана Угир заключил мир с моджарами и женился на дочери угырского бека Юлай-Бата... Расположение Угир к бояру еще больше возросло после того, как тот построил для него новую крепость, которая была названа в честь погибшего кана «Караджаром»...

В 816 году отряд Будима, действуя по приказу балтавара, овладел галиджийской областью. Балтавар был так доволен этим, что назначил бояра тарханом покоренного Балына. Будим восстановил Галидж и Урус и с разрешения Айдара, целиком доверявшего ему, построил Шамлын, Джир и Мен. Мен был назван так потому, что здесь собиралась тысяча балыньских ульчийцев-воинов для обеспечения джиенных поездок Будима по его наместничеству, а свое тарханство он именовал «Ак Урус» — для отличия от урусской области в Кара-Булгаре. Такие же тысячи собирались в Галидже, Шамлыне и Джире. И этих воинов называли «ак уруслар» или «уруслар», ибо они служили урусскому бояру... При этом Будим, не доверяя балынцам, нанял тысячу анатышских альманцев и пять тысяч байлакских ульчийцев из племени кулбак. Кулбаков он держал подле себя, а для анатышцев построил крепость Калган на реке Кара-Тун. А Айдар всячески поощрял деятельность своего бояра, ибо Будим стал присылать ему вдесятеро большую дань...

В 817 году Караку удалось разгромить кубарцев и ворваться в их столицу — город Самандар. Вождь повстанцев — мулла Абдаллах — был по приказу хакана повешен на минарете тамошней мечети Джок... А предок Абдаллаха купец Синдж происходил из Индии. Когда арабские газии добрались до Хорасана, Синдж был здесь по торговым делам и первым принял ислам. Загоревшись делом просвещения, он решил возвратиться на родину и осветить ее лучами истинной веры, но газии уговорили его возглавить местное купечество, и он остался в Хорасане... Его потомок Абдаллах попал в Хазарию в составе хорасанского посольства и был задержан здесь хаканом Барджишем. Проведя несколько лет в зиндане, Абдаллах был освобожден Буланом и назначен кадием джурашских бурджан. Вскоре он построил для себя крепость, которую назвал Самандаром и в которой был казнен...

Разбитые бурджане, сакланы и джурашцы бежали к моджарам и были тепло приняты их беком Юлай-Батом, недовольным хазарами. Однако в 820 году Караку удалось нанести сасы-идельским башкор-

там сильное поражение, и большая часть угыров откочевала в Кичи-Ширскую область Кара-Булгара. Часть кубарцев ушла в Болгарское бекство Кара-Булгара и основала там город Кубар или Нур-Сувар, а другая, во главе с сыном Абдаллаха Шамсом — в область Башту Кара-Булгара.

Прошло совсем немного времени — и в Башту пришла весть о готовящемся нашествии Карака на Кара-Булгар. Вслед за этим явились послы хакана и заявили: «Ты уже пять лет не платишь дань Хазарии, а между тем пределы и доходы твоей державы во много раз увеличились. Если ты и сейчас откажешься от выплаты — хакан принудит тебя силой!»

Мулла Шамс явился тогда к Айдару и сказал ему: «О, великий кан! Не смотри на это нашествие как на обычную войну — ведь хакан смог собрать 100 тысяч всадников, и мы не сможем своими силами ему противостоять!» — «Что же нам делать?» — спросил балтавар. — «Тебе и твоим людям надо принять ислам — тогда Всевышний найдет способ спасти нас!» — ответил Шамс. Айдар немедленно принял ислам и послал хакану обоюдоострый альманский меч со словами: «Я посылаю тебе этот меч для того, чтобы ты знал: после того, как я принял истинную веру, Таигра поразит всех моих врагов обоими остриями!»

Но джуры балтавара не решились сразу же расстаться со своими заблуждениями. Чтобы убедить их в могуществе Творца, мулла сказал при них балтавару: «Сегодня ночью я увидел себя в балике Харька и услышал голос с неба: «Пусть дополнительно укрепят этот балик, ибо неверные хотят пройти к Башту через это место!». Я думаю, что это повеление Всевышнего и прошу тебя выполнить его!» Айдар немедленно распорядился, и балик Харька сильно укрепили. Едва это успели сделать — как Карак со своим войском явился к балику и осадил его. Узнав об этом, джуры кана смутились и в глубоком раздумье двинулись навстречу врагу.

В войске балтавара было 20 тысяч бойцов, из которых 10 тысяч составляли анчийцы, 5 тысяч — кара-булгары, 3 тысячи — урусы и 2 тысячи — анатышцы и ак-урусы Будима. Моджар не было, так как они отправились в набег на сульских бурджан, притеснявших тамошних авар. Войско балтавара подошло к Харька в тот момент, когда хазары устремились на штурм, и отбило вражеский натиск. Раздосадованные хазарские турки, однако, быстро пришли в себя и с ожесточением бросились на кара-булгар. Завязалась ужасающая по своей ожесточенности битва, в которой — и это знали все — не могло быть пленных. Несмотря на мужество анчийцев, 70 тысяч закованных в железо турков прорвали их ряды и боковым ударом опрокинули урусов и бывших с ними 2 тысячи кара-булгар. Когда

опьяненные кровью хазарские тюрки стали топтать бегущих кара-булгарцев, балтавар и джуры его отряда вскричали: «О, наставник! Что же нам теперь делать?» — «Кричите «Аллах акбар» — и смело бросайтесь в бой!» — ответил Шамс. Джуры крикнули «Аллах акбар!» так, что сотряслась земля и бросились наперерез врагу. С другой стороны в этот момент по тюркам ударили возвратившиеся с набегу моджары. Мнившие себя уже победителями хазары ошеломились от неожиданности и обратились в паническое бегство. Наше войско рубило врагов до реки Кичи-Шир, и из них вернулось в свою ставку и в самом жалком виде только 7 тысяч... Многие джуры балтавара, убедившись во всемогуществе Всевышнего, приняли ислам и стали газиями...

Когда военачальник хазар Буртас сообщил о гибели всего войска, потрясенный Карак велел тут же прикончить его. Тогда тот вскричал: «Ты не можешь казнить меня за это поражение! Ведь мы уже обратили булгар в бегство и нас сокрушали не люди, а внезапно пришедшие булгарам на помощь Ельбегены на вороных конях, летавшие над знаменами!» [...]

Услышав это, бояры тюрков-язычников стали говорить своему народу: «Это — наказание Тангры за измену его вере! Если мы не свергнем хаkana-иудея, то вся наша держава погибнет!» Кара-хазары взволновались и подняли на место Карака сына Асанкула язычника Уруса. Карак бежал в Самандар, но тамошние бурджане, мща ему за его зверства, изрубили его на куски вместе с его приближенными и сыновьями-иудеями. Спаслись только Буртас, бывший язычником, и малолетний сын Карака Манас, которого военачальник выдал за своего сына...

Положение Уруса было довольно затруднительным. После побоя у Харька моджары вновь овладели областью Сасы-Идели и опустошили все, что находится между Кичи-Широм и землею кашэков. Там до сих пор одну речку в память об этом называют Угыр-су. Владения кара-сакланской части Кара-Булгара, таким образом, еще надежнее соединились с пределами Болгарского бейлика, и его правитель Барыс из рода Мардуана не замедлил с признанием себя слугой Айдары. Сам же Угыр, чтобы еще сильнее досадить хазарам, объявил себя эмиром Болгара и хаканом всего Саклана. Но Урус все же удержал свою державу от распада. Он даровал большие права хазарским мусульманам и христианам, чем привлек к себе многих хорасанцев и румцев и симпатии правителей этих держав. Хорасанцы вооружили новое войско Уруса, а румцы дали ему денег, на которые он нанял на службу часть баджанак и построил сильную крепость Хин. А названа она была так потому, что в ней разместили гарнизоны из наемных баджанак, называемых иногда хинцами.

Миролюбивый Айдар сильно недооценил Уруса, заявив своим джурам-газиям в ответ на их требование уничтожить хазарское правление: «Большая часть Саклана вновь стала булгарской, и это заставит его небольшой хазарский кусок без всякой войны признать нашу власть». Уже в 832 году Урус стал настолько силен, что смог подкупом склонить галиджийских садумцев и ульчийцев на свою службу. Неверные восстали и провозгласили прибывшего к ним с деньгами сына Уруса Чинавыза хазарским наместником Галиджа. При этом мятежники беспощадно вырезали значительную часть кулбаков и урусов, а уцелевшие бежали вместе с Будимом в Башту.

В том же году отряд галиджийцев во главе с Халибом прошел по Идели и погромил Болгарское бекство, а затем, по приказу Уруса, произвел опустошительное нападение на Тимер-Кабак и Азербайджан. После этого хазарские баджанак ворвались в Джалдайскую степь и наполнили ее бесчинствами.

Только в 840 году старшему сыну Айдары Джилки удалось нанести баджанак решительное поражение и заставить их остатки вернуться на Джаик.

Тогда же сын Будима Ас совершил поход на Галидж и вновь подчинил его Айдару. При этом не было никакого кровопролития, ибо Чинавыз бежал, а оставшийся за него Халиб предпочел покориться без боя. Добрый Ас никого не наказал, и обрадованный Халиб объявил себя его братом и взял себе его имя. Только Джир отказался подчиниться Кара-Булгару, и Асу пришлось взять его приступом. У этого города находится холм, насыпанный Асом на могиле своих воннов, и называется он Урустау. В память об этой победе Ас стал называть себя и Джиром.

Бек Болгара Барыс, услышав о победе Джир-Аса, явился к нему с изъявлением покорности Айдару и был щедро награжден за это и отпущен в свое владение...

Эти поражения Уруса приободрили хазарских иудеев, и они, при помощи бека Буртасы, посадили хаканом Манаса. Манас при этом просил не трогать Уруса, ибо был на всю жизнь напуган гибелью собственного отца. Но мстительный Буртас, который должен был отвезти Уруса в Дима-Тархан, по пути прикончил свергнутого хаkana ударом кинжала в спину и затем представил убитого жертвой мнимого нападения тамьянских булгар...

Будучи тихим и боязливым по натуре, Манас хотел тотчас же по воцелении на трон заключить мир с Айдаром, но зловерный Буртас и тут встал поперек. Когда в Башту пошел первый караван из Болгара, он со своими людьми нарочно разгромил его. Тут Айдар второй раз в жизни вышел из себя и лично отправился для наказания виновных на Шир. Узнав об этом, два аксакала из двух селе-

ний, между которыми был вырезан караван, вышли к нему навстречу и сказали: «Не наши роды сделали это — так не проливай напрасну нашу кровь. Назначь лучше нам выкуп — и если кто-нибудь из нас в течение десяти дней не внесет его, тот навсегда уйдет из этих мест, а тот, кто внесет — останется и ты его не тронешь». Кан, уважавший старость, остыл при этих словах и назначил выкуп — голову устроителя злодеяния. Один род не нашел убийцу и переселился на реку Буртас, которую потом стали называть по имени аксака Аю, а другой род представил голову Буртаса и остался на месте. Манас избавился таким образом от стеснявшего его зловредного бека, и между двумя державами воцарился мир...

Шамс не согласился с тем, что Айдар помиловал Халиба — организатора набега на исламские области — и, в знак своего недовольства, удалился от кана. Невдалеке от Башту он выкопал себе пещеру и остался здесь в добровольном заточении. Как ни досадно было это кара-булгарскому хакану, он не переменил своего решения — ведь Балын давал половину доходов его державы. Но сын Шамса Миканль получил пост отца — тебира царской канцелярии. Айдар опасался, что никто не заменит Шамса, прозванного за свое рвение Тебиром, но, вскоре, к своей радости, увидел, что ошибался: двадцатилетний мулла Миканль оказался образцовым секретарем. Он закончил начатый отцом перевод всей официальной письменности со старых булгарских знаков «куниг» на арабское письмо, но хазары, анчийцы, балынцы и неверные из кара-булгар продолжали пользоваться «кунигами».

В 840 году по заданию балтавара Миканль провел перепись населения, которая определила число подданных Айдара во Внутреннем Кара-Булгаре — в 500 тысяч, включая 50 тысяч кара-булгар, в Балыне — в 600 тысяч... Во Внешнем Кара-Булгаре и Буляре — за вычетом хозяйств служащих — число дворов, плативших налоги в размере стоимости одной куньей шкурки, составляло 173 тысячи...

В 855 году кан Айдар умер и по его завещанию был погребен в городе имени его отца — Караджаре, ибо всю жизнь он горевал о нем. Умирая, балтавар говорил, что смерть постигла его в наказание за то, что он не пришел на погребение Шамса Тебира, скончавшегося за полгода до этого.

[Глава 5.] Город Болгар становится столицей Булгара

После смерти Айдара газии подняли на хаканский трон его старшего сына — мусульманина Габдуллу Джилки. Младший брат Джилки Лачын, не расставшийся с суевериями, и некоторые невер-

ные Кара-Булгара были этим недовольны и стали помышлять о мятеже. Узнав об этом, хазарский бек Ильяс стал подбивать Манаса на вмешательство в булгарские дела, но тот всячески отказывался из-за нелюбви к войнам и к кровопролитиям вообще. Три года бек пытался столкнуть обе державы, но безрезультатно.

Тогда в 858 году иудейские хазары, возглавляемые им, зарезали хакана ночью в шатре во время кочевки, а обвиненные в этом кара-булгарские купцы, шедшие через хазарские владения в Дима-Тархан, были тут же казнены.

Вслед за этим Ильяс поставил хаканом послушного ему сына Манаса Исхака по прозвищу Аксак Тимер и вторгся с ним в Кара-Булгар. Лачын тут же присоединился к хазарам с язычниками. Союзникам удалось у ставки Балтавар обойти выступившего им навстречу Джилки и заставить его отступить в Караджар. Воодушевленные успехом враги двинулись к Башту.

Между тем помощник Ильяса Чинавыз добрался до Балына и объявил себя послом нового хакана в Галидже. Халиб, также связавшийся с Ильясом, тут же выдал бывшего при нем Будима, а тот незамедлительно бросил его на растерзание, толпе недовольных балтаваром галиджийцев. После этого злодейского убийства оба, не мешкая, двинулись с отрядом галиджийцев на Башту и прибыли к столице Кара-Булгара почти одновременно с хазарами.

Джир, бывший сардаром анчийского ополчения, запер трое ворот Башту и приготовился дорого продать свою жизнь. Но тут явился посланник Ильяса и объявил о желании хакана — в случае изъявления баштуйцами своей покорности ему — даровать Баштуйской и Урусской областям положения отдельного от Кара-Булгара княжества Русь с центром в Башту. Значительная часть жителей столицы была этим смущена и явилась к Джир-Асу с требованием немедленно сдать город хазарам. Сардар держался две недели, ожидая помощи от балтавара, и, не получив ее, принужден был вступить в переговоры с неприятелем. Обе стороны уговорились на том, что Джир получает титул русского бека и правит под наблюдением хазарского наместника Ас-Халиба, а Башту выплачивает Хазарии дань и помогает войсками. Ас-Халиб со своим отрядом въехал в Башту и занял свое место. Тут же у одних ворот, получивших название Яхудских, учредили хазарскую таможню, а часть города была отдана под хазарский квартал. За три дня жители собрали дань, и Ильяс увел хазарское войско от города. В Батавыле он для вида поднял на кара-булгарский трон нового балтавара — покорного хазарам Лачына — вместо свергнутого Джилки.

Так из-за мятежа Лачына перестало существовать единство державы Кара-Булгар...

Ильяс, всегда весьма ревностно относившийся к державе Румской, после этой победы захотел сокрушить ее также, как и Кара-Булгар. Будучи сыном старика Тамьяна, отравленного румцами по требованию Буртаса, он вместе с молоком матери впитал в себя ущемленное самолюбие отца, и это сделало его невероятно честолюбивым и готовым на что угодно во имя достижения высшей власти. На службе Руму он принял христианство, а уйдя в Хазарию — ислам — для получения поста кади Самандарской округи. Не имея возможности сделать карьеру в Руме или Кара-Булгаре, он решил возвыситься в Хазарии и достиг своего. Мусульмане любили его как своего, яхуды видели в нем своего спасителя, а для язычников он был отцом-благодетелем. Его борьба с Румом могла стоить ему головы, поэтому он вел ее со всей страстностью и жестокостью. Вначале он отнес территорию румской церкви в Башту к хазарскому кварталу и обязал яхудских таможенников брать с нее арендную плату. Затем в 860 году приказал Джирю и Ас-Халибу произвести внезапное и беспощадное нападение на город Рум. Оба бска выполнили этот приказ, но понесли большие потери. Это смутило многих садумцев, балынцев и баштуйцев, решивших, что христианские боги сильнее их языческих богов... Джир, тяготившийся хазарской властью и рассчитывавший на помощь Рума в борьбе с ней, первым принял лжеверу христианскую, и за ним это сделали некоторые влиятельные балынские бояры. Удержались от этого соблазна на некоторое время анчийские головы, надеявшиеся на возврат благодатных для них времен булгарского правления. Но в борьбе против хазар они готовы были поддержать кого угодно. Пламя войны с Румом, разожженное Ильясом, внезапно обожгло самого бека восстанием в Башту в 863 году. Оно началось с перешалки анчийцев с хазарскими таможенниками, безжалостно обдиравшими всех и вся для себя и для своего хакана. Возмущенные несправедливыми поборами анчийцы разгромили таможенную квартиру. В этом деле охотно поучаствовали и христиане. Но затем Ас-Халиб, испугавшись, что восстание может усилить Джир — помеху на пути к желанному для него баштуйскому трону — призвал христиан и к погрому мусульман. Несколько десятков христиан и с две сотни галиджийцев и балынцев Ас-Халиба устремились к мечети... «Джок», устроенной еще Шамсом. Миканиль, оставшийся в городе из-за опасения попасться в руки хазар или язычников Лачына, а также из-за уговоров Джир-Аса, один преградил им путь. Балынцы и галиджийцы обнажили мечи, чтобы покончить с муллою, но тут появился Джир с несколькими верными своими христианами и анчийцами и предотвратил преступление.

Тем не менее Миканиль, потрясенный видом озверевших от крови людей, вместе с несколькими правоверными ушел в пещеру отца. Превратив ее в ханаку, он остался здесь, изнуряя себя постом, а в 865 году получив вдохновение свыше, стал писать в ней свой дас-тан «Шан кызы». Мусульмане-булгары, разделившие его тяготы, напомнили ему древние сказания земли трех бахадиров, и мулла положил их в основу своей поэмы. Писал он арабскими письменами на благословенном семиреченском тюркском говоре, который назывался нашими «туранским языком» и стал, благодаря ему, языком всех наших поэтов и чиновников. Как и положено у наших чиченов, он взял себе второе имя «Шамси Башту» в память о своем отце и родном городе...

В разгар этих событий один из анчийцев убежал из Башту в Караджар и сообщил Джилки ложную весть о разгроме ненавистными для анчийцев балынцами и галиджийцами мечети. Габдулла, испытывавший до этого полный упадок духа, при этих словах вдруг почувствовал возмущение и прилив сил. Призвав газиев и своих анчийцев к оружию, он отчаянно бросился с ними к Батавылу и занял его. Не ожидавший нападения Лачын в панике бежал в Хазарию и перевел дух только в ставке Ильяса. Габдулла же, воодушевленный успехом, ринулся к Башту. При подходе балтавара Ас-Халиб сбежал из города в Галидж, где сидел его сын Турма, а Джир немедленно вышел из города ему навстречу с изъявлением своей верности кану и разъяснением обстоятельств происшедшего.

Довольный встречей с Джиром Джилки отошел в Батавыл, назначив своим послом при урусском беке Миканя Башту...

Ильяс не смог сразу ответить балтавару, но на следующий год выступил на батавыл Хорысдан с 75-тысячным войском, состоявшим в основном из куманов и баджанак. Получив известие об этом, Джир впустил в Башту вернувшегося из Галиджа с войском Ас-Халиба, ибо не верил в конечное торжество балтавара. Пришедший с отцом Турма отправился с большой частью галиджийцев и балынцев к Батавылу для соединения с Ильясом. Он приблизился к ставке первым и был наголову разбит булгарами и анчийцами Габдуллы. Сам Турма, попав в окружение, самонадеянно бросился пробиваться из него в надежде на крепость своего доспеха, но был опрокинут копеем ударом анчийского головы Нанкая и погиб под копытами лошадей. Хазары, между тем, прорвались к Хорысдану и разбили Габдуллу, наспех преградившего им дорогу. К счастью, хазары и баджанак перессорились друг с другом из-за добычи и не стали преследовать отступивших в Караджар булгар...

В Караджаре Джилки встретил купца Туймаза из Болгара, и тот сообщил ему, что династия Барыса прервалась и что необходимо

воспрепятствовать намерению части горожан, решивших пригласить на княжение Чинавыза. Габдулла, исполненный самыми благородными намерениями, тут же повелел своему старшему сыну Алмышу возглавить Кара-Булгарский бейлик и с 10 тысячами бойцов спешно двинулся в Буляр. Болгарцы, однако, в город его не пустили, но баджанаки, обозленные на хазар, дали ему в удел зависимое от них бекство Эсегель. Из своей эсегельской ставки Сульча балтавар повел переговоры с болгарцами и в 865 году вновь прибыл к Булгару. Помолвившись в мечети Мардуан, Джилки пообещал создать в Буляре исламскую державу со столицей в Болгаре, и на этот раз ворота города распахнулись перед ним.

Въехав в город, Габдулла объявил свои владения Булгарским исламским государством, а себя — его каном. Анчийский голова Нанкай, эсегельский бий из сабанского рода джулут — Тарнак, эсегельский бий из сабанского рода барын — Алабуга и бурджанский бий из рода юмарт — Бел подняли его на царский трон. С той поры все булгарские каны перед поднятием на трон совершали молитву в этой мечети...

Пока враги Булгарии не опомнились, Джилки стал расширять пределы своего государства. Первым делом он двинулся к устью Тамтазая и этим добился подчинения Бершуда, которым правил моджарский или «чирмышский» по-бурджански бий Куш из рода Аскала. Куш, желая показать кану, что он приобрел в его лице верного бия, со всем своим ополчением — урмой — совершил поход на запад и север. На западе он дошел до реки, которую объявил границей Булгарии под названием Куш-Урма. А на севере бий Куш подчинил Булгару арские, сэбэрские и урские племена, проживавшие между реками Нукрат-су и Чулман и Кар дингезе. Северные арские владения стали называться провинцией Бийсу, а сэбэрские — провинциями Ура и Байгул...

А Бел с 400 болгарских кавэсцев прошел по правому берегу Кара-Идели до Тукрантау в устье Сани-Идели и, убедившись в принадлежности этих земель Кушу, повернул к югу... На берегу реки Мурдас, называвшейся так в память о давнем проходе через нее мурдасов после их бегства из Буляра, он устроил стоянку. Внезапно из леса появился воинский отряд, и его предводитель сказал ему: «Я — арский бий Кудей, хозяин этих мест, а ты кто и зачем ко мне пожаловал?» Бел назвал себя и предложил гостю отведать его угощения. Тот вместе со своими людьми поел, попил арчи и спросил: «Ты, наверное, пришел за данью? Так я ее уже плачу бурта-сам». — «Нет, — сказал Бел. — Я просто определяю рубежи Булгара, и если ты не наш данник, то уйду прочь». Тогда пораженный ар воскликнул: «Разные племена были нашими соседями, но все они

требовали от нас только дани. А булгарский бий не только не ограбил меня, но угостил и развеселил арчей. Поэтому отныне я буду подчиняться кану Булгара, а наше племя — в память о царском угощении — назовется «арча»...

Всех биев кан оставил на своих местах и объявил их тарханами. Каждому тархану была назначена определенная дань мехами, медом, воском, хлебом и скотом. Местами джиенов, на которых кан встречался с биями и их родами, судил, производил назначения и забирал дань, стали: Болгар, Нур-Сувар, Сульча, Буляр, Аламир-Султан, Кашан и Джукетау. А только Болгар и Нур-Сувар из них были настоящими городами... На джиены съезжалось множество купцов, ибо торговля на них не облагалась налогами.

Бершудским моджарам и башкортам Сака и Сока кан предложил платить вдвое меньшую, чем у других, дань, но за это — выступать всем народом на войну и давать 4 тысячи всадников для годичной службы в постоянной армии царства. Бершудцы и сак-соксские башкорт, никогда не пахавшие землю и жившие войной, охотой и рыбной ловлей, охотно согласились носить ополченскую косу, и поэтому в Булгаре всех ополченцев и солдат стали называть чирмышами. И река..., за которой начинались владения сак-соксских башкорт, получила название Чермеш-Ан или Черемшан, то есть «Граница Чирмышей». А сами эти башкорт называли себя также «хонтурчы», поэтому реку Сак стали, в конце концов, именовать «Хонтурча»...

То же самое кан предложил пяти сабанским родам: барын, тук-суба, ак-суба, джулут и бахта, но при этом и дань назначил им в половину моджарской и дал в удел тук-субе и бахте часть Бершуда между Джукетау и Кичи-Черемшаном. Сабаны вынужденно согласились войти в эту категорию, названную их общим именем «сабан», но не скрывали, что это им в тягость. Ведь они, за исключением тук-субайцев, занимались более земледелием, чем скотоводством, и отрыв людей на службу и в ополчение разорял их... А тук-субайцы переселились во Внутреннюю Булгарию или Мардуан, как стали иногда называть земли между Агиделью и Соком, с берегов реки Тук, которой в свое время дали свое имя. Причиной переселения было нашествие башкорт, которые, впрочем, не тронули сабанов и лишь обложили Эсегель данью. Эту дань согласился выплачивать со своих земель и Джилки...

А почти все кара-булгары Габдуллы говорили на сабанском наречии, ибо относились к потомкам тат-угековских булгар, называвшихся барынами. А эти булгары-барыны составляли и большинство кара-булгарских мусульман. В самом Кара-Булгаре — после ухода Джилки — их осталось немного, а большинство стали сос-

тавлять кара-булгары-язычники, называвшиеся каубуйцами или каубийцами. Кара-булгары были избавлены каном от всех налогов, но обязались составлять его личное войско (яранлар). Они либо несли охрану Болгара, либо кочевали вместе с ним по стране...

Абдаллах ибн Башту в своей «Хазарской истории» пишет, что матери хаканов Айдара и Уруса были родными сестрами из уруско-го рода Услан. Это родство не позволяло балтавару воевать непосредственно с хазарским хаканом, ибо болгарские традиции запрещали воевать против родичей под страхом проклятия Аби. Аби называют алып-би — мать Иджика, любившую принимать облик гигантской рыбы Бойгал. В честь нее булгары зовут всех своих бабушек «аби».

Сеид Якуб со слов Абдаллаха ибн Миканля Башту рассказывает, что мать Айдара — уруска Арья-Услан жила сто пятьдесят лет и нянчила даже своего правнука Алмыш. Некоторые говорят сейчас, что в честь нее и горы напротив Казани и Болгара называются Усланскими, но другие — что в память о жене царя Хисама Услан-би. Аллах один ведает, где здесь правда...

Арья-Услан рассказала как-то своему внуку Джилки, что ее род идет от самого прародителя сакланов богатыря Таргиза, которого булгары зовут Тарвилем, сабаны — Тарджисом, а башкорт — Адилькушем. Он был так силен и знаменит, что в честь него Таргизом назывался весь Саклан... В состоянии особого неистовства Тарвиль обращался в Ветер-Йиль и уничтожал все на своем пути своей ураганной мощью. От него пошел ряд сакланских богатырей или марданов. Один из потомков Таргиза Халмыш или Алмыш, а посабански Камыш, женился — на горе Куянтау — на дочери алпа вод Тун-Бури. От этого брака родился змееногий богатырь Барадж, храбро защищавший свой народ от врагов. В память об этой свадьбе сакланы — и мужчины и женщины — каждое лето перед джиеном входили в реку и плескались водой совершенно нагими и нисколько не закрываясь друг от друга... Эта история так нравилась Габдулле, что он назвал своих сыновей именами Мардан и Алмыш. А именем Бараджа простой народ стал еще до этого часто называть Ельбегена... Барадж, как рассказал сеид Якуб, долго жил в пустыне Куман и был любим хинцами. Но когда могущество хинцев пошатнулось, он улетел на гору близ Буляра. Ее стали называть Сабан или Хину-ба, так как Барадж прилетел из Хина... Здесь от голода Змей заглотнул живого быка, поэтому у него, кроме змеиной, появилась еще одна голова — бычья. Когда в Буляре в цитадели Мардуан выстроили соборную мечеть и украсили ее двумя минаретами, то народ прозвал ее в честь двуглавого Ельбегена «Бараджевой»...

В 870 году случилась большая война между кыр-баджанаками и

кыпчаками. Воспользовавшись тем, что значительная часть баджанаксов отправилась на эту войну, бургасы напали на их кочевья по реке Чиркес. Но когда мужчины бургасов ушли за Идель, Кудей со своими арчанами напал на их селения и увел в свою область почти всех их женщин. Бургасы вернулись из своего набега очень обозленные, ибо баджанакские женщины быстро вооружились и отбили их от своих становищ. Найдя свои дома пустыми, бургасы устремились за похитителями, но на реке Мухше путь им преградил отряд Бела из двухсот нурсуварцев. Наши булгары успели сделать катау (засеку) и их бий предупредил врагов о том, что они покушаются на территорию данников Булгара, но те все же толпой устремились на укрепление и были легко отбиты. Будучи людьми упрямыми, бургасы предприняли еще несколько безуспешных приступов, пока, наконец, Бел не предложил им вместо побоища единоборство биев на выбранном ими оружии. Бел сам выехал на схватку и сходу поразил стрелой устремившегося ему навстречу с копьем бургасского бия Сара. Его сын Худ-Дад с сожалением отвел войско, пообещав отомстить. Но после ответного набега вернувшихся с кыпчакской войны баджанаксов новый бургасский бий прислал к Белу послов с сообщением о том, что не испытывает к нему вражды и хочет жить с ним в мире...

В ответ Бел выкупил у баджанаксов кыпчакских пленниц и подарил их Худ-Даду. Многие бургасы взяли рабынь в жены, и дети их стали говорить на их тюркском наречии. То же самое произошло с моджарами Чирмышской округи, которым Бел также продал пленниц-кыпчаков...

Поражение бургасов нечаянно сыграло роковую роль в судьбе бека Ильяса, сына Бураша. Недовольный поведением Худ-Дада, он отправился к нему для его наказания, но тот сам устроил ему засаду и убил ударом копья. Хакан Исхак несказанно был рад этому, ибо бек держал в своих руках всю власть и помыкал им. Бургасы из родов, подчинившихся Худ-Даду, были избавлены от всяких повинностей и получили почетное право давать тысячу воинов в дружину хакана...

Когда весть о гибели всемогущего Ильяса дошла до Башту, то тайный слуга хакана Ас-Халиб тут же убил Джир-Аса вместе со старшим сыном, лживо выдав их за сторонников бека и тайных мусульман. Вслед за этим мечеть «Эль-Бейда» на холме Джок и ханака Миканля подверглись разгрому, а мулла угодил в темницу и ожидал там неминуемой расправы от рук распоясавшегося Ас-Халиба. У этого убийцы, принявшего (из желания понравиться балынцам) имя Мышдаулы, было три сына... Получив от хакана в обмен на изъявление покорности ему титул уруско-го бека и обеща-

ние передать под его управление все завоеванные у соседей области, Ас-Халиб задумал захватить для своих детей Булгар и Кара-Булгар... В том же 870 году он послал своего сына Булата, сидевшего в Галидже, в набег на Булгар, и тому удалось захватить Джир. Однако наместник Булата — садумский бий Эрек — сразу же после отъезда галиджийского наместника прислал послов к Джилки и предложил ему оставить за ним Джир в обмен на его службу кану и дань в невоенные годы. Габдулла весьма обрадовался послам и охотно принял предложение бия.

По решению кана Эрек и чирмыши Алабуги должны были одновременно подойти к Башту и взять город. Но джирский бий застрял на пути к Башту через Галидж у одного балынского балика и, хотя в конце концов взял и сжег его, потерял время и вернулся в Джир. Алабуга же через балика Сувар, основанный на месте стычки с буртасами Белом, прошел к Караджару. По пути, увидев своих, к нему примкнули мухшийские моджары. В Караджаре бий встретился с Алмышем и сыном Джир-Аса Джуном или Джуннэ, бежавшим из Башту. Узнав от Джуна о мусульманском погроме, Алабуга загорелся ненавистью к врагам веры и хотел тут же двинуться к городу. Но балтавар предложил бию вначале отбить у хазар Батавыл, и тот нашел это предложение разумным... Когда булгары появились у Хорысдана, то и здесь моджары при виде своих перешли на сторону Алабуги. Увидев это, Лачын поспешил скрыться, и ставка досталась нашим. Легкость победы объясняется также и тем, что Лачын пребывал в ссоре с хаканом и не получил от него помощи. Он был женат на сестре Исхака, но долго не имел от нее детей. Наконец, в 870 году его терпение лопнуло, и он женился на моджарке и сделал ее своей любимой женой. Хазарка пожаловалась на это брату, и хакан рассердился на Лачына...

После взятия Батавыла Алабуга, не мешкая, подошел к Башту и осадил город, но штурмовать его без Эрека не решился... Когда Ас-Халиб предложил бию выкуп и Микаиля в обмен на уход булгар, тот, поняв, что Садумец так и не появится, вынужден был согласиться с этими условиями. Габдулла, тем не менее, считал этот поход успешным, ибо отбил у хазар для сына Кара-Булгар и посрамил брата-противника. Муллу Микаиля кан встретил очень тепло и вновь назначил его своим тебиром...

Раздосадованный поражением, хромой от рождения Исхак велел своим воинам грабить на пути из Кара-Булгара в Булгар. А боевые знамена у хазар были железные, поэтому наши презрительно прозвали разбойного хакана «Аксак Тимер», а после называли так всех особо ненавистных правителей...

В 880 году Исхак прислал своих сватов к Алмышу, желая

жениться на дочери балтавара от моджарки. Балтавар, которого сам мулла Микаиль вывел на путь истинной веры и назвал Джафаром, с достоинством ответил: «Не подобает мусульманке выходить замуж за яхуда». Тогда хакан предложил дяде Джафара Лачыну свою помощь в деле возвращения трона балтаваров в обмен на выдачу за него дочери Алмыша. Непомерно честолюбивый Лачын не смог побороть соблазна власти и при помощи хазар овладел Хорысданом и был поднят на трон каубуйскими и моджарскими биями. Алмыш опять бежал со своими барынями в Караджар и обратился за помощью к отцу, а его дочь была выдана хакану. Габдулла призвал Эрека к новому совместному походу на Башту, который стал цитаделью хазар в Кара-Булгаре. Эрек сказал, что ему надо будет для этого сначала взять Галидж и в 881 году взял эту балынскую область. При этом к нему в плен попал сын Ас-Халиба Булат...

Теперь препятствий для похода не было.

[Глава 6.] Царствование Бат-Угыра

В 882 году на Башту двинулся из Галиджа сын Эрека Салахби, а из Болгара — Алабуга с отрядами сабанов и баджанакон, стремившихся отомстить за набег на них кара-булгарских моджар во главе с Лачыном. Накануне выступления кан Габдулла скончался, и на булгарский трон был поднят его сын Бат-Угыр Мумин, не отменивший распоряжений отца. Мулла Микаиль тогда же закончил свой дастан «Шан кызы дастаны» и посвятил его новому кану...

Едва Алабуга приблизился к Хорысдану, как Алмыш пришел к нему из Караджара с барынями и анчийским ополчением Джуна. Старший сын Алмыша Арбат, служивший балтавару Лачыну, устремился навстречу Алабуге со своими башкортами, но был наголову разбит и укрылся в Батавыле. Хазары бывшие в Батавыле, приготовились к защите крепости, но расчетливый Арбат предпочел открыть одни из двух ворот Хорысдана и выйти из них с повинной к отцу. Вслед за этим анчийцы Джуна со страшной резней ворвались через эти ворота в город и взяли его. Алмыш самолично подъехал к балтаварской юрте и выбросил из нее дрожащего от страха дядю, как щенка. К счастью, у него хватило благородства и великодушия для того, чтобы не казнить брата отца и отпустить его в Хазарию. Лачын, плача от унижения, уехал с двумя своими женами в Итиль и вскоре умер там от позора, а сына его от башкортки — Угыра — Алмыш оставил при себе...

При Лачыне Урусское бекство подчинялось ему, поэтому Алмыш двинулся к Башту с намерением принудить Ас-Халиба подчиниться ему. У города он соединился с подошедшим чуть раньше Салахби и

вначале договорился с ним, что он будет княжить в городе в качестве данника балтавара. Но потом Джун посоветовал им, чтобы Салахби сел в Башту в качестве соправителя сына Лачына Угыра, и по размышлении бии согласились с анчийским головой. Салахби, показав баштуйским боярам бека Угыра Лачыни, объявил им о своем желании сесть на урусское княжение в качестве везира бека и предупредил, что в случае их противодействия будет убит Булат и предпринят жестокий болгарский приступ. Бояры согласились заключить договор с Салахби, опасаясь мести за погром мусульман. Однако Ас-Халиб отказался подчиниться решению бояров, и тогда они привели его к Салахби силой. Когда тот приблизился к нему, то внезапно и с криком: «Проклятый раб — ты изменил своему господину и должен умереть!» — обнажил свой меч и хотел зарубить им Салахби. Но Джун был начеку и убил Ас-Халиба копьем, которое выхватил у стоявшего рядом анчийца, а Алабуга зарубил Булата, поспешившего на помощь отцу. Последний сын Ас-Халиба Хот, узнав о кончине отца и брата, тайно бежал из Башту к хагану...

Салахби вошел вместе с Джуном и Угыром в Башту и в качестве первой дани Алмышу выдал балтавару имущество яхудских купцов. Джун, ставший первым бояром и головой всех анчийцев — а они называли его по-болгарски «бата» — примерно наказал убийцу своего отца и мусульман. Довольные исходом дела, Алмыш вернулся в Хорысдан, а Алабуга — в Болгар. Здесь бий спросил у Микаила, на что лучше истратить его часть добычи, и по совету муллы построил из дерева караван-сарай с мечетью в местечке Буляр. А в этом месте, находившемся на границе сразу трех областей Булгара, — Болгарской, Бершудской и Эсегельской — обычно съезжались на переговоры их бии, поэтому оно и получило название Буляр или Биляр.

Но радость Алмыша была недолгой. В 885 году хаган тайно уговорил Арбата свергнуть отца, обещая за это его трон и прекращение войны. Каубуйские и моджарские бии, выдержавшие основную тяжесть этой войны и с недовольством воспринявшие новый налог балтавара с язычников — джизью, поддержали Арбата и по его сигналу выбили Джафара из Хорысдана в Караджар. Но и здесь Алмыш не обрел покоя, ибо Арбат двинулся за ним, и оробевший анчийский голова стал умолять балтавара покинуть город для предотвращения вражеского приступа. Видя, что на этот раз в Караджаре отсидеться не удастся, Джафар со своими барынями отправился к верному Салахби в Башту и был торжественно встречен им. В отведенном ему квартале города Алмыш выстроил собственный двор, затмивший все остальные своей роскошью. Баштуйские

булгары и анчийцы по-прежнему считали его балтаваром и судились у него, а балынцы и садумцы — у Салахби...

В том же году сын Чинавыза бек Арслан, подобранный к хазарскому престолу под маской друга хагана, а в действительности бывший другом самому себе, уговорил глуповатого Исхака начать войну с баджанаками с целью оставить Булгар без главного союзника. По приказу Аксак-Тимера Арбат со своими моджарами и каубуйцами напал на баджанакские кочевья, но хинцы — при помощи нур-суварского бека, сына Джилки Мардана — опрокинули нападавших и опустошили Буртас. Эта победа усилила Мардана, который взял в честь нее второе имя — богатыря Ар-Буги, а все подчинившиеся ему земли: Арчу, Северный Буртас, Нур-Сувар и Эсегель — объявил своим царством Эсегель. Бии почувствовали себя очень неуверенно и замесались между двумя правителями. А Арслан, выдав это хагану за успех своей политики, добился от него разрешения на найм огузов или тюркмен для нанесения решающего удара по ослабевшим баджанакам. Он сам переплыл Булгарское море и в области Мэй-Кышлак нанял на хазарскую службу отряд кук-огузского бека Салара. А Мэн-Кышлак был некогда цветущим и многолюдным краем, и поэтому его и прозвали «Тысяча Поселений», но затем изменение русла реки Бинедже и вызванная этим засуха постепенно свели на нет его благополучие, и к тому времени местные тюркмены стали голодать. Однако хорасанские эмиры, которым они подчинялись, словно не желали видеть этого бедствия и продолжали собирать с поредевшего народа прежние налоги... Дело дошло до того, что в одном ауле остался всего один тюркмен. Когда наехавшие чиновники спросили его, кто в ауле есть, он ответил им: «Мэн». Рассерженные сборщики спросили его: «А кто будет платить налоги за всех?» И тюркмен снова ответил им: «Мэн». Билемчен обыскали его юрту и, не найдя ничего, окончательно вышли из себя и вскричали: «А кто ответит нам за неуплату налогов?» А тюркмен — опять: «Мэн». Тогда сборщики схватили его и поскакали в Хорасан, но по пути он сбежал и возмутил еще оставшихся в крае людей. Этих кук-огузов хорасанцы прозвали «мэнцами», ибо это слово постоянно произносил глава мятежников. А звали его Салар. Основателем рода его был Алып, служивший некогда Газану. Он ушел во владения своего брата и вместе с ним стал сражаться против живших более сытно и поэтому подчинявшихся саманидским эмирам хорезмийских тюркмен. Вскоре к ним присоединилось и также назвало себя «мин» кыпчакское племя кара-коенылы. Несколько раз они то покидали Мэн-Кышлак под давлением южных огузов-сарытекенцев, то возвращались сюда, пока, наконец, к ним не прибыл Арслан. Брат Салара к тому време-

Аламир Султан

ни был убит, и все мэнцы подчинялись ему. Жены брата стали его женами, а дети — его детьми, ибо таков был тюркменский обычай, не позволявший им бросать на произвол судьбы людей своего племени. А кук-огузы были наиболее красивым племенем из тюрков, и многие из них имели, подобно синдийцам, высокий рост, волосы золотистого цвета и голубые глаза. Сами мэнцы объясняли это тем, что будучи легкими на подъем, в давние времена, первыми из тюрков пошли вслед за синдийцами и на территории Самара и нынешнего Рума поселились рядом и смешались с ними. Потом, когда самарский царь Аламир-Султан, называемый персами Искандером, отступил из этих мест перед потоком на Восток, то вместе с ним ушли и мэнцы...

По приказу Арслана мэнцы напали на баджанаксов и, отрезав их от Хорезмийского моря, соединились с восточными башкортами. Моджары охотно согласились на войну с баджанаксами, ибо давно и с жадностью поглядывали на их земли. В 891 году они предприняли первый поход на баджанаксов совместно с моджарами Арбата, но были отбиты. Успех баджанаксов опять объяснялся помощью Марджана. Тот, провозгласив себя каном, неожиданно очутился в числе данников баджанаксов. Когда принц пожаловался на это баджанакскому беку Иллаку, тот с любезной улыбкой пояснил: «Раньше ты не был самостоятельным правителем — и я не брал с тебя дани. Теперь же ты стал каном — и я стал брать с тебя, как с других, причем — не больше. Чем же ты недоволен?» Помогая Иллаку, Марджан надеялся, что избавится от дани, но баджанаксы и не подумали отблагодарить кана. Поэтому в 894 году, когда мэнцы вновь напали на баджанаксов, Марджан в досаде не помог им. Иллак был наголову разбит. Половина его людей в ужасе подчинилась завоевателям, а сам он с другой половиной баджанаксов предпочел откочевать на запад.

На своем пути Иллак ожесточенно громял все области хазар, считая их виновниками своего несчастья. Арбата тогда не было в Кара-Булгаре, ибо он, по приказу Арслана, воевал на стороне Рума против Бурджанского царства. То, что бек послал балтавара на помощь Руму в то время, когда тот нужен был на Джанке, подтверждает сведения Абдаллаха о тайном союзе его с румским царем...

Оставшиеся без мужчин кочевья моджар были совершенно разгромлены баджанаксами, не знавшими жалости к своим закоренелым врагам. После этого Кара-Булгар объял настоящий ужас. Каубуйцы бежали со своими семьями в Хазарию и были размещены на реке Куба, а 5 тысяч барынов пришли к Башту и попросили Алмыша проводить их в Булгар. Алмыша тяготила бездельная жизнь в Баш-

ту, и он решил не упускать последней, быть может, возможности стать правителем — хотя бы и в далеком северном Булгаре. Тепло простившись с Салахби и Джуном и пообещав им в случае своего успеха поддержку, балтавар отправился с барынами в путь. Укрываясь за рекой Сэбэр-су, Джафар прошел Караджар и... достиг пределов племени мурдасов. Мурдасы владели обоими берегами реки, которую кара-булгары называли «Ака», мурдасы — «Саин», а болгары — «Саин-Идель». Пройдя по берегу этой реки до города Кан-Мурдаса, балтавар хотел отсюда пойти сразу в Булгар, да призадумался, и по размышлении предпочел послать вначале гонца. Мурдасы, желавшие скорейшего ухода страшных для них булгар, быстро доставили гонца на корабле в Булгар. Бат-Угир обрадовался появлению старшего брата и, решив использовать его против Марджана, велел ему поселиться на Дяу-Шире. Едва барыны обосновались здесь, как появились минцы Салара, пропущенные к Булгару Марджаном. Алмыш, не раздумывая, устремился навстречу тюркменам. Увидев это, вырвавшийся вперед Салар счел за благо отойти назад. Минцы приняли это за отступление бека и бросились бежать. Только за эсегельским городом Сульча Салару удалось остановить отступление своих и вновь двинуться к Булгару, но Алмыш успел уже до этого занять Сульчу и с ее стены предложил подошедшим минцам перемирие. Салар решил не испытывать судьбу вторично и сказал своим биям: «Вы видели, что не булгары, а сам Тангра обратил нас вспять, указав тем самым пределы наших притязаний. Так будем послушны ему». Все согласилось с ним, и хан пригласил Алмыша на переговоры. Оба правителя за табыном в полевой юрте договорились о женитьбе Алмыша на дочери Салара и о свадьбе своих еще не родившихся детей... Кроме этого, Джафар обещал Салару убедить Бат-Угюра начать выплату хану дани в размере бывшей баджанакской, а тот — за это — поддержку. На том и разошлись...

Когда к Сульче подъехали люди Марджана и потребовали от Алмыша сдать им город, Джафар отказался и ответил: «Надо было вам держать крепость получше. Я взял ее не у вас, а у тюркмен, и поэтому сдавать ее вам не должен! А кану своему передайте: если он захочет отнять у меня Сульчу силой, то пусть перед этим хорошенько подумает о последствиях!» Марджан поразмыслил — и решил уступить Сульчу, ибо опасался столкнуться сразу с двумя братьями...

Зато Бат-Угюра Алмышу уговорить не удалось — тот наотрез отказался платить огузам дань. Тогда балтавар в джиен 895 года пригласил в Буляр (где издавна собирались бии Булгара, Бершуда и Эсегеля) биев Алабугу, Бел-Юмарта, Аскала — сына Куша и прямо

спросил их: «Великие бии! Мы оба — я и Бат-Угыр — сыновья кана Джилки. Но кан Бат-Угыр отказывается заключить договор с тюркменами и собирается ввергнуть страну в гибельную войну, а я заключил благодатный мир. Так скажите: кому вы хотите подчиняться?» Бии раздумывали недолго и единодушно решили поднять на трон Алмыша.

Прямо от Буяра они двинулись к Болгару с намерением кончить дело бескровно. Но вспыльчивый Бат-Угыр заперся в цитадели Болгара, которую выстроил сам и которая получила название «Мумин». В этот критический миг Микаиль Башту вновь проявил редкостное умение удерживать людей от ссор и кровопролития. Он явился к кану и сказал ему: «О, великий кан! Я нянчил тебя в детстве, поэтому позволю себе задать вопрос. Ответь мне, что лучше — жить простым смертным среди друзей или царствовать в окружении врагов?» И Мумин, только что готовый встретить врагов мечом, вдруг заплакал и велел открыть ворота города...

[Глава 7.] Начало правления Алмыша

Перед поднятием на трон Алмыш, по обычаю, установленному Джилки, помолился в мечети Мардуан, после чего въехал в столицу и был поднят на трон сыном Алабуги Джулутом, Бел-Юмартом, Аскалом и сыном Микаиля Башту — Абдаллахом...

Став каном Булгара, Джафар немедленно направил Абдаллаха к Салару, и тот вернулся с дочерью хана — Нушаби и ханскими обещаниями дружбы. Свадьбу Алмыш решил сыграть в городе Марджана Нур-Суваре. Марджан настороженно относился к брату и отказался поначалу признать его своим каном, но приезд Джафара с невестой растопил в его сердце лед недоверия...

От Нушаби у Алмыша было два сына — Ялкау и Мал, и дочь Зухра...

В тот год Микаиль провел в Булгаре подсчет населения и выявил, что в стране 190 тысяч человек, говоривших на кыргызском и баджанакском наречиях сабанов, 180 тысяч — на арском, 170 тысяч — на моджарском или башкортском и 10 тысяч — на хонских наречиях — бурджанском и сербийском. Все говорящие на сабанском и бурджанском наречиях составили число болгар... Через 14 лет новый подсчет выявил уже 320 тысяч болгар...

Единственное, что расстраивало кана — это положение в Кара-Булгаре. Арбат, узнав о баджанакском вторжении, повернул назад, но хинцы уже заняли Сакланскую степь между Сулой и Широм и не пропустили его в Кара-Булгар. Тогда Арбат со своими овладел Дулобой или Аварией, где находившиеся под гнетом фарангов баш-

корты встретили его, как освободителя, и провозгласили своим каном. Воины Арбата, уже основательно подзабывшие или даже не знавшие моджарский язык, женились на аварских башкортах, и дети их вновь стали говорить на моджарском языке...

Бек Арслан, стремящийся к неограниченной власти, объявил, что будто бы это хакан, а не он сам, тайно служит Руму и оставил Кара-Булгар без воинств перед нашествием баджанаксов. Возмущенные им хазары-язычники при поддержке бурджан и каубуйцев разгромили ставку Исхака и прикончили Аксак-Тимера вместе с его яхудскими наставниками. При этом у бека хватило ума не занять хаканский трон, а возвести на него — для успокоения близких к роду Калги и влиятельных куманских биев — сына Исхака Бакчуара. Тот был объявлен правителем не по тюркскому обычаю и, сразу после этого, надежно упрятан Арсланом от посторонних глаз, так что никто толком не знал даже, какой веры придерживается новый хакан. Это помогало беку изображать себя другом то мусульман, то христиан, то язычников, то иудеев — в зависимости от обстоятельств — и делало его положение и его владения устойчивым. Ему довольно скоро при помощи румского золота удалось склонить баджанаксов к миру с Хазарией, благодаря чему часть кара-булгар смогла вернуться в Кара-Булгар и провозгласить балтаваром ставленника Арслана — бия Рыштау...

В это же время мулла Микаиль также трудился над укреплением Булгара — но совершенно иными средствами. Он неустанно распространял свет истинной веры в самых отдаленных уголках государства и организовывал школы при мечетях. При Джилки он основал 42 мектеба, а позднее — еще 180. В последние годы жизни он занимался также организацией болгарского монетного дела и поиском месторождений железа, золота, серебра, меди, угля и драгоценных камней на Урале. Абдаллах пишет, что Микаиль не раз плавал по Чулману и его притоку — реке Джоз-Уба («Сто Скал»), добирался даже до истоков Джанка и Агидели. В 900 году Микаиль Башту, назвавший себя в своем дастане «Шамси Башту», отправился в свою последнюю поездку на Урал и во время ночной бури утонул в Агидели возле Яр Чаллов. Тамашные язычники по приказу своего вождя выловили тело Микаиля из воды и повесили его на высоком дереве, после чего бий обратился к нему с такими словами: «О, великий шаман Башту Тиньтяу! Мы вешаем тебя на дереве для того, чтобы ты скорее добрался до небесного кана Тангры и возродился в нашей земле вновь!»

Внезапно тело муллы встрепенулось, и язычники услышали его голос: «Я отправляюсь на суд Тангры, и если вы будете жить благочестиво и в дружбе — я буду ходатаем за вас перед Ним и возвра-

ишь на землю в виде благодетелей Всевышнего уверовавшим в Него. Если же вы будете жить несправедливо и напрасно враждовать и убивать друг друга, то я явлюсь к вам вновь в виде тяжелой кары Тангры. Тогда черные тучи покроют небо и скроют солнце, загремит гром и засверкают молнии, содрогнется и треснет земля, высохнут и покроются пылью поля, взмутятся и превратятся в болота реки — и не будет вам радости на этом и прощения на том свете!»

Потрясенные видением язычники тут же приняли ислам, а свой род тамта назвали в память об этом тинтяу...

Отправленный на поиски Микаила сын Бел-Юмарта Бырак снял тело муллы с дерева и привез в Болгар, а Абдаллах погреб отца в основанной им ханаке Дэбэр на реке Дэбэр-су. Эту ханаку содержали шесть сел, почему этот округ получил название «Алтыш». Дела отца принял Абдаллах, который был также неутомим на поприще государственных дел...

От Микаила осталась книга «Шан кызы дастаны», подаренная им Бат-Угыру при его подняттии на трон. Я читал ее. В ней слова старого дастана болгар о подвигах трех эльбиров-побратимов сплетены с сочинениями самого Микаила. Сеид Ахмед Бакир нашел ее непристойной и запретил. Однако у моего отца сохранился список книги муллы — подарок бека Гузы. Мулла Хасан ибн Исхак, известный своей книгой «Собрание удивительных историй — усада для читателя и слушателя», увез один из немногих списков дастана в Хорысдан. Из Хорысдана он уехал в Кашан, где виделся с муллой Махмудом и пропел и пересказал ему дастан Микаила... А написан он был простым языком, почему сеид Ахмед назвал Микаила «недоучкой»...

Сын Хасана Шейх-Омар, оставленный им на воспитание дяде Хаджи-Омару, также служил после отца в хорысданской мечети «Кыр-Куба», основанной Миканлем. В Батавыле у него родился сын Худжа, с которым он, когда ему исполнилось семь лет, пустился по отцовскому пути и добрался до Хорасана. Там его сын прославился в качестве табиба и получил прозвище Хызыр. Когда сеид Якуб совершал поездку в Хорасан, то специально заехал к нему. Вместе с ним Хызыр Худжа отпустил в Булгар своего сына Мамли-Омара, которого Якуб стал считать и своим сыном... Интересно, что этот кади даже не упомянул дастан Микаила в своем изложении «Истории Булгара» и оправдал это так: «Я в глаза не видел ни одного списка этого дастана, а устным сведениям поверить не могу». Между тем, по крайней мере, один список был привезен банджийским купцом Калганом из Хорысдана. Прожил он 90 лет и умер в 1120 году. Когда ему исполнилось 85 лет, его спросили: «Как тебе уда-

лось дожить до этого почтенного возраста?» На это Калган ответил: «Потому, что я никогда не сидел на одном месте».

Действительно, всю свою жизнь он провел в дороге — в поездках по торговым делам в Хорысдан, Караджар, Башту, Саклан, Джалду, Джураш, Азербайджан... Рассказывают, что только раз за всю жизнь он не двинулся в путь в назначенное время — из-за болезни своего любимого внука Асана, и эта задержка была для него роковой. В это время он был в своем доме в Болгаре и решил остаться еще на день возле ребенка. Так как Асан задыхался, то он вынес его в сад. На следующее утро внешние балики Болгара были внезапно атакованы воинами Джурги, и старик вышел им навстречу. Он не боялся урусов, ибо торговал с ними и рассчитывал предотвратить кровопролитие. Однако это были не анчийские урусы, а балынцы и галиджийцы, и они без всякой жалости изрубили Калгана на куски... Друзья старика — анчийские купцы, любившие его за доброту и честность, по собственной воле собрали средства и возместили его сыну Бурхану ущерб от злодейского нападения балынцев. В свою очередь внук Асана Барыс пожертвовал немало средств в пользу анчийских мастеров и купцов, невольно пострадавших от напрасного набега бека Инсана на Рям-Уфу... Асан, как будто в память о своем исцелении, стал известным табибом.

Род Калгана — Бухарай торговал медом, воском, мехами и невольниками. Для купца Аппака — сына благочестивого мастера Абу Бакра — Калган покупал у кыпчаков и урусов малолетних пленниц, и тот растил их в очень хороших условиях и давал им прекрасное образование, а затем продавал своих прелестных воспитанниц за огромные деньги богатым клентам в исламских странах. При этом всем девочкам давалось имя хозяина — Аппак...

А у Бухараев занятие врачеванием считалось семейной традицией. Так еще сын Балуса Субаш был знаменитым табибом и заслужил прозвище Отчы, хотя одновременно являлся богатейшим купцом, давшим деньги на строительство Буляра. Прямо в цитадели этого города в 925 году он построил больницу с аптекой при ней, почему одни ворота и проезд от них в цитадель получили название «Отчы»...

В Башту он взялся исцелить смертельно больного Барыса, сына Угыра Лачыни, которого до этого безуспешно лечили балынские и румские врачи. Когда мать Барыса — анатышка Ульджай спросила его, почему он это сделал, Субаш ответил: «Мой отец сильно разбогател от продажи румских вещей, которые купил у Угыра, и считал себя обязанным ему. Поэтому я хочу помочь его сыну». — «Каковы будут твои условия?» — поинтересовалась бика. — «Если я исцелю Барыса, пусть он не принимает христианства», — сказал

изданный

Отчы-Субаш. Он вылечил Барыса и дал ему новое имя Аудан..., и тот не принял христианства... Рейхан получил известность, помимо прочего, своей «Книгой о тысяче трав», которая была руководством для многих фармацевтов Булгара...

А сын Асана Бухарая Тэклимэн излечил от тяжкого недуга баштуйского бека Бат-Аслапа — отца Хин-Кубара, и за это... Он подарил список дастана Микаиля Аппаку, а сын того, Даир, в свою очередь, подарил его беку Гузе за возвращение им похищенного бурлаком Васылом имущества...

Родоначальником дома Аппака был мастер Масуд, прибывший в Болгар из Багдада вместе с Абдаллахом. Его сыном был Башир, его сыном — Муса, его сыном — Атрак, его сыном — Башир, женатый на дочери Мохаммеда Барына... Как известно, родоначальником Барынов был бий Алабуга. Его сыном был Джулут, его сыном — Татра Мохаммед, его сыном — Джулут, его сыном — Мохаммед, отец жены Башира. Сыном Башира был Джулут, его сыном — Аль-Хамад, его сыном — Ахмед, его сыном — Абу-Бакр, его сыном — Аппак, его сыном — Даир, его сыном — Тэтэш...

Аппак оправдывал свою торговлю нуждой, в которую попали Масуды после изгнания Абу-Бакра из Буляра Анбалом, а также тем, что спасал несчастных невольниц от гибели и нужды. Одну из них Даир подарил беку Джураша, а тот — мастеру Низами из азербайджанского Хонджака, основанного, как и гурджийский, хонами, служившими персам. Эта Аппак славилась чудесным исполнением «Шан кызы дастаны», и, конечно, это она вдохновила мужа на пересказ истории возникновения Болгара в его дастане об Искандере...

Низами происходил из рода Габбасов — однако из той его ветви, которая обеднела. Отец поэта попытался отделиться от своих богатых родственников и начать в Хонджаке самостоятельное ювелирное дело, но только ухудшил положение своей семьи. Низами пробовал поправить дело, долго бился, но не преуспел в этом, зато стяжал себе громкую славу в другом — в поэзии. Только его сын от Аппака — Мохаммед преуспел в торговле шелком, коврами и украшениями и стал уважаемым в своем роде. Он всегда, когда приезжал в Булгар, гостил у нас и останавливался в Акбикуле, где был караван-сарай. Мохаммед и привез нам рукопись дастана отца. У него был сын Садретдин, который также бывал у меня...

А лучшим исполнителем дастана Микаиля считался бек Елаур из каубуйского рода Рыштау. Он ездил от Габдуллы Чельбира в Табыл-Катау сажать Лачына Хисами на гурджийский престол и присутствовал на свадьбе его с тамошней бикой Самар. Когда гурджийские беки стали исполнять свои песни, Елаур не выдержал и на одном дыхании пропел дастан Микаиля, произведя потрясение в

душах присутствующих. А надо сказать, лишь изредка он помогал своему необычайно красивому голосу подыгрыванием на домбре, с которой никогда не расставался. И один из присутствовавших беков — Нуршада, сын везира Абласа из гурджийского Хонджака, в восхищении побратался с Елауром. Елаур взял имя Нуршады, а Нуршада — имя его рода Рыштау и стал называться «Рыштаулы». Позднее Нуршада написал свой дастан, куда включил многое из дастана Микаиля...

А Алмыш очень переживал смерть Микаиля — ведь это он убедил Бат-Угыра мирно уступить власть Джафару и открыть ворота Болгара, а также был его наставником. Именно Шамси Башту указал кану, что царство его будет настолько сильным, насколько будет сильна его торговля. И Джафар приложил все силы для того, чтобы прибрать к рукам... племена Чулмана, богатые дорогостоящими северными товарами, уничтожить Хазарию, захватить торговые пути во все страны. Особое внимание он уделял связи с Башту. Ей пытались воспрепятствовать хазары из города Мурдаса, однако Мардан скоро овладел городом, и Арслан, скрепя сердце, оставил Хорысданский путь из Болгара в Башту в покое. Но он не переставал прилагать усилия для нанесения вреда Булгару. Так, в 911 году сын Ас-Халиба — верный хазарам Худ — захватил Башту и освободил содержавшегося там под стражей сына Лачына Угыра. Салахби, верный Булгару, едва ушел в Джир, а голова анчийцев — сын Джуна Барыс и сын Арбата Джакын попали в плен. Барыс был взят Худом переводчиком в его набег на Азербайджан и Персию, а Джакын — продан хорезмийским купцам. Во время боя Барысу удалось сбежать от галиджийцев, после чего он некоторое время скитался. К счастью, люди багдадского бека Насыра, который хотел ехать к Алмышу еще в 906 году, а в 911 году был уже назначен главой великого султанского посольства в Булгар, выбрали его — ведь их господин приказал им помогать любому булгару из своих симпатий к Булгару. Затем они нашли и Джакына...

После варварского набега на исламские области Худ вернулся в Итиль, но здесь подвергся внезапному нападению огузов и бежал вверх по Идели... Тюркмены были вначале союзниками хаканата и в 912 году — по просьбе Арслана и вместе с хазарами — напали на Булгар. Им удалось взять Сульчу, или «Сельджук» по-огузски, и пленить здесь детей Алмыша от Нушаби — сына Мала и дочь Зухру. Произошло это по вине сына Джафара Газана, посланного с войском на выручку города и намеренно задержавшегося в пути. Однако, когда хан узов Салар ринулся к Булгару, оставив пленных под охраной хазарского принца Юсуфа, то был внезапно атакован сыном Бел-Юмарта Быраком. Бырак вылетел из-за леса с кличем «Урма!»

руководство

и!!

1

1

книжка

и скоро превратил врагов в беспорядочно бегущее стадо. Тюркмены отхлынули к Сульче и здесь узнали, что город подвергся нападению арбугинцев Марджана. Трусливый Юсуф при первых же звуках битвы бежал со всем полком в Итиль, а его брат-близнец Алаи вздумал было сражаться и попал в плен. Салар также попытался изменить ход войны, но был наголову разбит. Его сын Алпамыш попал в плен к Быраку и Джулуту и получил в память об этом прозвище «Сельджук». Сам же Салар с другим сыном Тахиром ушел в Итиль и потребовал от Арслана выдачи Зухры (ибо она была еще до рождения помолвлена с Тахиром) и Мала (для обмена на Алпамыша). Бек отказался, заявив, что ему необходимо сначала обменять на пленных Алана, и тогда тюркмены атаковали Итиль. Тахиру удалось отбить Зухру, но при переправе через Идель Худ убил его и пленил принцессу. Салар напал на галиджийцев, и те сочли за благо отправиться в Башту через Болгар. Худ Анатыш был очень самоуверен, ибо имел 5 тысяч отлично вооруженных воинов, но у Болгара его уже поджидал Салахби со своими кораблями. Только одному кораблю Худа удалось прорваться в Джир — остальные были либо потоплены, либо причалили к берегу...

Всего на берег сошло с 3 тысячи садумцев и галиджийских балынцев, и нашим пришлось немало повозиться, прежде чем все враги были растоптаны, а шею раненого Худа захлестнул аркан Бырака. Алмыш выдал Худа бершудскому беку, и Бырак повесил его на дереве возле своей ставки на реке Дяу-Шир со словами: «Послужи, о храбрый, нашему Богу Тангре и пусть он возродит тебя вновь уже на нашей земле!»

Это считалось большой честью, ибо недостойных противников болгары по хонскому обычаю сжигали... Своему сыну Бырак дал в память о Худе имя Анатыш. Потом останки бека садумцев упали под дерево и стали почитаться чирмышами, совершавшими жертвоприношения возле них перед выступлением на войну. А дерево и это место получили название «Худ Имэн»...

Покончив у Болгара с врагом, Салахби тут же при помощи анцийцев овладел Башту и взял в жены анатышку — вдову Худа. При этом она спросила: «Где был убит мой муж?» Салахби ответил, что в болгарском овраге, куда в конце концов загнали и где расстреляли стрелами войско Худа. Действительно, с войском Худа было покончено в овраге Бу-елга, названном еще Джилки в память о баштуйском овраге Бу-чай, за которым находился зират...

Арслан с помощью хинских баджанакон выбил Рыштау из Хорысдана и поставил во главе бейлика Кара-Булгар Угыра. Но Салахби тут же двинулся к Хорысдану с частью прибежавших к нему каубуйцев и выбил Угыра вон. Тогда тот устроил себе новую став-

ку — восточнее Хорысдана — и назвал ее Хурса. Баджанакон называли ее «Кура»... Здесь же, в кара-булгарском батавыле Хорысдан, Салахби сыграл свадьбу с Ульджай, ибо решил, что название здешней реки Сююм-Идель подходяще для этого и что этим уважит кана Алмыш. Так закончилась эта война, которую прозвали «Железнодорожной», ибо она началась с разграбления хазарами булгарских караванов на Хорыс-юлы.

Силы Хазарин были в этой войне окончательно подорваны, и солнце ее могущества стало быстро клониться к закату... Но самому Алмышу плодами своей победы воспользоваться не было суждено. Позор его уланов, побежавших в схватке с Худом, а так же попытки его, вопреки советам Микаила, насильственно внедрить истинную веру пошатнули чувство уважения к нему и страха перед ним внутри государства. Вскоре после победы бии, почувствовавшие свою силу и уязвимость кана, собрались в Буляре и продиктовали кану следующие условия:

- кан прекращает принуждать язычников к переходу в ислам;
- кан признает наследственные права Бырака на Бершуд, Аскала на Эсегель, Марджана на Арбугу и Джулута на Нур-Сувар;
- кан берет с этих владений строго определенную дань и в остальном ни на что в них не имеет права;
- кан не имеет права появляться в этих владениях без разрешения их биев как один, так и с войском, и сообщается с ними посредством своих послов в них;
- бии четырех владений не дают кану воинов иначе, чем по своей доброй воле и, в случае совместного с каном или своего собственного предприятия, имеют с ним договорные доли добычи...

Алмыш, хоть и скрежетал зубами, но все же вынужден был принять эти условия ради спасения государства от развала. Позднее он признался Абдаллаху: «Когда мне после смерти Микаила удалось в первый раз без хлопот сменить биев в областях и убедить значительную часть бершудских чирмышей принять ислам, то подумал, что моя царская власть утвердилась раз и навсегда. Однако затем выявилась ошибочность этого мнения и необходимость вновь вспомнить о мудрых заветах Башту». Абдаллах не мог тогда помочь кану советом, ибо никак не мог проехать из Хорасана в Булгар. Наконец, он решил плыть по Булгарскому морю к устью Джайка и оттуда добираться до кочевий марджанских баджанакон. Но в устье его уже ожидал Салар, надеявшийся обменять Абдаллаха на Мала, а затем уже Мала — на Алпамыша. Тебир был схвачен тюркменами и отвезен в Итиль к Арслану, клятвенно обещавшему произвести требуемый ханом обмен. Однако получив в свои руки Абдаллаха, бек нагло отказал Салару. Бесстрашие Арслана объяснялось тем, что он

признал себя вассалом Саманидов и рассчитывал на их помощь. Действительно, когда обозленный Салар попытался потревожить Хазарию, то на его собственные кочевья совершили набег хорасанские туркмены. Хан сразу же присмирел и, когда Алмыш женил Алпамыша на дочери арбугинского купца Кутлуга и выпустил его из плена без всяких условий, поклялся отдать жизнь за кана булгар. А Кутлуг был основателем беллакского торгового дома «Иллак», занятого обработкой и продажей лучших кож, обуви и других кожаных вещей. Сырье для производства ему приходилось добывать в баджанакских, туркменских, башкортских и кыпчакских кочевьях, и поэтому он охотно принял предложение кана выдать свою дочь за сына огузского хана...

Не смог Алмыш выручить из плена и Мала — своего любимца и наследника. Хасан, страстно желая овладеть тронem, написал Малу в Итиль о желании отца казнить его за поражение в Сульче, и перепуганный этим лживым известием принц отказался покинуть Хазарию на радость Арслану. Бек всегда старался иметь под рукой как можно больше принцев для своих хитроумных игр. Абдаллах утверждает, что он вызвал как-то к себе юных Алана и Юсуфа и заявил им: «Вы — братья-близнецы, и я могу незаметно для всех заменить вас на престоле и вообще делать с вами все, что захочу. Так что служите мне верно, иначе в лучшем случае сгниете заживо в зиндане».

Говорят, что бек подумывал и об утверждении Мала на хазарском престоле, но, очевидно, смерть или какие-либо другие обстоятельства помешали ему осуществить это...

Главной заботой Арслана после Железнознаменной войны был выкуп Алана, которого бек не желал менять на ненадежного и коварного Юсуфа. В 918 году, когда положение Алмыша стало совсем плохим, кан обменял Алана на тебира Абдаллаха, в советах которого пуждался. Сын Микаиля за несколько месяцев поправил положение. Он уговорил Джафара выдать за Аскала младшую дочь Гюльби и передать Нур-Сувар своему сыну Микаилю, который был любимцем Марджана. Джулут, переведенный со своими в Болгар, получил прозвище «Турсуз» и основал там новый балик Барынджар. Этого почтенного Барына тебир умаслил тем, что выдал свою дочь за его сына Татру. Благословленные Абдаллахом, они жили на радость родителям очень счастливо и называли сына в честь отца тебيرا Микаилем. Всем этим Шамси Теберзи смягчил позицию биев по отношению к кану и заставил стать послушным отцу еще одного и самого опасного строптивца — Газана Хасана. Этот принц был в тесных связях с Саманидами (Самани) и в своей борьбе за трон полагался на их помощь...

[Глава 8.] Прибытие Великого посольства

Успокоив страну, Абдаллах стал уговаривать Алмыша организовать новое посольство к арабскому султану. Кан некоторое время отказывался, не скрывая обиды на султанат за неотправку предыдущих посольств, но внезапно его разбил паралич. Вновь все зашаталось, и бии стали съезжаться для разговоров о будущем царе. Так как сам сеид Шейх Хасан, а также Бырак и Марджан ясно высказались за поднятие Микаиля ибн Джафара и даже открыто назвали его балтаваром, то положение этого принца стало предпочтительнее. Однако Алмыш, испуганный болезнью, которую Абдаллах объявил карой Всевышнего за нежелание кана послать послов к султану, согласился-таки на поездку тебира в Багдад и тут же почувствовал себя лучше. Бии, обязанные кану и тебису, тут же вновь сгрудились возле юрты Алмыша, и все опять успокоилось. Газан, сильно испуганный возможностью потерять трон, на этот раз согласился написать для тебира письма Саманидам с просьбой о пропуске Абдаллаха в Багдад через Хорасан. С письмами кана и Хасана тебир и отбыл к султану... На этот раз бек Насыр... добился того, что султан согласился послать к Алмышу Великое посольство с письмом, содержащим текст молитвы о ниспослании Всевышним благополучия Булгарской державе и победы булгарскому войску в священной войне с врагами. Исход дела решил, как рассказывал Абдаллах, показ султану Насыром доказательств борьбы Булгара с неверными — доспехов Худа и сабли хакана Алана, которые тебир провез на себе. На халифа это произвело такое впечатление, какое не могли бы произвести никакие драгоценные подарки...

В 922 году Абдаллах вернулся в Булгар с Великим посольством халифа. Главным послом его был Рази, а секретарем — Ахмед, потомок...

С ними прибыло множество мулл, мастеров и купцов, пожелавших на месте изучить возможности для своей деятельности.

А проводником посольского каравана был Балус Бухарай. Кан встретил посольство очень торжественно и особенно был рад зеленому знамени ислама, присланному халифом. Его тут же прикрепили к древку с полумесяцем на верхнем конце, и с той поры поднимали в случае выступления кана на священную войну с неверными... Все участники посольства получили щедрые награды. Многие из них остались в Булгаре и положили начало известным булгарским родам. Среди них были Джакын, Барыс, Балус и Ахмед, приближенные Алмышем. Ахмеда кан назначил сеидом Булгара под именем менлы Бакира, что вызвало сильное возмущение прежнего сеида — почтенного Шейха Хасана. Мулла пытался найти опору в

лице Хасана, своего ученика, но принц уже тайно договорился с новым сеидом о взаимной поддержке. Обиженный Шейх Хасан перешел в лагерь сторонников эмира Микаиля ибн Джафара, еще до прибытия посольства, в 921 году, возмущенных законом Алмыша о снятии немусульманскими биями шапок перед каном и решившихся на очередную попытку поднятия на трон более терпимого Микаиля. Тогда как раз буртасское и куманское войско Хазарии восстало, свергло Арслана и поставило на место бека его сына Моджара. Моджар, матерью которого была моджарка, давно уже стремился к всевластию в Хазарии и прямо заявлял своим единомышленникам: «Что-то отец засиделся на троне. Я уже старик, а он все не желает уступать мне правление»...

Выбрав момент, когда Арслан послал верного ему Угыра Лачыни с карачаевцами, кашэками и сакланами против Салахби, Моджар поднял мятеж и овладел Итилем. Угир отобрал Башту у Салахби, и тот бежал в Джир, но Арслан потерял власть и бежал в Самандар, где заявил местным булгарам-бурджанам: «Помогите мне — ведь я из рода Уруса, в котором никогда не было... иудеев и который всегда защищал мусульман!» Самандарцы решили спасти бека, и когда к городу подошли хазарские куманы, оказали упорное сопротивление. Куманы все же взяли город и убили Арслана, после чего Моджар выселил джурашских бурджан в пустынную местность Кумык. По этой местности их с той поры и стали называть кумыками...

Угир, став господином Башту, первым делом женился на попавшейся в плен Ульджай. Узнав о свержении своего господина и благодетеля Арслана, он сильно осерчал и объявил себя независимым урусским беком. Когда Моджар прислал к нему чиновников, он заявил им: «Отныне я, подобно ак-булгарам, буду выплачивать хазарским бекам дань только за охрану нашей границы, и не более того». А в Болгар Угир прислал своих послов с такими речами к Алмышу: «Я слышал, брат, что ты мучаешь приверженцев нашей старой болгарской веры, к которым отношусь и я. Поберегись же, ибо я уже стал самостоятельным урусским беком и в состоянии помочь своим единоверцам!» [...] А надо сказать, что после разгрома хазар у Сульчи Бырак вместе с Марджаном овладел городом Кан-Мурдасом, и наши стали собирать дань со всей области между Джиром и рекой Ака. А в этой области было очень много пчел, и ее поэтому называли Кортджак. Сбор дани осуществлял потомок болгарского бека Мара купец Саин. Анчийские субаши, получившие в Булгаре право платить государству лишь строго определенный и умеренный налог за свое занятие корабельным делом, сделали Саину несколько судов, и он плавал на них в Кортджак из Болгара. А глава болгарских анчийцев мастер Караджар, который за уход в

Булгар вместе с Алмышем получил от кана почетное прозвище Караджур и явился основателем болгарского дома Караджуров, всегда плавал вместе с Саином за лесом и другими нужными ему товарами. Только однажды, весной 922 года, Караджур не отправился вместе с Саином, и того коварно убили восставшие тогда мурдасы. Дочь Саина Гюльасма отправилась вместе с Караджаром и жестоко наказала убийц. Кан велел в память о Саине именовать реку Ака Саин-Иделью, а Кортджак передать во владение Гюльасме. Поэтому реку, текущую посреди этой области, стали называть Гюль-Асма. Мурдасов из племени убийц переселили на речку Нэрлэ, которую из презрения к ним стали называть Сасы-Иделью. Эта речка впадает в Гюль-Асму, и на ней сын Караджара Балын устроил свое становище, которое сейчас является городом Балыном. А Балын женился на Гюльасме и стал совладельцем ее земель. Они сообща стали заниматься судостроением, заготовкой и продажей леса, меда, воска, мехов и составили один дом Караджуров. Их сыном был Саин, названный так в честь деда, а его сыном — Кулбак, названный так в память о кулбакском происхождении Караджуры. Сын Кулбака Балта основал в 1003 году для своих дел стан Балта. Тогда же он плавал вместе с тебиром Шахидуллоу к беку Джире Барысу с предложением о беспопытной торговле болгарских купцов на Руси в обмен на часть джирской дани. Барыс горячо поддержал Шахидуллоу и сам отправился с ним в Башту запрашивать разрешение на это у отца Булымера. Булымер охотно подписал грамоту о таком разрешении, ибо тяготился унижительной для него «джирщиной»...

А старший сын Балты купил аул Арча в земле арчан и прозвал себя Арчамышем. После этого и аул стали также называть Арчамышем...

А в 964 году мурдасы предложили сыну Угыра Барысу помочь им овладеть Каном, за что обещали платить дань Башту. Барыс сначала взял у наших Джир, а затем проплыл к Кану и овладел им. Талиб Мумин, желая вовлечь Барыса в хазарскую войну, уступил ему западную часть Кортджака до Балына, но Восточный Кортджак от Лока до Саин-Идели остался за Булгаром до 1164 года...

Дабы дом Караджуров не остался внакладе, Талиб передал ему взамен Балына часть земель по Кара-Идели и Нукрат-су. Сын Арчамыша Джураш по прозвищу Урджум основал поэтому аул Урджум на Нукрат-су... А сын Джураша Асладж, пожертвовавший немало средств на строительство Учеля и сам участвовавший в этом деле, погиб в нем во время набега галиджийцев в 1111 году в возрасте 41 года... Его сын Мар-Кавэс вез Абу Хамида Гарнати в 1135 году на своем корабле, когда мулла ехал через Кан и Кисан в Хорысдан...

Талиб
Балта

111

Карадж

Его сын Тэтэш по прозвищу Балык... Его сын Нуретдин... Его сын Тахам... А дочь Тэтэша... была женой мастера Даира...

Помню, что у Тахама был сын Торай, с которым он приплывал ко мне в Сарай с лесом и невольниками для строительства столицы Кыпчакской Орды. Однажды я рассказал ему по его просьбе о прошлом мангулов, и он очень удивился тому, что мангулы называют кыпчаков и тюркмен «татарами». «Как же так? — спросил он. — Ведь в свое время татары убили отца великого хана, за что и были поголовно истреблены, потом татарами называли всякий нанятый мангулами сброд из немангулов, а теперь Бату велит называть верных ему тюрков этим ругательным для мангулов словом?»

Я ответил ему, что слово «татарин» после уничтожения татар стало означать у мангулов «смертник», «погибший» и что Чингизхан при завоевании Чина вполне естественно повелел называть этим словом обреченных на гибель в бою наемников из немангулов. Но при дележе империи великого хана между его потомками возникли недоразумения, и Бату, обиженный за передачу ему наибеднейших земель, велел назло другим ханам называть своих подданных ненавистным мангулам словом «татары». Что же касается тюрков, то для них слово «татар» означает лишь «мангул» или «наемник мангулов» и поэтому...

На это мне Тахам с величайшим раздражением сказал, что у тех и этих ишаков все шиворот-навыворот, а его маленький сын засмеялся и стал повторять: «Шиворот-навыворот» («ат баш сыер аяк»). И этот его смех, и эти слова постоянно звучали у меня в ушах, когда я писал свою историю. И когда я вспоминал о том величии, которое когда-то имела Булгарская Держава, то обливался слезами и утешал себя лишь тем, что все свершившееся произошло по воле Всевышнего и что Творец обошелся еще довольно милостиво со своим булгарским народом. И я особенно это чувствовал при изучении событий того времени, когда это величие только зарождалось и возникло только благодаря вмешательству Всевышнего. Скажем, когда послание Угыра Лачыни дошло до биев, то они немедленно съехались в Буляре и заявили: «Раз Алмыш заставляет нас снимать шапки при встрече с ним, то больше не будем ездить в его удел и выберем себе нового кана — Миканля. А если старый кан попытается согнуть нас силой — прямо обратимся за помощью к Угыру». Бии призвали к себе Миканля и пообещали ему трон в обмен на сохранение их вольностей, но эмир струсил и не приехал, за что получил прозвище Ялкау... Алмыш тут же объявил о ликвидации старых бийств Бершуд, Эсегель, Марджан и повелел их биям — Быраку, Аскалу и Марджану прибыть к нему за новыми назначениями. При этом он назначил сына Джулута бня Татру улугбеком новой

провинции (губернии) Тамта, расположенной между рекой Чишма и Уралтау. А посреди этой области протекает река Тамтазай, давшая название губернии (иль, вилает)... Бии же отказались подчиниться и стали ожидать набега на Булгар нанятых беком Моджаром башкортов, чтобы с их помощью поднять на булгарский трон нового своего ставленника — Марджана. В разгар «Войны биев» в страну въехало Великое посольство. Предупрежденный каном Балус сумел провести посольский караван мимо укреплений и разъездов мятежников и встретиться с высланным навстречу отрядом Татры. Когда посольство добралось до Болгара, то Алмыш обнял Абдаллаха и, рыдая, сообщил ему о своем отчаянном положении. Тебир тут же предложил ему объявить о признании области Марджана «губернией Марджан» и оставить ее за эмиром. Кан немедленно это сделал, и Марджан прибыл к нему с выражением верности. Он сообщил, что бек Моджар поставил хаканом Юсуфа, а Алана заключил в зиндан. Недовольный этим буртасский бий... решил присоединиться со своей областью к владениям Марджана. Кан разрешил это, и владения эмира расширились от Джегулы (Жигулей) до Саратау. В Жигулях был построен прекрасный город Банджа, который стал вместо Арбу-ги центром губернии, а всю провинцию стали называть либо Марджан, либо Беллак, либо Марджан-Беллак...

Приезд Марджана в Болгар поколебал ряды мятежников. Тогда же в Болгар из Джиря приплыл Салахби для участия в задуманном каном походе на Итиль. Это укрепило позиции Алмыша, но и он, и тебир не решались прибегнуть к оружию в борьбе с повстанцами. И тут в дело вмешался Ахмед, уже в качестве булгарского сеида. «Ты медлишь, хотя сейчас сильнее бунтовщиков, и они могут опередить тебя», — сказал он Джафару. — «Но наши законы запрещают братоубийственные войны», — заметил Алмыш. — «Когда речь идет о борьбе за веру, это не принимается в расчет», — возразил сеид и добился написания фирмана об объявлении священной войны неверным мятежникам. Абдаллах же уговорил Миканля и Марджана отвезти фирман в Буляр, где повстанцы уже насыпали вал и укрепились. Появление у Буляра обоих принцев совершенно смутило Аскалу, и он выехал будто бы для сбора новых сил в свою Сульчу. На самом деле он решил явиться к кану с повинной, что вскоре и сделал. Обрадованный этим Алмыш по совету Абдаллаха объявил об отмене закона о шапках и прощении сдавшихся без боя мятежников, что вызвало брожение в булярском лагере. Видя шаткость своего положения, Бырак выехал из Буляра и сдался канским сардарам — Джулуту и его сыну Татре. Опасаясь, что Бырак посчитает унижительным для себя сдаваться одному Татре и предпочтет сопротивляться, Джулут сам прибыл к Буляру. Расчет оказался вер-

теперь
мне
Алмыш
вас
!!

ним: когда бий увидел его и услышал от него клятвенное обещание пощадить повстанцев, то выехал из-за вала. «Война биев» закончилась...

Алмыш, готовившийся к войне с хазарами, простил мятежников за необходимостью их войск. Но тут случилось то, что расстроило все дело.

[Глава 9.] О кончине Салахби и о его потомках

Перед самым походом Салахби решил купить себе лошадь и отправился из болгарского балика Ака-Басар в балик Халджа, который называли также и Хорезмийским баликом. Там он присмотрел тюркменского коня по кличке Джилан. Однако при покупке он выронил под ноги коня одну монету и неосторожно нагнулся за ней. Джилан же, обученный топтать в бою пеших, тут же ударил его копытом и убил наповал. Алмыш был потрясен потерей своего верного джур и лично присутствовал на похоронах Салахби. Часть садумцев, нанятая Салахби, отправилась вскоре после похорон по Айха-юлы в свою землю, и готовившийся поход не состоялся... Другая часть садумцев отправилась в Джир вместе с сыном Салахби Хумом, назначенным Алмышем новым болгарским наместником Джира. Когда отплывшие в Садум вернулись в Джир, то рассказали Хуму, что дед его Эрек еще жив и что после разгрома Худа он взял себе в память об этом имя Худ. В 925 году Хум был выбит из Джира Угыром, но в тот же год был водворен обратно Алмышем... В 943 году Хум был послан каном Ялкау в поход на Гурджу, в которой вновь стали притеснять тамошних хонов или севарцев. Отряд Хума прошел на кораблях до Итиля, где Моджар самонадеянно попытался остановить его. Раздосадованные выстрелами с берега наши высадились возле дворца хакана и взяли его штурмом. Бек был убит, а его ставленник Юсуф бежал к куманам. На хазарский трон без особых церемоний воссел Алан, освобожденный итильскими бурджанами из темницы. Новый хакан тут же пропустил наш отряд в море. Проплыв его, Хум поднялся по Карачаю до города Алаберде. Хотя это был город мусульман, но они были крепко связаны с неверными гурджийцами и Моджаром, почему крайне враждебно встретили наших и отказались пропустить их в Гурджу. Несколько дней Хум пытался усовестить этих людей, продавших ради выгоды своих соплеменников, после чего на рассвете овладел цитаделью Алаберде и предложил беку города заключить с ним договор о пропуске болгар в Гурджу и обратно. Но вали города был еще более самонадеянным, чем Моджар. Он решил прославиться победой над булгарами и велел жителям готовиться к штурму крепости. Когда

даже гурджийцы, испуганные появлением булгар у их границ, отпустили к ним в Алаберде вождей севарцев, вали схватил этих биев и напал на цитадель. Не добившись никакого успеха, бек коварно предложил Хуму покинуть город в обмен на освобождение севарцев и выкуп. Улугбек Джира согласился, но когда он вышел из цитадели, то вали напал на него. Наши прорвались и вернулись, но Хум был смертельно ранен. Умирая, он испытывал сожаление по поводу своей вынужденной стычки с мусульманами и поэтому завещал сыну Сыпу передать всю добычу мечети. На эти средства в Нур-Суваре построили двухэтажную мечеть «Эль-Хум», красивое здание которой со стороны напоминало кумган, а выступающая с юга галерея — ручку. Стены мечети были украшены изумительным орнаментом и изображениями птиц и зверей. Вокруг нее разбили чудесный сад, в центре которого устроили маленькое озеро, и она стала главной достопримечательностью города...

А Сып нередко плавал в Башту, перевоза свои корабли из Идели в Шир по Бехташу, и поэтому получил прозвище Шамбат. Он был дружен с Салманом, плававшим с его отцом к Алаберде. И владения их находились рядом, в округе Улем... А еще владения потомков Хума, которых называли домом Утар — по имени предка Худ-Эрека, располагались на Чуыле и Агидели. Из этого дома вышло немало славных салчибашей, хозяев перевозов и купцов, плававших на родину Утара — самый север Садума — Урман... Однажды корабль Сып-Шамбата попал в страшную бурю, и он в страхе воззвал к милосердию Всевышнего, обещая в случае спасения принять ислам. Творец пощадил морехода, и Сып-Шамбат по прибытии в Булгар взял имя Гусман... На свои деньги он возвел крепость Гусман на реке Джук, ставшей главной на Нукратском пути на север. А этот юл начинался в Болгаре. Из Болгара плыли по Агидели и Нукрат-су, а затем проходили к крепости Гусман, где соединялись дороги из Джира и Болгара. А из Гусман-Катау по Джуку и Туну выходили к реке Бишек, по ней добирались до притока Бий-су Ошмы и по Ошме также проходили к Бийсу. Ответвление Нукратской дороги, шедшей из Болгара по Агидели и Чулману в Бийсу, называлось Чулманской дорогой... А о происхождении названий этих рек сеид Якуб писал следующее. Однажды сын Айхи Мизан плыл из Урмана в Бийсу и решил сократить путь — не добираться до устья Бий-су, где был город Ак-Артан, а пройти более близким путем. Он высадился в устье какой-то реки, которую стали называть его именем, и затем по ее притоку пошел к Бийсу. За ним погнался шудский бий и смертельно ранил спутника купца — Бозая. Поэтому речка получила его имя. Потом Мизан уходил от погони по левому притоку Бий-су почти без отдыха — и прозвал его Ялитмэ.

Это название впоследствии превратилось в Джалма. Только у Бийсу, где были заставы наших бийсуйских аров, он смог, наконец, передохнуть. От Бийсу он уже в полной безопасности и не спеша направился к югу по реке, которую назвал Ашыкма, а со временем это слово превратили в Ашма... Мизаны занимались торговлей главным образом северными товарами — клыками и рогами водных и полевых Аждахи, мехами, медом и воском. При этом они были неутомимы в своих путешествиях. Сын Мизана даже был прозван Юлбатом... Его сыну Булату кан Мохаммед велел продать право на сбор дани с аров Ишской округи, почему его прозвали Иш-Булатом. Однажды к нему на реку Суджу приехал покупатель его товаров из Азербайджана Минас и попросил рассказать о дороге на север. «Зачем тебе знать это?» — спросил удивленный Булат. — «Товары с севера всегда продают по баснословным ценам и объясняют это трудностью пути на север. Я не верю в это и хочу сам на месте приобретать эти товары», — ответил Минас. — «Но ведь это правда, и только необычайно выносливый, знающий природу и обычаи народов Севера человек сможет добраться туда и вернуться оттуда — и то с величайшим риском для своей жизни», — возразил Иш-Булат, пытаясь остановить купца. Но тот еще более разгорячился и обвинил Булата в плутовстве. Тогда сын Юлбата указал ему самую безопасную из всех дорог на север — Нукратскую и предложил сопровождать его, но Минас отказался и отправился один. К намеченному сроку он не вернулся, и встревоженный Булат отправился по его следам. Недалеко от устья реки От — левого притока Нукрат-су — он обнаружил глыбу льда со вмерзшим в него Минасом... Едва реки вскрылись, Иш-Булат вновь прибыл на это место и погреб купца, а сыну своему дал его имя. Реку От после этого стали называть Кильмес («Не вернется»).

Сыном Гусмана был Кер, прозванный Кер-Хумом за то, что женился на пленной рабыне, румке. Он вместе с отцом, по приказу Талиба, участвовал в походе баштуйского бека Барыса на Рум... Сыном Кер-Хума был Туки, его сыном — Кадыл, его сыном — Шуран, его сыном — Мишар, его сыном — Кукчи, его сыном — Калга Ширдан, его сыном — Халмыш, отбивший у русских эмира Азана, его сыном — Хаир, его сыном — Гали, переправивший бека Газана через Агидель и укрывшийся после этого на Ашите...

[Отрывочная выписка из рукописи свода: «Сыном Гали был Кутлуг, ходивший на Джукетун, его сыном — Асыл, бывший в 1278 году на переправах с татарами и потом скрывавшийся в своем поместье до 1293 года, его сыном — Урус-Куюк, его сыном — Абат, оказавший в 1323 году сопротивление Булюм-Орду (Булюм-Орды) и потом скрывавшийся в своем владении до..., его сыном — Буй...»]

А незадолго до смерти Салахби скончалась жена Газана — хорезмийка Мусалла, а после нее — только что вернувшийся из Хазарии Бат-Угур...

[Глава 10.] Отъезд великого посла

В августе посол Рази решил отправиться в обратный путь. Сеид Ахмед Бакир и Газан настаивали на том, чтобы Рази отправился по Бухарской дороге, однако шейх Хасан напомнил о судьбе купца Мусы и убедил посла в предпочтительности Хорыс-юлы...

В обратный путь Рази пустился в сопровождении эмира Марджана, Шейх-Хасана, его сына — от дочери Марджана Туйбики — Таджа, Балуса... До Арбуги они добрались на корабле старшего сына Караджурь Салмана. Он был женат на дочери Газана Мусалле и имел от нее... сына Сабана — основателя беллакского дома Сабан. А представители этого дома занимались судостроением, плаванием — главным образом к югу от Болгара, торговлей лесом, солью, рыбой. Сабан пожертвовал немало средств на строительство Банджи и ее главной мечети «Сабан».

Его сыном был Саксин, пожертвовавший деньги на строительство города Саксин-Болгара. Его сыном был Джегель, основавший хорошую пристань Банджи, его сыном — Яшель Каф Урус. Он дважды разбивал русский флот. Первый раз это было в 1025 году. Тогда по приказу галиджийского бека Арслана садумцы и галиджийцы сбили заставу Джуннэ-Балика (Джунского балика), основанного по приказу Ибрагима потомком Бури-Баша..., и, подойдя к Болгару, помогли Азгару занять столицу. Яшель, бывший тогда в Тухчи, не потерпел унижения эмира Балуга и решил отомстить. Когда русские, вознагражденные Азгаром, отправились домой, Яшель со своим флотом настиг их западнее устья Арсу, возле аула Наратлык, и потопил. Здесь погибли такие знаменитые беки садумцев, как Бурат, Урман и его сын... В память об этом аул Наратлык стали называть Яшель Наратлык, а место гибели Бурата — Буратом, а бек Яшель получил почетное прозвище Урус. В 1032 году Яшель ходил в Тимер-Кабак в Джураше из Банджи. Тогда джурашский эмир был изгнан из своего города и попросил у Балуга помощи против мятежников. По приказу Ашрафа Яшель вернул Тимер-Кабак эмиру Ризе и получил от кана почетное прозвище Каф. Потом его сын Урман, названный в честь поверженного им садумского бека, женился на дочери Ризы, и у них родился сын Риза, названный в честь эмира. После этого похода Яшель основал также аул Тимер-Кабак в устье реки Самар...

А второй раз Каф-Урус разбил русских в 1035 году, когда на Болгар напал с галиджийским флотом садумский бек Хин-Кубар.

Тогда Яшель потопил несколько кораблей врагов и заставил галиджийцев выскочить на берег, где их растоптали...

А сыном Ризы был Бел по прозвищу Имэн. Он дал деньги на строительство Сарычина, поэтому этот город называли также и Бел-Имэн. А это на его корабле прибыл из Саксина в Эчке Булгар Абу Хамид аль-Гарнати... Сыном Бел-Имэна был Сакал, его сыном — Урман, его сыном — Азгар, его сыном — Асла, его сыном — Атрак, родившийся в 1220 году... [Отрывочная выписка из рукописи свода: «Атрак, сын Аслы или Ашлы, был лишен флота за переправу войска Газана через Агидель и, бросив торговлю, стал казанчиком. Центром его владений стал город Караджар или Караджура, который стали потом называть в честь Атрака Атрач. И род его получил название Атрач».]

В Арбуге Марджан рассказал Рази о гибели всех мурдасов от страшной болезни, во время которой человек испытывал колики в животе, краснел и затем погибал в невыразимых мучениях. Шейх Хасан тогда сказал людям: «Примите ислам — и Всевышний найдет способ спасти вас!» Все тут же приняли истинную веру, построили мечеть в городе Буртас — и спаслись, а мурдасы, оставшиеся в язычестве, погибли все до единого. Эмир предложил послу посетить и освятить молитвой эту мечеть, тем более, что Буртас находился по пути, и Рази, взволнованный услышанным, согласился... После молебна в буртасской мечети, которой посол дал имя «Марджан», к нему явились люди из соседней беллакской крепости Суба и попросили его освятить молитвой только что построенную ими мечеть. Рази и тут не отказал и отправился в крепость, мечеть которой и саму крепость люди в память о его посещении называли его именем...

После отъезда Великого посольства Алмыш завершил раздел страны на новые провинции. На месте Болгара, Бершуда и Эсегеля были образованы провинции Сувар с центром в Нур-Суваре, Болгар с центром в Болгаре, Мартюба, подчинявшаяся Болгару, Байтюба с центром в Буляре, Тамта... и Кашан с центром в городе Кашане, позднее подчиненные Буляру. А Кашан был основан Джакыном, который женился на дочери Абдаллаха и имел от нее сына, названного в честь тебира Абдаллахом. Джакын всецело был предан сыну Микайля и даже из уважения к нему принял из его рук ислам и имя его отца — Микаиль. Это помогло роду Джакына войти в число немногих избранных. Так, сын его Абдаллах был губернатором Буляра, Суvara и Болгара. А прежняя провинция Бийсу была разделена на три — Бийсу с центром в Гусман-Катау, Ура с центром в ауле Каргадан и Байгул, подчинявшуюся Уре...

По совету Абдаллаха ибн Башту Джафар произвел реформу

налоговой системы. Так как игенчеи-сабаны запятнали себя участием в «Войне биев», он запретил это название и повелел именовать эту категорию игенчеев субашами — в память о поддержке ими кана. Субашами с того времени называли игенчеев-мусульман, плативших государству только минимальный и строго определенный налог деньгами, скотом, мехами или продуктами. Этот налог в случае необходимости мог заменяться другими равноценными повинностями — строительством дорог, мостов, казенных зданий и прочими. Субашей не брали на войну, и только в случае нападения неприятеля на Булгар они составляли ополчение. Игенчеев, оставшихся в язычестве, зачислили, по их желанию, либо в чирмыши или ак-чирмыши, либо в кара-чирмыши. Чирмыши платили налог в размере субашского и, кроме этого, находились на военной службе. Во время войны они получали часть добычи. На военные сборы они должны были являться в полном вооружении, которое приобретали на свои средства. Любой воин в случае обнаружения у него недостатка в вооружении мог быть казнен на месте. Так же он казнился за неуважение к оружию... Кара-чирмыши же платили двойной субашский налог, налог в пользу мечети и, кроме того, несли прочие повинности в размере двух субашских налогов. Кроме этих категорий государственных крестьян, из которых субаши и чирмыши считались младшими рыцарями — бахадирами — и могли иметь оружие, при Газане появилась новая категория крестьян — курмыши. Курмышами стали называть кара-чирмышей, которых обязывали платить свой налог среднему и высшему рыцарству — уланам или казанчикам. Еще позднее некоторые уланы за особые заслуги стали получать земли кара-чирмышей в наследственное владение. Курмыш мог уйти от казанчия, но в таком случае терял землю...

Хозяева в городах составили рыцарское сословие суvari, ибо этот разряд был сформирован по проекту нур-суварских купцов и мастеров. Мелкие хозяева-суварчин были приравнены к бахадирам, средние — к бекам, вали, сотникам и иналам, знатные — к уланам... Они также должны были в случае нападения врагов составлять ополчения кавэсцев и, кроме этого, содержать булек (отряды) из наемных воинов и служить яубашами (офицерами)...

Кроме этого кан заметил, что страна весьма неукреплена и при этом окружена врагами. Заменяя часть налогов игенчеев обязанностью строить и содержать укрепления, Джафар предпринял строительство валов и крепостей. Непосредственное руководство этим делом кан поручил Аскалу, женатому на дочери Алмыша, в помощники ему Джафар отрядил бека Джулута. Эти уполномоченные проехали вместе с каном, сеидом Бакиром и тебиром Абдаллахом по стране и наметили места строительства крепостей. От стоянки

Шепше у Дяу-Шира, на речке, которую в народе называли также Нарат-Елга, они проехали к стоянке Мардуан на Ахтае, от нее — к стоянке Урнаш на реке Утиг [Отрывочная выписка из рукописи свода: «А город Урнаш после смерти дочери кана Мохаммед-Алама Кюхри — стали называть ее именем»], от нее — к местечку Такта между Ахтаем и Кичи-Чирмышаном, возле которого Бырак атаковал тюркмен. Сеид благословил строительство в этих местах крепостей, и были построены города Шепше, который стали называть и Ас-Кала, Мардан, Урнаш и Такта. А мастерами были будущие основатели знатных домов: Чути из Такты, Абрак-Хум и Убар. Все они — и тактачы Чути, и чулмекчи Абрак-Хум, и бакырчы Убар переселились потом в Банджу, а их потомки составили знатные дома тактачиев, чулмекчиев, тимерчиев, алтынчиев и бакырчиев и в Бандже, и в Болгаре, и в Буляре, и Нур-Суваре...

А потом были обновлены крепости Торкоч (Теркеч) в Сульче, в Нур-Суваре, который называли также Барынту — в память о пребывании здесь барынов Алабуги, построены крепости в Кермеке, который был назван в честь сына Аскала Кермека, Тэрсэк на Сульча-су, Дэбэр на Зюя-Идели. А Дэбэр был последней крепостью, построенной при Алмыше. Потом, при Газане, были построены крепости Матак между Кичи-Чирмышаном и Сульчей, Нукрат между Ахтаем и Кичи-Чирмышаном, Банджа, Буляр, Камыш на Кинеле, Симбир, Газан-Дэбэр на Зюе, Кашан и Тухча на Агидели, Тау-Керман неподалеку от устья Зюя-Идели, Таш-Болгар, Субаш-Симбир, Таш-Симбир и Караджар на Горной стороне, Джилан на Чишме. Всего городов при Газане стало уже тридцать, почему с той поры и сохранилась поговорка: «Газан патша заманында утыз кала»...

В 924 году скончался эмир Марджан или Мардан, в память о котором провинцию Беллак стали называть также и Марданом. Балус женился на его дочери Сузби, и после смерти Мардана беллакцы поставили бека губернатором своей провинции. Это право самим избирать своих губернаторов марданцы получили от кана за то, что поддерживали его во время «Войны биев». Кроме этого губернаторы Беллака получали титул эмиров, который носили лишь родственники кана и немногие знатные беки...

Хотя Мардан не всегда ладил с Алмышем, кан тяжело переживал его смерть. «Всевышний уже забрал к себе на суд всех моих братьев — значит скоро и моя очередь», — сказал он тебиру Абдаллаху. Готовясь к путешествию в другой мир, Джафар торопился закончить начатые реформы. Он даровал автономию жителям Болгара, а затем — Нур-Сувара. В Нур-Суваре позднее была построена мечеть «Эль-Хум», при медресе которой возникло братство «Эль-Хум». Члены этого братства, отказавшись от роскоши и

других мирских соблазнов, неустанно распространяли свет истинной веры по всем провинциям государства...

Балус, ревнуя суварцев и болгарцев, также развернул строительство городов и укреплений. Так, в 925 году он возвел новую столицу Мардана — Банджу, которую стали называть и Банджа-Буртас, и Нуша-Банджа... Своей соборной мечети банджийцы с удовольствием присвоили имя «Сабан», ибо оно напоминало им о стародавних привилегиях и происхождении из сабанских родов... Он построил также несколько кабаков на Идели, один из которых назвал в честь жены «Суз-Урыны». Балус всегда советовался с женой, прежде чем принять какое-либо решение. А в народе Сузби пользовалась таким уважением, что после смерти отца некоторое время правила Беллаком. Однако в Мардане все важнейшие решения принимали меджлисы округов: правобережных — Буртасского и Арбугинского и левобережных — Баджанакского и Кинельского. В отличие от меджлисов Болгара, Сувара и Буляра, на них играли большую роль потомки биев, которых называли аксакалами. В правобережных округах преобладали потомки сабанских, сакланских и моджарских биев, а в левобережных — кыр-баджанакских биев. Немало марданских баджанаксов в годы нашествий тюркмен, кыпчакских тюрков и мангулов бежало в правобережные округа Беллака и в Тамта-Башкорт. Под их влиянием часть моджарских булгар стала произносить «ц» вместо «ч», а башкортские булгары — «h» вместо «с». Так, например...

Наибольшие свои доходы Мардан получал от торговых пошлин, ибо все пути из Внутренней Булгарии на запад и юг шли через города, кабаки и мензели Беллака и потому, что сами эти дороги содержались очень хорошо. Доходило до того, что купцы из Болгара предпочитали добираться до Кана не через Мартюбу, а более длинным, но лучшим путем — через Беллак. Марданцы очень гордились тем, что и великий посол проехал через их край. Рази проехал через Арбугу, Буртас, Рази-Субу, земли мухшийских башкортвов или моджаров, подчинявшихся Буртасу, и выехал из Беллака через последнюю булгарскую станцию на Хорысдан-юлы Борын на реке Борын-Инеш — притоке Шира. Потом Борын стали называть и Яучы. О том, почему река была названа так, историки говорят по-разному. Одни говорят о том, что она получила это название по причине расположения станции на борыне (мысу) в излучине реки. Другие — что река в этом месте дошла до носа переправлявшегося через нее первого булгарского купца, и он поэтому назвал ее Борын-Инеш. А до этого великий посол отдыхал после Рази-Субы на станциях Купэр или Кубар на реке Кубар, Буртас-Симбир возле реки Карга, Йозек, Ышна на реке Ышна, Леубат или Айбат...

А после Борын-Инеша остановки на Хорыс-юлы были в Сарык-Куне, где устранивались ярмарки и продавались прекрасные овцы и овечьи шкуры, Сыгыр на переправе через Шир, Чыршы и Балын на реке Саз-Идель. За Балыном встречались уже анчийские разезды из бывшего кара-булгарского города Хурса. Станция Балын была выстроена джурой Караджаром и названа им так в память о месте его рождения... А Хорыс-юлы считался третьей по значению дорогой Булгарии после Нукратской и Бухарской, поэтому на нарушения ее безопасности булгарские каны реагировали быстро и всеми силами... Караван-сарай в Болгаре, Нур-Суваре и Кермеке были государственными, в Арбуге, Соям-Аке и Рабате — арбугинскими, в Шарыке, Бургасе, Рази-Субе, Хорысдане или Кубаре, Бургас-Симбире, Йозеке, Ышне, Леубате и Яучы — мардан-бургасскими и обслуживались нашими булгарами. А вот станции Сарык-Кун, Сыгыр, Чыршы и Балын содержались бургасами, платившими за это десятую часть своих доходов беллакской казне. При этом ширские бургасы отлично знали свою родственность с марданскими булгарами бургасского происхождения и вполне ладили также с балынскими и русскими своими родственниками — мурдасскими ульчийцами и анчийцами...

Эта часть Хорыс-юлы считалась наиболее опасной и уязвимой для нападений тюрок и балынцев, однако на открытый разбой решались немногие из них. Наиболее крупный разбой был во время Борын сугышы, происходившего в 1110 — 1111 годах...

В 1107 году Шарыхан, сын Кур-Батыра, опоздал с набегом на Балын и был объявлен каном виновником неудачи балынского похода и мятежником... Кур-Батыр возглавлял при Балукке наемное куманское войско Ашрафа в Саксине, а затем был катавылом (главой гарнизона) марданского города Шарыка. Здесь у него в 1041 году родился сын Шарыхан, который, по одним сведениям, получил имя города, а по другим — имя кана Шарафа. Он унаследовал высокий рост, бесстрашие и необычайную силу отца... В 1040 году, когда к кану явилась новая толпа тюрок, он велел ей вместе с братом Гали Курмыша Рахманом и Кур-Батыром подчинить Бурджан. В течение года они без особых трудностей подчинили Джураш, Саклан, Кашэк и Тамья-Тархан, выбив из Тамья-Тархана румских наместников. Урусский бек Ар-Аслап признал эти области булгарскими, но после его смерти в 1054 году его сын Бат-Аслап вместе с румцами атаковал Тамья-Тархан и выбил не ожидавшего нападения Рахмана вон из города. Разгневанный кан перевел Рахмана из Хин-Калы начальником заставы в Яучы, и его потомки

получили это прозвище. Ободренные поражением бурджанского тархана тюркмены внезапно подняли мятеж и напали на Хин-Калу. Несколько месяцев наши сидели в ней в осаде, потеряли Кур-Батыра, и только сыну Гиласа Балусу удалось разбить их. Тюркмены бежали и укрылись в урусском городе Бури-Аслап, населенном балынцами. Балус хотел смести эту крепость с лица земли, но брат Бат-Аслапа Сып-Булат смягчил его сердце выплатой огромной дани, сообщением о бегстве тюркмен в Джалду и обещанием покончить с ними в случае их возвращения. В 1060 году тюркмены возвратились, но были разбиты Сып-Булатом и в большинстве своем вернулись на булгарскую службу в Саксин. Однако вскоре вскрылось, что Сып-Булат тайком нанял часть тюркмен на службу, и за это Балус и молодой Шарыхан разорили его область. Но в том же году сами куманы решили занять бывшую тюркменскую область и, поставив над собой ханом бывшего раба Шарыхана Асана, ушли из Саксина. Шарыхан поневоле ушел с ними, ибо в противном случае куманы угрожали ему истреблением его родичей. Но вскоре Шарыхан попал в плен к анчийцам, был выкуплен из него Ахадом и вновь стал служить Державе. Опала Адама вновь заставила его стать тюрком, но ненадолго. В 1107 году анчийцы, балынцы во главе с Бат-Балыком и сын Асана Айюбай разбили Бунека, к которому примкнул было Шарыхан, и хан бежал к Ширу. Урусы преследовали его и в 1109 году — у Сыгыра — отняли последних верблюдов, арбы и юрты с семьями. С одной дружиной Шарыхан едва успел укрыться на станции Сыгыр. Балынцы предлагали взять мензель приступом, но бережно относившиеся к Хорыс-юлы анчийцы отказались и тем самым спасли хана.

После ухода урусов Шарыхан прибыл со своим отрядом и с сообщением о готовности балынцев к разбоем к сыну Рахмана Авару, бывшему тогда в Яучы. Возмущенный поведением балынцев Авар Яучы на свой страх и риск принял Шарыхана на службу. Бек не прогадал. В 1110 году сын Сып-Булата Булымер со своими балынцами и тюркменами и Айюбай нагло напали на Яучы после отказа Авара выдать им Шарыхана. Наши были предупреждены о нападении Сарычином — одним из сыновей Шарыхана, вынужденно подчинившихся Айюбаю, и заранее укрепили станцию и разместили в ней стрелков. Когда же тюркмены и куманы пошли на приступ, устила трупам людей и лошадей свой путь, марданская конница атаковала врага с двух сторон «Носа» и осыпала его дождем стрел. Балынцы оказались в центре этого ада и не знали как из него вырваться. Наконец, куманы и тюркмены, преодолев свой ужас ради спасения жизни, бросились на конных стрелков. Едва враг приблизился, стрелки уступили место стоявшим позади них бургасским и

арбугинским джурам, и те остановили его мощным встречным копейным ударом. А когда наши рыцари выхватили палаши и топоры, неверные обратились в беспорядочное паническое бегство. Балынцы же бежали еще раньше, и с той поры Булымер всю жизнь боялся биться с булгарами...

Шарыхан со своими устремился в погоню и устал вражескими телами пространство от Бoryн-Инеша до Шира. В Яучийской битве 6 тысяч наших уложили 10 тысяч врагов, потеряв 50 пехотинцев и 450 всадников. За служебное рвение Адам простил хана и дал ему в пожизненное владение налог с одного аула в Тиганакском уезде Байтубинской губернии. Так как старик Шарыхан называл себя «сыном Кура», то и аул этот стали еще при его жизни называть Курнали. Его сын Сарычин со своими людьми отстал от Айюбая в надежде на спокойную жизнь на Шире. Но униженный Булымер на следующий год заставил сына Мышдаулы атаковать Учель и уложить на скользких склонах Богылтау почти все 7-тысячное галиджийское войско, а сам вместе с Айюбаем сжег Сыгыр и разбил Сарычина. Хан отступил на Ял-Инеш, правый приток Шира впадающий в него выше, но Булымер и Айюбай со своими балынцами, тюркменами и куманами направились и туда. Когда они обрушились на Сарычина, его брат Атрак отделился от Айюбая и бросился на неверных. В конце концов они были разбиты, но нанялись на службу Державе и благодаря этому сохранили четверть своих людей. Остальные — в большинстве старики и дети — погибли на поле за Ял-Инешем, которое после этого стали называть Хэлэк кыры («Гибельным»). Однако война эта не затихла, ибо Булымер отказался возместить Державе ущерб от его нападений на Хорыс-юлы.

В 1113 году оба сына Шарыхана отомстили Айюбаю нападением на его стойбища на Кичи-Шире, но неверный хан бежал к Булымеру и уцелел под его защитой. В том же году Булымер занял урусский престол в Башту и за это, по договору с анчийскими купцами, возместил Державе ущерб. Но в 1116 году молодые балынские беки сожгли станции Балын, Чыршы и Сыгыр, а Айюбай вместе с Бунеком взяли Хин и пригнали на Русь множество пленных булгарских тюркмен и баджанакров. Их поселили рядом с барынами, которые выразили Булымеру свое недовольство его разбоями на дорогах. Балынский бек оправдывался тем, что будто бы молодые беки совершили злодеяние без его ведома, а тюркские ханы ему вообще не подчиняются. На самом деле он сам не отправился в поход только из страха перед булгарами. Но исподтишка зловредный Балынец, прозванный нашими Караком, поддерживал разбой. Сразу после взятия Айюбаем Хина он соорудил на Кичи-Шире, на полпути из Хурсы в Харьку, крепость Чаллы-Кала для сообщения посредством

ее с Хином и исламскими странами в обход Булгара. Это вызвало большую тревогу у кана, и ответ был дан немедленно.

В 1117 году беллакский отряд во главе с Аваром разгромил Чалды-Калу до основания. Анчийцы, бывшие здесь, сдались без боя и были отпущены. А взятых в крепости балынцев заставили строить крепость в Кашанской губернии, и ее также называли Чаллы. В память об этом Авар взял себе прозвище Чаллы-бей. В том же году было покончено и с ордой Айюбая, а бывшие в Хине анчийские тюркмены, баджанак и куманы в панике бежали на Русь. Адам объявил себя каном Дешт-и Кыпчака и переселил сыновей Шарыхана в Хин, но в 1120 году Атрак с частью своих людей внезапно ушел в Гурджу. Тогда же к власти пришел эмир Колын, немедленно потребовавший от Булымера возвращения саксинских тюркмен и баджанакров, но Балынец ответил нашим послам отказом. Когда хинцы узнали об этом, то восстали и укрепились вместе с частью барынов в их городе Барындиу. А стоявший наготове в мензеле Балын отряд Авара занял при помощи анчийцев Хурсу и пригрозил Булымеру походом на Башту вместе с анчийским беком и Сып-Булатом. Посланник Авара передал Булымер-Караку насмешливые слова бека: «Если ты повинись перед каном Булгара, то я похлопочу, чтобы он подарил тебе твой золотой шлем, который ты обронил во время бегства от Бoryн-Инеша, и весло, которое твой сын Джурги потерял во время поспешного отплытия от Болгара». Зная, что все анчийцы Руси сочувствуют булгарам и готовы при удобном случае вместе с ними покончить с балынцами, Булымер выдал Чаллы-бею всех саксинцев и примкнувших к ним барынов, а также заплатил тройную цену за ущерб Хорыс-юлы и возобновил прерванную им выплату джирской дани. Половина его собственных тюркмен, баджанакров и куманов также бежала после этого из Руси в Джалду. Так закончился этот самый большой разбой на Хорыс-юлы, и так был наказан за него Булымер...

[Глава 12.] О кончине кана Алмыша Джафара
и о правлении его сыновей

Воровство, однако, случалось и на других дорогах, но особенно часто — на Артан-юлы или Гэрэбе юл, шедшем из Булгара в Артан через Джир и Галидж... В 925 году на разбой вышел сам Угыр Лачыни и взял Джир внезапным приступом. Разбой этот был таким вопиющим, что Алмыш самолично, несмотря на зимнюю стужу, отправился в Джир для наведения там порядка. При приближении кана Угыр бежал, оставив в городе сильный отряд. Губернатор Джир, сын Караджара Салман, искупая вину за свою беспечность, а

вернее, доверчивость, не стал обременять джур Джафара и сам отбил Джир. Остатки гарнизона убежали из крепости на гору, расположенную рядом с городом, и решили отбиваться. Однако наши не стали утруждать себя бессмысленным штурмом и только обложили гору. На следующий день они спокойно поднялись на вершину и обнаружили на ней тела замерзших балынцев и галиджийцев...

На обратном пути через дремучий лес на кана внезапно набросился огромный медведь и, прежде чем охрана убила его, нанес Джафару глубокие раны. Несмотря на усилия табиба, Алмыш истек кровью и скончался. Его погребли в болгарском балике Гюлистан, который он сам назвал в память о своей любимой дочери...

Уланы подняли на трон Газана, которого называли и Хасаном, и Казаном. Царствование этого кана было, как утверждал в своем «Хон китабы» Мохаммед-Гали, «подлинным бедствием для страны». Правда, Якуб называл Газана святым, но это скорее из жалости к нему...

Прежде всего Газан стал раздавать земли сербийских и арских кара-чирмышей своим джурам в наследственное владение. Этих игенчеев стали называть курмышами, а их господ, в память о Газане — казанчиями или уланами. Когда запросы уланов возросли, кан стал раздавать им кара-чирмышские и чирмышские аулы Эчке Булгара или Буляр Йорты, население которых оставалось еще в язычестве. А делал он это с благословения сеида Ахмеда Бакира, который стал первым советником и другом Газана. Якуб-казы утверждал, что Ахмед происходил из дома Бармаки и что в 737 году бурджане приняли ислам из рук Хаммада Бармаки, возглавлявшего посольство султана к хазарскому хакану. Сыном Хаммада был Яхья, его сыновьями — Джафар и Фадлан. Джафар был везиром султана Харуна ар-Рашида, но оклеветан завистниками и казнен. После его гибели наставником и воспитателем потомков Джафара стал его брат Фадлан, и отец сеида Бакира получил поэтому его имя. А сыном Джафара был Хаммад, его сыном — Рашид, его сыном — Аббас, отец Фадлана и дед сеида Ахмеда...

Своей жестокостью Газан и Бакир сильно настроили против себя народ. Многие игенчен бежали тогда в Беллак. Кан хотел было вернуть их, но Балус твердо заявил о решимости исполнять закон о невыдаче беллаков кому бы то ни было, и Газан отступил. Правда, он попробовал вначале сместить эмира при помощи марданских биев, терпящих ущерб от переселенцев, но Балус призвал на помощь баджанакцев и, в конце концов, погасил возмущение передачей биям части субашского налога с пришлых игенчеев. Несколько биев, однако, бежало к Газану, и кан удовлетворил жалобщиков

передачей их Симбирского округа Мардана Нур-Сувару. Балусу, в свою очередь, пришлось с этим смириться...

Недовольство оставшихся в Эчке Булгаре игенчеев вылилось в мятеж Бырака и его сына Бел-Субаша или Була. Будучи катавылом Шепше, Бырак не выдержал гонений на бывших своих чирмышей и вместе с сыном поднял летом 925 года восстание. Их требованием было возвращение к порядкам Алмыша и смещение Бакира. Сам Бырак укрепился в Шепше, а Бел — в Булярском мензеле, защитником которого он являлся. Однако Газану остались верны нур-суварский улугбек Аскал и сын Джулута Татра-Ахмед. Последний был женат на дочери тебира Абдаллаха, но не смог удержаться против верноподданического напора своих тамтайских биев, которым кан разрешил брать с беглых игенчеев кара-чирмышский налог. Джакын, тоже зять тебира, избежал искушения примкнуть к Быраку совершенно случайно: основанную им и подвластную ему Тухчи, на его счастье, успел занять флот Хума, прибывший из Джир. Поговаривали, что кан поручил салчибашы в любом случае прикончить опасного претендента на трон, но Хум пощадил Джакына, как родственника Абдаллаха. Дело в том, что джирский бий был преисполнен благодарностью к тебиру, спасшему его — после набега Угьра на Джир — от гнева Алмыша...

Сдавленные с двух сторон нур-суварскими казанчиями и тамтайскими биями повстанцы сдались без боя, если не считать небольшой стычки у Буляра. Виновником этой свалки был Бел-Субаш. Матерью его была дочь Бат-Угьра Хадича, от которой он унаследовал богатырскую силу Мумина. Бат-Угьр был невысок, но широк в плечах и железотел, и точно таким же был Бул. Но от добродушного и сдержанного Мумина Бел Субаш отличался невероятным и почти не сдерживаемым своеобразием и нетерпением. Отец мечтал, чтобы он занялся торговлей или ремеслом, но у Була, конечно же, не хватило терпения заниматься этим наиславнейшим и, вместе с тем, многотрудным делом, и он предпочел службу. Тяготение к службе объяснялось еще и влиянием матери, любившей воинские забавы и бесстрашно бросавшейся в кровавые поединки на воинских сборах. Но слух о ее тяжелом копье быстро распространился по стране, и охотников помериться с ней силой и воинским искусством было немного. Говорят, что Мумин всю жизнь мечтал о сыне, но Аллах не даровал ему его, и мечты его воплотились в дочери Хадиче и сделали ее похожей по характеру на мужчину. Бырак завоевал ее сердце только тем, что одолел в поединке...

Бел-Субаш отказался сдаться Аскалу и потребовал, чтобы его сдачу принял Татра-Мохаммед. К сожалению, Аскал отказал ему даже в такой малости, и тогда Бул один прорвался сквозь ряды

нурсуварцев к Шепше, где сдался Татре. Кан не прочь был прикончить своевольного бия, но он и его отец были спасены заступничеством Татра-Мохаммеда. Все же бии и их люди были наказаны направлением на строительство Буляра. Они в том же году построили цитадель, но Газан велел им насыпать новый вал и застраивать пространство между ним и цитаделью...

«Наказание» постигло и Михаила. Видя в каждом заговоре происки Ялкау, кан отправил его в качестве посла в Багдад к эмиру всех мусульман и предложил совершить хадж. Тебир Абдаллах счел за благо отъехать вместе с Михаилом...

930 год, как пишет Мохаммед-Гали, был голодным, и к зиме положение народа стало совсем нестерпимым. Повсюду рыскали сборщики налогов кана и забирали у народа последние припасы. Чирмыши же совершенно истомились на нескончаемом строительстве Буляра, и даже всегда сдержанный Бырак дошел до последней степени отчаяния и воскликнул: «О, Тангра! Если покараешь мучителя-кана, то покажешь мне, что исламская вера — истинная, и я приму ее!» Кто-то донес об этом, и бий вместе с сыном, опасаясь казни, бежал на Горную сторону. Здесь они услышали весть о выступлении против кана сына Мардана Хадаша или Хаддада и немедленно поддержали его истреблением билемчеев в своей округе...

Мардан был сыном Джилки и мурдаски, а матерью Хаддада была буртасская бика Леклек, поэтому он пользовался любовью и доверием как наших буртасских булгар, так и ульчийских мурдасов, которых называли батышцами. А это слово получилось от сабанского слова, означавшего «запад», ибо после своего бегства из Буляра мурдасы поселились западнее сабанов...

Хаддад был очень гордым, и когда после смерти Мардана беллакские бии предложили ему возглавить их, то отказался и сказал: «Если я и займу какой-либо трон — то только канский». Осень 930 года, когда возмущение народа правлением Газана достигло предела, он счел удобным моментом для захвата трона и двинулся из своей станции Кубар или Хорысдан на Болгар. Однако переправиться через Идель у Арбуги ему не удалось из-за действий флота Хума, и он отступил в Буртас. Зимой уже Газан двинулся на него, но Хаддад со своими ближайшими джурами ушел к батышцам. Те, пораженные великолепием одежд и оружия эмира и его воинов, избрали Хаддада своим беком. В память о своем бегстве Хаддад назвал себя Качкыном, и его род стали называть Качкынами или Хаддад. Свою столицу, построенную по образцу буртасских городов, он назвал именем своего последнего булгарского пристанища — мензеля Хорысдан. А сам Хаддад Качкын и его потомки были опас-

ны для правителей Булгара и Руси, как принцы дома Дуло и, значит, претенденты на оба трона, поэтому и те, и другие не жалели усилий для искоренения этой булгарской династии. Долгое время труднодоступность Батыша спасала дом Качкынов. Однако в 964 году Барыс отнял у них Кан, а в 1088 году канские батышцы отняли у Батыша и Кисанскую область. Наконец, в 1112 году Булымер-Карак штурмом взял Хорысдан в отместку за приют, данный Качкынами куманам Шарыхана, и оставил последнему потомку Мардана Хаддад-Шамгуну лишь небольшую часть Кортджака. Еще раньше, в 1088 году, в этой округе Ахад Мосха поставил с разрешения Батыш-Шамгуна крепость Мосха... Потом сын Хаддад-Шамгуна Кучак подумал бежать в Булгар... и также получил прозвище Качкын. У Кучака были сыновья Яхам и Аслан от сакланской бики и дочь Баниат от батышки. На ней женился балынский бек Хан-Тюрый и имел от нее сына Кипзяслана. Яхам остался на службе в Балыне, а Аслан отъехал в Булгар, к дяде — сакланскому бию Батыру. Здесь он организовал хозяйство, занимавшееся добычей и обработкой камня. Сам Аслан на камне — как по дереву вырезал надписи, узоры, растения, зверей и людей, изготовлял байдбалы, и были они словно живые. Когда от ран, полученных в Болгаре во время войны 1164 года, умер старший сын бека Хан-Тюрый Кипзяслан, то Хан-Тюрый умолил Аслана приехать и украсить каменной резьбой поминальный храм Кипзяслана возле Балына. Аслан пасилу согласился, и то только потому, что Кипзяслан был его племянником... Потом он ездил и в Булымер — украшать каменной резьбой главный городской храм. А его сын Яхам, названный так в честь дяди Яхама, украшал храм в балынском городке Джурги и в... А сын его Абархам, бывший членом ордена «Эль-Хум» и дававший на содержание этого братства большие средства, был убит уланами возле булярской церкви «Нипан»... Опасаясь осквернения могилы отца, сын Абархама Ас разрешил мне перенести его останки в Булымер, откуда когда-то ушел в Булгар Аслан...

А потомки еще двух сыновей Хаддад-Шамгуна — Ислам-Батыша и Байтугана — жили в Булгаре. Они переселились в Булгар, не выдержав унижений, и занимались здесь торговлей в северных землях Державы. Батыш вначале торговал к востоку от Бий-су, на реке Шегор. А вначале эту реку называли Урсу. Но вот когда он собрался туда, другие кунцы — шимальчичи или чулманцы — стали насмешливыми улыбками выражать сомнение в успехе его предприятия. Тогда обиженный Батыш поспорил с ними и пообещал им в укор провезти на Урсу не только себя, но и живую корону. А корону он называл по-хонски — шегор. Ислам вообще любил включать в свою речь хонские слова, показывая свою образованность.

чем умилял мулл, нарочно, для отделения себя от простолюдинов, зубривших в медресе непонятные уже народу хонские слова. А этот обычай бурджанских мулл одобрил сеид Бакир, всю жизнь сохранявший чванство персидских вельмож. Это дело пытался пресечь кан Ялкау, выселивший из Болгара всех говоривших «побурджански» мулл, но те перебрались в Нур-Сувар и продолжали учить по-старому. А в народе выражение «бурджан теле» стало означать «искаженная речь», и поэтому говоривших с баджанакским акцентом тамтайских или башкортских булгар булярцы называли «бурджанцами»... Но, благодаря Исламу, одно хонское слово «шегор» уцелело на Севере, ибо он все-таки довез свою корову живой до реки Урсу, и ее с той поры стали называть Шегор-су... И сын его Гусман торговал за Бий-су и получил поэтому прозвище Шегор, но затем ему стало здесь гесновато, и он, сразу же после присоединения к Державе Тубджака, отправился еще дальше. Тогда, в первую свою поездку, Шегор добрался до реки Иджим (или Ишим) и назвал ее именем своего сына. А оймекская эта река получила имя знаменитого сэбэрского или моджарского хакана Иджима — отца Башкорта, по имени которого сэбэрцев стали называть башкортами. На этой реке была любимая ставка оймекских ханов, а говорят — еще и самого Иджима — Кызыл Яр. Местность здесь действительно очень живописная, я это увидел своими глазами, когда ехал к Бату в 1232 году. А проехал я тогда сюда через Дим. Агидель, через которую переправился у устья Стерле, Мияс, озеро Чубар-кюль, крепость Чияябе, где добывалось железо и куда свозилось для отправки в Банджу и Буляр все добываемое на Урале, реку Туб, которую называли также Соб, Собол и Тубыл...

Во вторую свою поездку Гусман добрался уже до Чулым-су или Чулымша, проехав после Ишима Артыш по Сюрхотской переправе, Оймек-су или Ям, по имени которой стали звать северные кыргызы. Байгул выше устья Чулыма. Весь этот путь наши стали называть Чулымским или Чулымш-юль, а также Хон-юлы и Хот-юлы. Иджим в честь него назвал своего сына Чулымшем... А там купец узнал, что от Чулыма по Байгул-су чулымцы добираются до сэбэрского народа байгулов и отправился туда. По пути он давал названия рекам и отмечал их на бересте. После устья Чулым-су Гусман миновал устье речки, которую назвал Каты. Следующей речке он дал имя своего дяди Байтугана, следующей — название тамтайской речки Дим, следующей — Баг, ибо ему возле нее приснился сад, следующей — Ахан...

Вскоре после этого они встретились с Байтуганом и улугбеком булгарской провинции Байгул тарханом Булюмом. Булюм сообщил, что уже договорился с улугбеком булгарской провинции Тубджаком

Курганом об общей границе обеих губерний. Она проходила от реки Байтуган до места на Тубыле между устьем Ишима и реки Тамьян-су и далее шла к верховью реки Асад, названной в память о погибшем здесь в правление Ялкау купце Асаде. А потомки Асады, сопровождавшего еще Миканля в его поездках на Восток, владели добычей и перевозкой большей части добываемых на Урале металлов и драгоценных камней. Асады владели домами в Буляре, Болгаре и Нур-Суваре, но главным домом их был мензель Стерле у устья этой реки. Отсюда во все стороны уходили дороги...

А граница между булгарскими провинциями Ура и Байгул шла по Соболу или Байгулу, а затем, чуть не доходя до устья Тубыла, шла также к верховьям Асады. Восточная граница Байгула захватывала низовья реки Ели-су и стоябища народов тойма и дюдн, отсюда шла к реке, которой сын Байтугана Таз-Умар дал свое прозвище Таз и в устье которой основал крепость Мэнхаз, от ее верховьев — к низовьям Каты-су, от них — к Байгул-су...

Место встречи было очень удобным, и Байтуган распорядился возвести здесь крепость. Так как к месту встречи прибыло 50 человек Байтугана и столько же — Гусмана, ее решено было назвать Сюрхот («Сто Гуннов»)...

А весь путь от Болгара до Чулым-су занимает около трех месяцев, но он, хотя наши и называют его в шутку «Эбер-Джэбер», не так обременителен, как может показаться, ибо оймекские кыргызы, наверное, самый гостеприимный народ в мире, и стоянки в их стоябищах весьма приятны.

А весь путь — от Болгара к Чулым-су, от Чулым-су до Сюрхота и от Сюрхота к Болгару — назывался «Дальней дорогой»... Если хотели проехать от Сюрхота к Болгару, то пускались от этой крепости на Байгул-су к устью реки Хонта. Путь от нее охранялся сэбэрами-хончичами, поэтому ее так и называли. От Хонты ехали к мензелю Булым в месте слияния рек Булым и Тауда, отсюда — к мензелю Ладж-су в устье реки Ладж-Уба. На этой реке как-то заплутал купец Ладж-бай — отец торговца Асады, и едва не отправился по ней к реке Кук-Сузбай вместо того, чтобы ехать к реке Сузбай. А обе реки получили имя отца Куша — первого бия хончичев, подчинившего хончийские области Бершуд и Ура булгарскому кану Джилки. Хончийские проводники недопоняли Ладжа и повезли его не к той Сузбай. В память об этом происшествии хончийский бий Мал назвал реку именем Ладжа. А от мензеля Ладж ехали к мензелю Сузбай на реке Сузбай, от нее — к мензелю Тура на реке Тура, от нее — к мензелю Тагыл на реке Тагыл, основанному сыном Мала бием Тагаем. От Тагыла ехали к Чильбя-су, на которой был мензель Кунгур, что на хонском языке означало «Ночлежный двор». А отсюда уже по Чулману и Агидели ехали к Болгару...

От Сюрхота ездили также к Мэнхазу, а оттуда — к реке Ени-су, где живут народы дюдю и тойма. А бии дюдю и тоймы Касан и Кулян приезжали к Габдулле Чельбиру и даже сражались против Сыл-Булата. Они говорили, что за их землей находится огромный лесной край Дингез. Он получил это название потому, что за ним находится бескрайнее море, на берегу которого живут соплеменники хонов — имэнцы. Бии говорили, что им ехать до этого моря ближе, чем к Болгару, но путь этот невероятно тяжел и ехать по нему рискуют редко и немногие. Кроме этого их люди не стремятся ездить туда потому, что имэнцы после ухода хонов были поработены жестоким народом мэнкул и пребывают поэтому в самом жалком состоянии. Это племя поклонялось раньше доброму многорукому божееству «Мэнкул» и поэтому было благочестивым и получило его имя. Но затем приняло христианство и стало злобным. И они говорили еще, что это большое счастье, что они подчиняются Булгару или, на их языке, Вару, ибо мэнкулы опасаются булгар и поэтому не переходят Дингезский лес...

И когда я все это читал и слышал — наряду с рассказами о схватках ради овладения троном, я всегда удивлялся тому, как маленькая стычка в Эчке Булгаре отражается на состоянии всей громадной нашей Державы от Кумыка до Дюдю. Вот и зимой 930 года судьба империи решилась в ничтожном столкновении горстки субашей и казанчиев... в округе Улем, куда пришел из Буртаса Газан для наказания Бырака и его сына. Поборы и насилия уланов царя восстановили против них поголовно всех. Довершил дело роспуск каном большинства своих уланов на разорение мятежного округа. Это было неосторожно и вызвало всеобщее возмущение. Проведав о том, что Газан с немногими джурами расположился в ауле неподалеку от лагеря повстанцев, Бул вышел из своего укрытия и ночью атаковал кана. Повстанцы были необычайно преданны своему вождю за то, что он объявил их субашами. Они беспощадно перерезали захваченных врасплох уланов и обезглавили самого Газана, прежде чем Бел остановил их. С той поры аул этот, а потом и город стали называть Шонгытом...

Получив известие об этом, Микаиль, бывший уже в Бандже, отправился в Болгар и немедленно был поднят на трон. Абдаллах, занявший пост везира, предложил кану вернуться к законодательству Алмыша и избегать столкновений с игенчеями-булгарами. Ялкау учел эти советы, но предпочел не ссориться и с казанчиями. По его распоряжению все игенчеи Внутренней Булгарии объявлялись субашами, из которых одни должны были платить налоги государству, а другие — на содержание 20 тысяч джур трех провинций Буляра. При этом казанчиям передавались в наследственное владе-

ние нур-суварские и болгарские земли на Горной стороне, населенные сербийскими и арскими игенчеями-язычниками. Только некоторые части Горной Булгарии, захваченные булгарскими игенчеями, объявлялись субашскими и чирмышскими районами. Возмущенным казанчиям Эчке Булгара кан заявил, что в случае их сопротивления реформе он оставит их один на один с игенчеями, и те поневоле подчинились. Була Ялкау простил и назначил катавылом Булярской крепости, которую он строил вместе с отцом, так как Бырак, приняв ислам и имя Амир, вскоре скончался. Из уважения к отцу Бел-Субаш также принял ислам и имя Нуретдин. Он быстро завершил дело и на старости ввел в заблуждение своих детей рассказом о происхождении названия «Буляр» от его имени... Так писал Мохамед-Гали со слов бека Газана — потомка Була...

Абдаллах, довольный реформами, посвятил кану свой дастан «Кисекбаш», который стали называть и «Кисекбаш китабы». Бакир же, как писал тебир, относился к Микаилю с нескрываемой враждебностью, и поэтому к сеиду отовсюду стекались с жалобами казанчин. Несмотря на то, что кан повелел всем алпарам (рыцарям)-булгарам отрезать косы в наказание за гибель Газана и сурово подавил сербийских и арских повстанцев, примкнувших к Белу и объявленных виновниками гибели Хасана, все же Ахмед ибн Фадлан объявил его «царем язычников» и на тайном собрании призвал казанчиев поставить во главе государства более достойного человека. Ходили слухи, что он не прочь был утвердить на троне собственного сына Насыра или себя, и даже повелел отчеканить монеты с именем своего рода Бармак. Сын Аскала Кермек донес об этом Микаилю, и тот незамедлительно явился в Нур-Сувар вместе с отрядом бека Амира. Столкнувшись на мосту с одним из казанчиев — сыном Джулута Ахмедом, не пожелавшим уступить ему дорогу, Бел-Субаш сбросил его в ров и вселил ужас в сердца всех вельмож. Охромевшего после этого улана стали звать Аксак-Ахмедом. Микаиль же прямо на коне въехал в мечеть «Нур». Сеид закричал, чтобы кан немедленно покинул мечеть, а когда тот отказался, ударил его коня плетью. Бул со своими булярскими джурами, ненавидевшими казанчиев, тут же скрутил сеида и, по приказу Ялкау, бросил его в зиндан в лошадиной сбруе в наказание за оскорбление коня. Там злополучного Бакира издевательски кормили сеном, и вскоре он умер. Часть нур-суварских купцов, поддерживавших сеида, кан выселил в Рази-Субу, и этот город марданцы стали насмешливо называть Суваром...

Дела внутренние не позволяли Микаилю быть внимательным к делам внешним, и Моджару удалось поставить беком Кара-Булгара сына Алмыша Мала вместо верного Булгару Рыштау. Однако затем

сын Абдаллаха Мамли съездил в Хорьсдан и склонил Мала на сторону кана. Угрожая зажать Хазарию с двух сторон, старик Абдаллах добился от Моджара согласия платить дань Булгару и принять канского посла — своего сына Мамли.

Это встревожило хорасанских эмиров, стремившихся прибрать Хазарию к своим рукам. Чтобы досадить Саманидам, Балтавар потребовал от них прекращения взимания пошлин с булгарских купцов, а когда получил отказ, то велел взимать такие же — с хорезмийцев...

В 943 году Микаиль послал джирского улугбека Хума с флотом на Гурджу, и в этом походе наши погромили Итиль и Алаберде. Но кан не дождался возвращения флота, став жертвой своей страсти к праздникам. Мамли, продолживший «Хазар тарихы» своего отца Абдаллаха, замечает, что Ялкау был участником всех народных увеселений и забав. В ноябре он отправлялся смотреть оципывание гусей. В декабре он с парнями штурмом брал ледовый «Девичий город», в котором защищалось сорок девушек во главе со своей «царицей», и даже сражался в поединках. В науруз он праздновал каргатуй, в апреле — сабантуй, после сева — чилдек. В джисе он лез в воду и резвился с девушками, словно подросток. В августовском янгыр боткасы он руководил жертвоприношением белого быка, первым съедал белую рыбу и опять заканчивал обливанием с девушками. Осенью, после того как собирался урожай, уплачивались основные налоги, кан устраивал возле Болгара кызлар эчкене в честь приношений ему от устроителей свадеб. И вот в 943 году, подвыпив на таком кызлар эчкене, Ялкау решил участвовать в скачке. На полном скаку конь его споткнулся, и кан упал и разбился насмерть. О том, почему это случилось, говорили разное. Одни — потому, что кан сел на белого жертвенного коня, которого из жалости к нему не принесли в жертву в джисе. Другие — потому, что Микаиль велел уморить сенда Бакира в конской сбруе...

[Глава 13.] Царствование кана Мохаммеда

После кончины Ялкау Миканля Балтавара, любившего называть себя также и Арсланом, на трон подняли его сына Мохаммеда. Новый кан ненавидел дела управления и предпочитал им различные утехи — охоту, гаремные наслаждения, пирушки. Джисе он превратил в увеселительные поездки, во время которых брал в постель самых красивых женщин и девушек. Так как сын Бакира Насыр, ставший сендом и везиром, воспротивился проявлениям канского любострастия в мусульманских селениях, то Мохаммед предпочитал путешествовать по языческим. Казачины поощряли

распущенность кана и поэтому очень скоро составили все его окружение. В благодарность за поддержку Мохаммед снял с них налоги и возложил их на субашей и аров. Но казна не пополнялась, ибо ее средства пожирались затеями кана и его окружения, неистощимого на выдумки новых увеселений, и целой армией чиновников. Государственные дела быстро пришли в упадок, ибо кан не занимался ими совершенно, а Насыр, получивший бразды правления, был озабочен лишь содержанием своих доверенных людей и царского двора. Ненасытные чиновники бесчинствовали по всей стране, и некому было оказать сопротивление их вымогательствам сверх и без того высоких налогов и дани, ибо стойкие в честности управители бежали кто куда, а оставшиеся также стали лихоимствовать.

Между тем Юсуф при помощи кара-булгарского войска Мала овладел хазарским тронном вскоре после похода Хума, а хакан Алан с сыном-мусульманином Даудом бежали в Булгар. С разрешения кана они избрали своим местопребыванием Банджу, где проживало много хазарских беженцев и был даже балик Хазар. А там еще были балики Кура, Бургас, Арбуга, Баджанак, Самар, Яр, Сабан, Хут... и те башни, которые примыкали к ним, носили их названия. А это был огромный город, в котором уже при Балуке насчитывалось до 80 тысяч жителей. А Хаджи-Омар в своей книге «Булгар тарихы» писал, что Банджа, наряду с Болгаром и Буляром, относится к трем наиболее славным городам Булгарской Державы (Ак Булгар Йорты)... И он добавлял, что в Бандже господствует булгарское наречие с сильной примесью тюркменских слов, характерной для баджанакон и хазар. А Аллах знает, что я сделал все для спасения жителей этого города. Большая часть спасенных ныне благополучно проживает на Кинеле, в городах Яна Самар и Камыш, и не устает изыскивать любые возможности для выражения мне своей благодарности...

Сейчас находятся люди, которые упрекают меня в трусости, в нелюбви к отечеству, жестокости и утверждают, что все мои поступки совершены ради спасения собственной жизни или захвата власти. Но на эти обвинения я отвечу в ином, вечном мире, на суде Всевышнего; ведь из всех булгарских властителей только я выехал на Хон-юлы в ставки Бату и Угтая, чтобы прекратить губительную для мэнхолов и Державы нашей войну. Да, прекращение войны стоило жизни 400 тысяч невинных булярецов и 100 тысяч марданцев, но они погибли по вине людей, желавших полной гибели обеих держав в бессмысленной войне друг с другом. Да, я передал нашему союзнику — Мэнхолу совершенно опустошенные войной Саксин и Тубджак или Сэбэр, но в ответ великий кан передал нашей

12.30.21
✓ Державе Кортджак с Каном, Булымером, Джуннэ-Калой, Балыном и Джиром, а также Шуд с его озерами, Джукетунном и дорогами, благодаря чему мы стали хозяевами лучшей половины Балына и восточных областей Галиджа...

✓ В Альманском походе с Байдаром и Урдой через Байлак, Альманию и Марубу в Моджар я спас от гнева этих ханов — на свой страх и риск — нескольких кыргызов, передев их в одежду своих умерших от ран воинов. В походе, будучи почти все время впереди, я в стычках с противником старался не допускать рубки и преследования, ограничивался лишь обстрелом идущего на меня неприятеля и прекращал его тут же в случае его отступления. Через одного пленного я предупредил жителей байлакской столицы Миша-Корык о завтрашнем приступе и позволил им ночью, до подхода мэнхолов Байдара и Урды выйти из города. Не моя вина, что ханы все же обнаружили и изрубили 35 тысяч неосторожно задержавшихся у Миша-Корыка беглецов, а город той же ночью сгорел от оставленного кем-то огня...

Жителей альманского города Бер-Аслап я также честно предупредил о нашем вынужденном приступе с целью добычи всего необходимого на дальнейший путь. Большинство жителей ушло в цитадель, и мои солдаты взяли все без большой крови, с потерей всего 11 человек, и лишь в двух или трех местах обстреляли сопротивлявшихся стражников 10 шерджирями и невольно зажгли рабат...

В битве с миша-корыкским маликом у городка Иглан я был во второй линии своего отряда, когда мэнхолы побежали и оставили моих 5 тысяч булгар и 6 тысяч кара-булгар один на один с 50 тысячами неверных франгов, альманцев, байлаков и марубайцев. 1500 неверных — почти исключительно альманцев и франгов — имели вооружение восточных маликов, 5 тысяч — беков, 10 тысяч — уланов, и остальные — джур. Когда мои стрелки обнаружили, что на обычном для поражения расстоянии наши стрелы не наносят вреда неприятелю, я велел уланам отойти за наш лагерь, защищенный несколькими рядами возов, и после единственного успешного залпа стрелков в упор направил свою линию средневооруженных башкорт, байтюбинцев, кара-булгар в копейный удар. Этот удар приостановил неверных, но в начавшейся вслед за этим рубке наши стали шаг за шагом уступать. Я был в самой гуще боя, и Аблас-Хин с Нарыком едва выхватили меня, уже раненого, из под мечей семи байлакских рыцарей и отвели в лагерь. Видя, что удержать неверных средней линией не удастся, я отвел ее за лагерь и поставил по обеим сторонам его свежих уланов и подошедших нам на выручку мэнхольских тюркмен и кыргызов. Неуклюжие, в очень тяжелых

доспехах, неверные споткнулись о возы, и наши стали легко расстреливать их со второй и третьей линий возов в упор из обычных луков, а «железные стрелки» предотвращали попытки врага обойти лагерь. Когда трупы врагов превосходили по высоте возы, я велел уланам ударить в копыта, и этот удар газиев, наконец, опрокинул неверных. Я с восторгом наблюдал, как от удара тяжелых болгарских копий, привязанных к коням, неверные опрокидывались вместе с лошадьми. Слышал я и крики врагов, разрушаемых топорами бахадиров пополам... Мои взяли в этом бою, в котором не было пленных с обеих сторон, 820 — царских, 3 тысячи — бекских и 6 тысяч уланских доспехов, не считая джурских. Только когда неверные побежали, на поле боя вернулись Байдар с Урдой, чтобы пограбить и добить бегущих...

✓ Когда пуждавшиеся в припасах мэнхолы остановились возле одного из марубайских городов, я, как всегда, стал отдельно от них на приличном расстоянии от города и спас всю свою армию от гибели. В ночной вылазке марубайцы и альманцы покончили с 10 тысячами мэнхолов и Байдаром, и трясущийся от страха за этот просчет Урда с 5 тысячами уцелевших мэнхолов был лишен мною доспехов и поставлен в центре моего войска для его же спасения. Тюркмен же и кыргызов я присоединил к своим бахадирам. Когда два марубайских сардара — убийцы Байдара — Юсуф и Якуб — вздумали преследовать нас, то попали в мою засаду возле взятого мною без боя города... и расстались с головами вместе с 12 тысячами своих воинов. После этого газиям достаточно было показать головы неверных сардаров, жителям марубайских городов — и они без лишних слов вывозили нам все необходимое для продвижения. Только на правом берегу Сулы нас ждала засада 7 тысяч альманцев — но я, предчувствуя ее, направил Аблас-Хина для устройства ложной переправы и со всей армией переправился в ином месте. Аблас-Хин с 200 своих хинцев погиб, но он знал, что это возможно случится, и пошел на это сам. Я отомстил за его смерть, захватив врасплох и перебив всех тех альманцев. Все мои воины въехали в ставку Бату у озера Балатун с копытами, на каждом из которых было по голове неверного... Я вернулся в Булгар с половиной своих воинов, а Бату — с десятой частью своего воинства...

✓ А разве стремлением к власти было то, что в 1242 году я добровольно уступил трон своему сыну и отправился строить Сарай для кыпчакского хана Бату? Я был назначен послом великого хана в Кыпчаке и делал все, чтобы эта область со временем стала частью Державы, как Хазария. Еще при возвращении из Альманского похода по моему предложению в Кыпчаке стали создаваться казачьи войска из анчийцев и кара-булгар, и это я дал им название, ибо они

отказались брать угодное мэнхолом прозвище их наемников — «татары». В будущем это стало бы нашей опорой.

Сдаввшихся мне под Банту и побывавших со мной в Альманском походе тюркмен и кыргызов я переселил в Джалду и создал из них и оставивших румскую службу джалдайских булгар корымское войско, также верное мне.

Я переселял в саксинские города наших людей и всячески препятствовал переселению сюда хорезмийцев, чтобы и эта часть Кыпчака оставалась нашей. На все важные посты в Кыпчаке я старался ставить наших, в том числе саксинцев и тубджакцев... В 1240 году я спас от разрушения мэнхолом, пришедшими мне на помощь, Болгар и помиловал мятежников. Почему же обо всем этом умалчивают мои обвинители? А все это может не видеть только тот, кто намеренно не хочет видеть...

Семья Алана была в Бандже в полной безопасности, чего не скажешь об оставшихся в Хазарии. Куманы Юсуфа рыскали по Хазарии и убивали на месте всех возможных претендентов на хаганский престол. Тогда, в числе прочих, был убит в подвластном ему городе мусульманин Мухтасар — сын Моджара и побратим Алана. Это злодеяние вызвало негодование хазарских бургасов и бурджан. Тогда Саманиды, опасаясь присоединения Хазарии к Булгару, сделали хаганом своего ставленника — сына Моджара Утез-бека или Узбека. Матерью Узбека была дочь тюркменского хана Курука, служившего Саманидам. Сын этого Курука Гали, получив приказ Хорасана поставить в Итиле Узбека, прежде всего выманил с берегов реки Джам или Умбет Алпамыша — верного слугу Булгара. Алпамыш поддался уговорам Гали послужить некоторое время Саманидам, ибо его владения уже не могли прокормить всех из-за умножения тюркмен. С половиной своих людей и со старшим сыном Юнусом Бахтой он ушел к Хорезму, оставив с другой — своего сына Микаиля. В Хорасане Гали тут же обманом схватил Алпамыша и не спимал с него цепей до самой его смерти. А Юнусу он велел вместе с Микаилем воевать с Булгаром. А Юнус и Микаиль приняли в Булгаре ислам. Было это вскоре после воцарения Ялкау на реке Бахте, как велел кан называть реку Шенне по причине обилия на ней диких фруктовых деревьев. Поэтому Юнус взял себе прозвище Бахта. Будучи ревностным мусульманином, Юнус в ответ на предложение Гали попытался ударить его палицей, но слуги хана помешали ему. Гали не решился убить Юнуса, ибо саманидский эмир решил сохранить ему жизнь для противодействия слишком усилившемуся Гали. Но в обмен на свою жизнь и жизнь отца и Юнус, и Микаиль принуждены были дать согласие на свое участие в походе на Хазарию под командованием сына Гали Кубара. В 944

году они овладели Итилем и поставили хаганом Узбека, беком при котором стал Кубар. Юсуф с Малом бежали в Кара-Булгар, но ловкий Кубар решил расправиться с ними с помощью Угыра Лачыни. Его послы передали Угыру, что хаган не будет противодействовать захвату Угыром Кара-Булгара, если урусский улубий надумает осуществить это. А в Кара-Булгаре тогда было немало городов — Хорысдан, Хурса, Сэбэр, Харька, Салтау, Чаллы и другие, и Угыр весьма обрадовался представившейся возможности овладеть богатым краем. Для того, чтобы спровоцировать войну с Хорысданом, он потребовал от Мала уплаты им дани. Тот согласился с этим и дал требуемое. Тогда Угыр вновь потребовал с него дань — на этот раз для своей жены Ульджай. Мал внес и ее. Но Угыр со своим балынским войском из шамлынцев явился к Хорысдану в третий раз и потребовал дань уже для своего сына Барыса, посаженного им в Галидже. На этот раз Мал отказал. Началась война, в которой Угыр был взят в плен. Жена Мала, бывшая раньше женой Угыра и бежавшая от него по причине пронсков Ульджай, велела разорвать улубия на куски и развесить их на дереве. Овдовевшая Ульджай двинулась на Хорысдан с новым балынским войском из галиджийцев, ибо алчичи отказались воевать с булгарами. Кара-булгары раскололись: барыны решили продолжать войну с балынцами, а вот каубуйцы во главе с родом Рыштау, недовольные княжением Мала, перешли на этот раз на сторону Ульджай после ее обещания сохранить каубуйское княжение в случае признания ими верховной власти Банту. При помощи каубуйцев балынцы овладели Хорысданом и пленили Мала и Юсуфа. Когда балынцы надели на них цепи, Мал горько пожаловался Юсуфу: «Поистине, Всевышний может изменить все в один день! Еще несколько месяцев назад я готовился к занятию булгарского трона, а теперь вот потерял и кара-булгарскую кошму и нахожусь в плену у улакцев!»

Ульджай, установив в Хорысдане (который велела называть только «Батавыл») род Рыштау, вернулась с пленными беками и барынами в Банту. Юсуфа посадили в темницу, а Мала с барынами разместили во Дворе Алмыша и велели эмиру быть источником в бане Ульджай. Когда бика вошла в баню вместе со служанкой, эмир выгнал девушку вон и овладел Ульджай, словно дикий жеребец. После этого Ульджай сделала Мала первым урусским беком и держала его вместе с его барынами возле себя и в величайшем почете. Потом наши насмешливо говорили, что эмиру с самого начала надо было сражаться с Ульджай..., а не саблей...

Вскоре к Ульджай прибыли батышские послы от сына Мардана Хаддада и предложили ей выйти замуж за их бека. Мал, почувствовав угрозу своему положению, перебил послов и уговорил Ульджай

начать войну с батышцами силами ненавистных ему галиджийцев и шамлынцеv. Галиджийцы и шамлынды с трудом отняли у Хаддада один из его городов и отказались воевать дальше. Тогда Мал со своими барынами разбил мятежников, а сдавшихся поселил во взятом городе, названном им Улак.

Но неожиданный случай привел к падению власти Мала. Ульджай, опасаясь, что ее связь с эмиром станет известной и вызовет возмущение, велела Малу убить свидетельницу ее греха — служанку. Мал, однако, овладел девушкой и отпустил ее. Между тем она была дочерью одного ульчийского бия, которому все и рассказала. Бий поднял мятеж, требуя, чтобы Мал женился на его дочери. Ульджай решила воспользоваться этим случаем и удалить эмира из Башту, ибо ее вскоре стала тяготить его и собственная страсть, а также поведение барынов и анчийцев Мала. С одной стороны, она должна была часто прерывать даже советы бояров и приемы послов для совокупления с любовником прямо на тронном месте, с другой — барыны и анчийцы чуть ли не ежедневно затевали драки с балынцами и грабили галиджийских и шамлынских купцов. Поэтому Ульджай велела Малу стать беком той области, и он, легко разбив бия, сел на его место. Бий, однако, остался доволен, ибо Мал предпочел жениться на его дочери. На месте ставки бия эмир построил город, который назвал Хорысданом и установил обычаи, по которому его барыны и анчийцы могли взять в жены любую понравившуюся им ульчийскую девушку. Тем не менее Мал все же остался в чести. Сын Угыра Барыс женился на его дочери, а сын Мала — эмир Диу-Барын стал первым урусским бояром...

Взятие Хорысдана было для бека Кубара сигналом к началу наступления на Булгар, который Саманиды также пожелали поставить в зависимость от себя. Впрочем, Хорасан достигал и другую цель — отводил от своих границ наиболее беспокойных ханов этого размножившегося народа. Но и Кубар был не промах: он задумал саблями саманидских тюркмен подчинить Булгар Хазарии, а затем залезть на итильский престол. Война началась с того, что два брата Кубара — Арслан и Шонкар — обложили беллакскую крепость Самар на реке Самар. Давно отвыкшие от такой наглости марданцы наспех и с уверенностью в легкой победе двинулись к Самару во главе с Балусом. У крепости они вступили в жестокую битву, но внезапно были атакованы с тыла и разбиты. К причинам поражения следует причислить также многочисленность неприятеля, робость и нестойкость кыр-баджанакoв. Балус пал в бою, а его уцелевшие воины либо рассеялись, либо отступили в крайнем беспорядке и вернулись в Банджу в самом жалком состоянии. После этого последовала осада, закончившаяся тем, что истомившиеся самарцы —

все до единого — и мужчины, и женщины, и старики, и дети сели на коней и ушли на Кинель, где основали новый город Самар. Уходили они перед рассветом, когда тюркменoв сморил-таки беспробудный сон, поэтому пробились почти все. Но потеря этой крепости открыла огузам ворота для вторжений в Булгар. Аксакалы, суварчин и бии подняли на марданский трон сына Балуса Булата. Новый беллакский эмир попросил Насыра отменить канский указ о повышении в два раза размера дани с Мардана для того, чтобы направить средства на повышение жалованья служилым бахадирам и поднять этим их боевой дух. Но везир от имени кана отказал, и тогда Булат заявил сеиду в величайшем раздражении: «Раз тебе дань на содержание канских шлюх важнее безопасности государства — то получай деньги и не требуй с меня ничего сверх них». После этого он велел баджанакцам открыть ненаселенные дороги через Мардан к Внутренней Булгарии, и тюркмены хлынули в нее, подобно сарапче. Начался настоящий «Тюркменский потоп», который продолжался 15 лет.

Тяжелее всех пришлось субашам Байтюбинской губернии, и они поневоле взялись за оружие. Однако везир не дал им никакого послабления в налогах, и тогда булярцы стали встречать чиновников так же, как тюркмен. Чиновники, лишившись возможности грабить пограничные районы, напустились на прочие с утроенным рвением, невзирая на отчаянные вопли несчастных игенчеев. Немало субашей бежало из Буляра во главе с Булом, самовольно оставившим свой пост и силой занявшим кашанский губернаторский дом. Прежний улутбек (губернатор) — старик Джакын-Микаиль, тихо доживавший здесь, отдал губернию на разграбление чиновникам и с полным равнодушием слушал стенания игенчеев. Разумеется, субаши, чирмыши и кара-чирмыши с радостью встретили Була и хотели перерезать всю семью Джакина, но новый улутбек милостиво позволил ей удалиться. Насыр устроил ее в Буляре, где его сыновья — вначале Абдаллах, а затем Бахта — были губернаторами. В то же время третий сын Джакина Балак был вали Тухчи. Абдаллах в 947 году удачно отбил набег тюркмен на Байтюбу, и Мохаммед, опасавшийся быть захваченным врагами в собственной столице, поставил его улутбеком Болгара и дал ему личный титул эмира. Это было против воли Насыра, но сеид смолчал. Зато улутбеком Нур-Суvara был его любимец, сын Хасана и приемный сын Мохаммеда Талиб. Когда Габдулла, как губернатор столицы и эмир, стал чеканить монеты со своим именем, то возревновавший сеид тут же велел и своему воспитаннику чеканить монеты. А монеты...

А государственный знак и пломба на товаре назывались джогэн...

Белу же везир велел убираться вон, но тот дерзко отказался и предложил Насыру дань с Кашана в удвоенном размере в обмен на свое утверждение. К этому Нуретдин добавил, что в противном случае будет рубить всякого, кто осмелится переправиться на его сторону через Агидель. Сеид, не найдя никого, кто бы рискнул сунуться в Кашан после угрозы Нуретдина, скрепя сердце согласился. Бел легко справился с уплатой, так как население Кашана утронлось за счет прибытия булярцев, и его оставили в покое. Более того... В конце концов Насыр предоставил беку и право назначать своих послов-наместников в северных булгарских провинциях Бийсу, Ура и Байгул для надзора за благонадежностью тамошних улугбеков-тарханов и сбором дани. Брат Нуретдина Джилки, названный так потому, что родился в год Лошади, сам объезжал эти провинции для проверки работы кашанских туджунов. А северных тарханов, по их просьбам и в отличие от южных или внутренних, называли югур-тарханами. Сами югур-тарханы объясняли это тем, что так их называли еще с времен старого Булярского царства хонов. По приказу Нуретдина были построены главные крепости провинции... Канкура и Каргадан, бывший центром Ура, куда съезжались северные бии для получения назначений, отчета и передачи «подарочной дани». А бии с Мосхи и Унджи съезжались в Гусман-Катау на реке Джук-су...

Что же касается садумцев, прибывавших в Булгар через Чулмандингезе за разрешением на торговлю, то Нуретдин принимал их в Кашане. А они называли Булгар по-арски и по-моджарски «Бермэ», что на их языках означает «Булгарская земля». А к этому садумцы привыкли потому, что они по приезде в Булгар прежде самих булгар встречали наших северян и восприняли их название государства. Среди них были хорошие люди, но попадались и нечестные, поэтому до возвращения наших и садумских купцов из поездок и садумцы, и наши оставляли друг у друга заложников. Впрочем, до наказания заложников ни разу не дошло. Но нападения на наших садумцев-галиджийцев и балынских садумцев бывали. Так, однажды арский бий, чья округа находилась к северу от Мосха-су, изменил Державе и призвал к себе галиджийцев. В это же время сын Хальми — Дуло, ничего не подозревая, двигался к принадлежавшему до этого Булгару озеру Коба-кюль. Хальми выдал разрешение на торговлю в Бийсу еще Нуретдин, и все его потомки занимались этим и отличались честностью и неустрашимостью. Наши звали Хальми «Таш», ибо хальми по-садумски значило «таш» («холм»), и в конце концов он стал называть себя Хальми-Таш. Когда Дуло уже подходил к реке Коба-су, впадающей в озеро, на него сзади напали галиджийцы и их садумцы числом до 300 человек. У наших было

человек 50, но они наголову разгромили нападавших, положив 150 врагов и потеряв всего двоих. А 20 галиджийцев с двумя боярами были захвачены в плен. Дуло принял сам кан Тимар и сказал ему: «Я хочу, чтобы такие храбрецы, как ты, постоянно были связаны с нашей землей и поэтому дарю тебе и твоим потомкам участок земли». На этом уделе недалеко от впадения Кара-Идели в Агидель Дуло поставил небольшую крепость и назвал ее в честь отца — Хальми-Керман. Наши же звали крепость Таш-Керманом. Кроме этого Дуло получил от кана почетное имя Балуан. Что же касается изменника-бия, то кан сказал: «Не держите силой тамошних аров, ибо Держава наша крепка только добрым согласием и доверием, и употребление силы по отношению к одним подорвет это доверие и вызовет страх и желание измены у других». Поэтому наши стали звать область за Мосха-су «Не держи», отчего получилось и ее арское название Тотма. Но тогда сами ары изгнали вон бия-изменника и в знак своей верности Державе построили вначале крепости Шуд (Царская), а затем, при кане Балуке — Балукта. В 1111 году галиджийцы при помощи другого бия-изменника захватили эти две наши крепости и стали крестить местных аров, а когда те стали протестовать, просто перерезали их вместе с семьей бия. Такова была награда изменнику...

После перевода Абдаллаха в Болгар городу Буляру стало совсем худо. Насыр всячески скрывал от кана утрату контроля над Байтюбой, где Бахта не имел никакой действительной власти и не вылезал из цитадели Буляра — Мартуан или Нардуган. Цитадель эта, как говорят одни, была названа так в память о том, что закончена в нардуган... Вторая часть города называлась Мэн Буляр или Ундурт Кала, так как была окружена стеной с 14 большими башнями. Третья часть Буляра носила название Хинуба (Хынуба). Здесь сплошную стену построили только после Сыб-Булат сугышы, а называлась она так в память о первых поселенцах из города Хина...

Чтобы восполнить потерю налогов с Байтюбы или Чирмышана, как иногда называли этот иль, Насыр разрешил потомку Бурджан-Мара купцу Мару возглавить созданную провинцию из западных земель Болгарского иля: ведь этот торговец обещал собирать с этой территории двойную дань. Поэтому новую губернию стали называть Мартюба. Мар обосновался в построенной Булом крепости Зюя-Дэбэр и организовал сбор налогов. Булгар Моджарской области, или мишар, а также старых и новопривывших субашей он оставил в чирмышях и субашах, а вот всех немусульман обратил в кара-чирмышей и стал брать с них тройной кара-чирмышский налог. Несчастные язычники, особенно ары и сербийцы, пробовали бежать, иногда целыми семьями, но батликские, кукджакские и моджарские

чирмыши их безжалостно ловили и выдавали улугбеку. Тот некоторых возвращал обратно, а наиболее непокорных продавал казанчиям и купцам...

На востоке же положение было катастрофическим. Тамта была опустошена наполовину, а в Байтубе уцелела от разорения только четвертая часть земель. Набеги тюркмен и непомерные и незаконные поборы разоряли субашей, чирмышей, средних и мелких купцов и мастеров. Везир едва поддерживал роскошную жизнь царского двора и собственных людей введением все новых налогов и поборов. Так, был введен «откупной налог» за непосещение округов каном. И при этом Мохаммед, славившийся своим капризным нравом, часто не слушал советов Насыра и отправлялся в уже откупившийся округ. А кто там мог отказать кану или посетовать на грабеж? Жалобщики попросту исчезали... Люди говаривали, что единственное, чем питался народ в царствование Мохаммеда — это анекдоты о похождениях кана. Вот одна из таких историй.

Как-то Мохаммед, путешествуя с двухтысячной своей казанчиевской сворой лю Мартюбе, почувствовал себя неважно и захотел вернуться. Казанчии, однако, заплутали и, поехав по безлюдной военной дороге из Арчамыша к хазарской границе, заехали в хазарский город Мухтасар. Ошибиться было немудрено: по обеим сторонам границы жили родственные группы, были одинаковые обычаи и даже правителей называли одинаково: «хакан». Распоряжался размещением царского каравана Аксак-Ахмед, драчун и забияка, про которого анекдотов ходило даже больше, чем про кана. Рассказывают, что он, узнав о назначении в Кашан его личного обидчика Була, пришел с жалобой на это к кану. Но Мохаммед, довольный полученной беком с северных губерний данью, заорал, что если казанчий сможет выбивать такую же, то он немедленно отправит его в Кашан. Перепуганный аристократ, для которого и губернаторство в Кашане было тяжелой ссылкой в сравнении с его роскошной жизнью в нур-суварской вотчине, поспешно удалился...

Сразу после въезда в Мухтасар этот Ахмед вломился к тюрэ города с сообщением о приезде «хакана Мохаммеда» и требованием приготовить все необходимое. «Как, у нас уже новый хакан?» — тихо изумился было про себя воевода, но тут же, без лишних разговоров, бросился исполнять приказание о доставке из города в шатровый лагерь царя еды, питья и лучших девушек и женщин, в том числе и собственной жены. Напировавшись, кан велел показать ему женщин. Увидев их, он пришел в полное неистовство. «Ты кого ко мне привел? — заорал он на воеводу, обильно угощая его ударами плети и указывая на жену тюрэ. — Разве это женщины?..»

— Почему ты не привел свою дочь, которую я видел у тебя? —

рявкнул на воеводу и Ахмед, перемежая слова ударами кулака.

— Что хотите возьмите у меня — только не трогайте ее! — взмолился тюрэ, упав ниц и целуя сапоги царя.

Но кан, услышав о необычайно красивой сероглазой смуглянке, был неумолим. Привели дочь воеводы, которой также представили Мохаммеда «правоверным хаканом», и царь, потрясенный ее прелестным видом, спросил у нее:

— Откуда ты, такая красавица, взялась в этой помойнице (так Мохаммед называл Мухтасар)?

— Я вовсе не отсюда, — усмехнулась смуглянка. — Я дочь хазарского хакана, Айсылу!

— Как! Ты — иудейка?! — воскликнул пораженный Мохаммед, вспомнив о запрете Бакира на связи с яхудками.

— Нет, я мусульманка, — успокоила царя красавица. — Мой отец хакан-муслим Мухтасар воспитал меня ревностной мусульманкой. Злой Юсуф убил моего отца в этом городе, силой взял в свой гарем мою мать и стал домогаться и меня, говоря, что удочерение им меня ничего не значит, ибо для хакана все женщины страны, даже его жены — как бы его дочери. Когда я отвергла его домогательства, меня бросили в башню и стали мучить голодом и жаждой... А затем я бежала сюда при помощи стражника, которому дала свой золотой пояс. Тюрэ, всецело обязанному моему отцу, я велела выдавать меня за свою дочь и решила лучше умереть в глуши и безвестности, чем стать наложницей Юсуфа и иудейкой!..

Царь... решил тут же сыграть свадьбу, опасаясь кречотворства Насыра в столице. «Где тут у вас поблизости живет имам?» — спросил он у красавицы. — «У нас мулла далеко — в Итиле, ведь мы — в Хазарии», — ответила Айсылу. Вновь потрясенный Мохаммед огрел Ахмеда плетью за ротозейство и немедленно ускакал в ближайший беллакский город Бургас, где имам мечети «Мардан» совершил никах...

Но на этом история не кончилась. Юсуф, узнав о краже Айсылу, стал угрожать Мохаммеду войной. А настоящего войска у царя не было. Один Ахмед еще кое-как мог держать меч в руке, но кан тогда в Мухтасаре перебил ему эту руку плетью, и он мог ею после этого только шару (чашу) с балом ко рту поднести. Царь вызвал Насыра и спросил его: «Что будем делать?»

— Как? — изумился сеид, узнав об угрозе Юсуфа. — Разве в Хазарии уже год правит не Алан, а Юсуф? А я все это время слал подарки Алану и желал ему долгого здравствования на престоле!

Руки у него опустились, он затрясся и совсем растерялся. Хотел было послать в поход своих чиновников, но их башчы с перепугу упал с лошади, а сами они, как выяснилось, три дня назад обожрались и с тех пор страдали расстройством желудка.

— Видел я этой ночью сон, будто свиньи подрыли опору царского шатра, и он рухнул, — наконец изрек Насыр. — Как видно, сон был в руку — всем нам конец пришел за грехи наши!

Но тут выручила кана Айсылу: «Юсуф любит больше жизни играть в шахматы. Предложи ему сыграть и сделать призом меня!»

— Но я же проиграю — ведь я, кроме как в нарды, ни во что не играю! — с тревогой заметил Мохаммед.

— Ничего! — уверенно заявила царица. — Твой приемный сын Талиб тебя быстро научит — он играет лучше всех!

Так и сделали. Играть сели в маленьком беллакском кабаке Суз-Урыны, ибо Юсуф доверял честному слову только марданцев и потому, что беллакцы отказались предоставить игрокам более крупный город из-за боязни быть обворованными канской свитой.

Хакан поставил против дочери Мухтасара город Мухтасар и проиграл, ибо Талиб дал царю верный план игры. Так Айсылу осталась в Булгаре, а Талиб — младший сын Газана — стал везиром.

[Глава 14.] Время Талиба Мумина

О причинах возвышения Талиба, кроме этого анекдота, рассказанного Мохаммед-Гали, я нашел лишь следующее у Якуба. Когда однажды Бахта не смог вообще собрать налоги с Байтюбы, Насыр велел казанчию Аксак-Ахмеду занять его место в Буляре.

Обиженный Бахта вернулся в свою крепость Шепше, а Ахмед набрал шайку из тамтазайских конокрадов и стал совершать набеги на субашей. Большую часть добычи он оставлял себе, а меньшую отсылал в Болгар, но Насыр был рад и этим крохам. Разъяренные игенчеи не раз пытались прикончить улана, но их попытки взять приступом цитадель Буляра заканчивались неизменной неудачей. Однако хвастовство погубило Ахмеда. Как-то раз он вздумал пригласить в Буляр самого кана. Но когда царский караван приблизился к городу, его внезапно атаковал отряд тюркмен. Мохаммед едва спасся благодаря мужеству находившегося при нем Талиба и в гневе поставил сына Газана на место Ахмеда. Эмир Талиб немедленно принял меры к улучшению положения области. Так, он уговорил сына Була Кукчу дать ему займы средства в обмен на поддержку им прав Амиров на Кашан, которому угрожал новыми поборами Насыр. На эти деньги он сформировал 6-тысячную армию, воины которой служили постоянно. В нее пошли главным образом субаши и чирмыши, чье хозяйство было разорено войной. Жалование воинам Талиб учредил высокое, и они надеялись скопить денег на возобновление порушенного хозяйства или помочь своим

Курсьбай

родным. Кроме этого, 3/4 добычи оставлялось воинам, и это заставляло их рваться на войну. Впрочем, весной каждого года любой бахадир мог покинуть службу, но этого почти никто не делал, так как в этом случае его ждала полная нищета. Отбор в армию был строгим, ибо на одно место претендовало по 100 и 200 человек, умирающих с голоду. Обучение было не менее суровым, и гибель воинов во время тренировочных схваток ни во что не ставилась. Каждый боец войска получал среднее рыцарское вооружение, то есть вооружение джурь и приравнивался поэтому к среднему рыцарю. Сотни в этой армии возглавляли кортбашы, тысячи — картама-ны, а командующим этой армии был сардар. А вся армия получила название «Курсьбай», так как первыми ее воинами стали игенчеи аула Курсьбай, дотла сожженного тюркменами. Унбашы курсьбая приравнивался к юзбашы обычного войска, сотник — к мэнбашы, картаман — к сардару, а сардар — к эмиру. Позднее, будучи уже каном, Талиб дал сардарам курсьбая право входить к царю без предварительного сообщения... Третью линию курсьбая, которую в обычном войске занимали джулдаши из тюркских наемников, составляли молодые воины или «щенки». Их было 3 тысячи. Вторую (среднюю) линию составляли 2 тысячи опытных воинов, которых называли «башкортами», а первую — тысяча самых лучших воинов, которых называли «барынджарцами» («барын-ярами»). Жалование башкортов превышало жалование «кючеков» в два раза, а барынджарцев — в четыре раза, и ради перехода в более высокий разряд курсьбаевцы не жалели сил в сражениях... Первым сардаром курсьбая стал Кукча Амир...

Всегда готовые к бою курсьбаевцы смогли перехватить и уничтожить несколько легких тюркменских отрядов, а в 959 году под новой булярской крепостью Кылган покончили с войском Шонкара и его брата Лачына. Захваченным в плен ханам отрубили обе руки и отпустили к Арслану. Тот, увидев братьев в столь жалком состоянии, забыл обо всем на свете и бросился со всей оставшейся ордой к Буляру. Но один баджанак, специально посланный к Арслану под видом перебежчика, привел тюркмен к недостроенной байтюбинской крепости — прямо под удар курсьбая. 60 тысяч узов сгоряча бросились грабить шатры, нарочно поставленные Кукчей в крепости и возле нее, и очнулись только после первых залпов «щенков». Забравшиеся в крепость были там заперты и сожжены, а остальные в ужасе бросились в степь. Однако уйти удалось тысячам двум-трем. Самого Арслана поймали арканом и на нем приволокли к Кукче. Окровавленным ртом хан стал молить о пощаде, обещая за свою свободу богатый выкуп. Кукча хладнокровно выслушал Арслана и ответил ему: «Ты и твои младшие братья дотла

сожгли 80 аулов, не считая сотен пострадавших частично, и я рад, что за каждый из них рассчитался тысячей твоих разбойников. А за Курджун-Самар и убитого в нем Балуса я рассчитываю твоей головой». С этими словами сардар слез с коня и отсек хану голову. Восстановленную потом крепость стали в память об этом называть Арсланбаш...

Узнав об этом страшном поражении, Узбек хотел бежать к Саманидам, но Кубар силой удержал его и велел Бахта-Юнусу и Микаилу произвести новый набег на Буляр. Братья вновь категорически отказались воевать против единоверцев и родственников, и тогда разъяренный бек лишил их половины их имущества и отослал в Хорезм.

Уже сын Бахта-Юнуса Сельджук отомстил за это унижение тем, что разгромил владение Гали...

Так закончилась эта долгая Тюркменская война. Обрадованный неожиданной победой, Мохаммед нашел в себе силы на мгновение вернуться к государственным делам и в 960 году назначил Талиба своим везиром. Вся полнота власти оказалась в руках эмира, который стал с того времени называть себя и Мумином. Талиб тут же вернулся к законодательству Алмыша, укоротил носы провинившимся чиновникам, и страна мгновенно ожила...

Но Талиб решил на этом не останавливаться и осуществить замыслы Джафара по уничтожению хазарского правления и присоединению исконно булгарской территории к Булгару. Внезапно на этом пути возникло сильное препятствие в лице безмерно тщеславного урусского улубия — сына Угыра Лачыни Барыса. Этот правитель собрал под свои знамена 20 тысяч садумцев и 50 тысяч балынцев, увлеченных его намерением взять и дочиста разграбить Булгар и Хазарию, и в 964 году взял с ними Джир. Наместник Джир — сын Хума Сып-Гусман бежал в Болгар. Вслед за ним в столицу прибыл и канский улугбек Саин, также изгнанный Барысом. Он сообщил, что Хаддад предложил Барысу помочь овладеть Каном, и улубий тут же взял Кан для батышцев. Оба улугбека ожидали казни, но, неожиданно для них, Талиб принял провинившихся очень милостиво и велел им ехать к Барысу с предложением о совместном завоевании Хазарии в обмен на Джир, Кан и западную часть Кортджака. Барыс, услышав это от них, не поверил своим ушам и самолично прибыл в Болгар за подтверждением этого предложения. Урусы появились перед Болгаром в тот момент, когда Мохаммед пировал в Халдже. Увидев садумцев, кан в панике побежал вместе со всей своей свитой. Они перевели дух только в Нур-Суваре, а оставленные ими на огне походные котлы достались урусам, и они с удовольствием закусили с дороги. В разгар пиршества появился Та-

либ и договорился с Барысом о переговорах на идельском острове «Пчелиный» напротив Болгара. К этому острову с одного края, по неглубокой воде, можно было подъехать на лошади, а с другого — подплыть на корабле...

Эмир сказал, что в обмен на участие Барыса в войне против Хазарии Булгар уступит Руси Джир, Кан и Западный Кортджак за ежегодную дань в размере дани с Джир. А это огромная территория, заключенная между Кара-Иделью и Саин-Иделью (Ака), кроме восточной ее части — области Локыр между рекой Локыр, впадающей в Гюль-Асму, Ака и Кара-Иделью, оставшейся за Булгаром. О разделе Хазарии Талиб предложил говорить уже после ее разгрома. Барыс с радостью согласился, и обещал начать войну нападением на Хин... Передачей Кана Барысу Талиб, помимо всего прочего, хотел еще поссорить чрезмерно усилившегося сына Угыра с батышцами. И это эмиру удалось.

На обратном пути Барыс выбил сына Хаддада Алып из Кана. В ответ тот прислал ему письмо, в котором сообщил: «Батышцев считают народом, образовавшимся вследствие смешения ульчийцев и мурдасов. На самом деле батышцы являются потомками мурдасов и садумского племени худов, некогда владевшим Русью. Поэтому он, Алып, имеет больше прав быть улубием Руси, чем Барыс, и постарается при случае их осуществить»...

Но неожиданно в самом Булгаре обнаружилось препятствие к войне с Хазарией в лице Мардана. Беллакские аксакалы опасались, что присоединение Хазарии к Булгару чрезмерно усилит канов и создаст угрозу вольностям Мардана. Поэтому эмир Булат поддерживал тайный союз с Хаддадом и Алып-бием, чтобы в случае чего совместно давать отпор своим неприятелям.

Мохаммед, напуганный Барысом, одобрил передачу ему двух илей в обмен на союз с ним. Оставалось лишь преодолеть сопротивление марданцев — и Талиб добился их согласия на войну с хазарами в обмен на обещание передачи Беллаку всей территории Хазарии, кроме Хина. Но делиться с Барысом взятым у хазар Талиб не собирался. «Хазария — не болотные кочки Кортджака, Джир и Кана. Взятие Хазарии сделает Булгар самой могучей державой, ибо поставит под нашу власть все пути из стран неверных в страны Востока. И делиться этим могуществом с кем-либо было бы настоящим безумием», — сказал Талиб Кукче перед войной с Хазарией.

Для того, чтобы Барыс не вырвал у Булгара хазарскую добычу, Талиб послал к тюркменам сына Мамли Масгута, и тот без труда уговорил хана Миканля с его 12 тысячами готовых на все джигитов перейти на булгарскую службу... Зимой 965 года Миканль с ходу атаковал Игиль и заставил Кубара перебросить к столице почти все

свои силы. После этого Кукча с Даудом явились к Хину и сообщили его жителям, что им угрожает нападение балынцев и что кан Булгара с радостью приютит их у себя. Хинцы, наслышанные уже о резне урусами батышцев в Кане, без долгих размышлений двинулись со всем скарбом в Булгар и были там расселены, главным образом, в Бандже, Буляре и Яна Самаре на Кинеле. Узнав об этом, Кубар самолично бросился к Хину с целью помешать переселению, но брат Кукчи батыр Сал-Сал загородил ему дорогу и в ожесточенном сражении отбил прочь. При этом он получил несколько тяжких ран и вскоре по возвращении в Кашан скончался. Только после ухода из Хина последнего жителя Кукча со своим курсыбаем покинул Хазарию и Кубар вновь смог овладеть нетронутым городом. Понимая, что Хин является главным препятствием на пути к Итилю, бек укрепил его сильным гарнизоном и решил отстаивать до последнего. Летом 965 года Барыс атаковал Хин, проплыв к нему из Башту по Бури-чаю, Сакланскому морю и Ширу. Вряд ли ему самому удалось бы взять этот сильный город, если бы румцы не помогли ему войсками и стенобитной техникой. Когда стены Хина были пробиты в двух или трех местах, садумцы и галиджийцы ворвались в город и учинили там обычную для них резню. Обрадованный победой Барыс велел своим послам сказать Талибу, что завоюет Хазарию сам, и Талиб обещал не мешать ему. Кубар, узнав об этом, немедленно бросился к Хину из Итиля. Пока он пытался выбить урусов вон, Кукча с Даудом и Миканлем обратили в бегство тюрок хазарского бека и осадили Итиль. Призыв болгарского кана к итильцам о переселении в Булгар с целью спасения себя от неизбежного балынского вторжения и здесь благоприятно был встречен большинством итильцев. Не мешкая, лучшие хозяева хазарской столицы отправились в Булгар под охраной курсыбая. Оставшиеся в Итиле Узбек и связанные с ним хазары и тюркмены не решились помешать переселению и в ужасе перед Кукчей заперлись в цитадели города. Итильцы также расселились в Бандже и Буляре, и один из баликов Буляра получил даже название Итиль...

Кубару не удалось отбить Хин. К Барысу присоединились кашэки и сакланы, и с их помощью урусы отбросили Кубара и прорвались-таки к Бехташу, по которому перевозят суда из Шира в Идель.

Но внезапно бурджане напали на Хин и взяли его, заставив Барыса вернуться и вновь брать город. После вторичного взятия Хина он зазимовал в этом городе, где снабжался румцами из Диматархана. Летом 966 года Барыс вновь пошел из Хина на Итиль и на этот раз прорвался к хазарской столице. При его приближении немногие оставшиеся там жители бежали вместе с Узбеком и Кубаром на кораблях в Хорасан через Мэнкышлак и обосновались в

конце концов в Бухаре. От них пошли так называемые бухарские яхуды, которые вскоре стали процветать и на новом месте и наладили самые тесные торговые связи с болгарскими хазарами-мусульманами. Барыс нашел в Итиле только гарнизон Кубара, который легкомысленно сдался. Улубий, не найдя в городе никакой добычи, пришел в неопишемую ярость и перерезал всех пленных. Затем Барыс решил отомстить бурджанам за нападение и отправился на кораблях к Самандару с 20 тысячами человек, а 30 тысяч направил на хазарских буртасов и батышцев. Самандар был разгромлен балынцами до основания, после чего они двинулись в обратный путь пешими и при помощи сакланов и кашэков разгромили еще шесть бурджанских городов. После этого в Джураше и Кара-Саклане стали господствовать сакланы, кашэки и джурашцы. Барыс заключил с ними союз и передал им отнятые у бурджанских булгар (кумыков, карачаевцев и бурджан) города. Тогда же уцелевшие после побоища бурджанские торговцы и мастера бежали в Булгар, а оставшиеся занялись скотоводством... Без болгарского населения, занимавшегося торговлей и ремеслом, эти города пришли в полный упадок.

Сакланы, кашэки и джурашцы были очень довольны приобретениями, но когда 50-тысячное войско урусов двинулось от Бехташа к Мухтасару, заявили об ожидаемом нападении на Хазарию тюрок и остались на месте. Мухтасар был центром Хазарской Буртасии, и все хазарские буртасы собрались здесь биться с урусами. Было их всего 10 тысяч, и они храбро встретили врага в надежде на обещанную им помощь батышцев... Однако помощь запоздала, и численный перевес балынцев решил дело в их пользу... Не оставив в Мухтасаре ни одного живого, воевода Барыса Сабан-Кул двинулся на батышцев, успевших отнять у балынцев Кан. Но Алып со своими батышцами и бежавшими к нему буртасами устроил урусам засаду у Хорысдана и перерезал почти все войско Барыса. Сабан-Кул вернулся в Башту в жалком состоянии и с всего двумя тысячами воинов. Тогда же истомившийся без дела курсыбай взял Джир, и Кукча вывел отсюда в Булгар всех хозяев. Когда Барыс стал попрекать за это послов Талиба, те сказали, что эмир вынужден был так поступить в связи с неуплатой улубием «джирской дани». Тут только Барыс вспомнил, что сгоряча, в надежде на богатый куш в Хазарии, пообещал уплачивать эту дань и пришел в ужас: платить было нечем.

В Хазарии урусам почти ничего не досталось, а бурджанская добыча пошла в уплату за румскую помощь. Но это не погасило и сотой части румского долга Барыса. Румцы, прослышав про затруднения улубия и не надеясь на возврат своих денег, решили

получить от урусов хоть военную помощь и предложили Барысу дополнительные деньги в обмен на его совместное с Румом нападение на Улак-Булгар и, получив от Рума необходимые деньги, тут же расплатился ими с Талибом и получил Кан опять. Улубий рассчитывал быстро покончить с Улак-Булгаром, но погряз в этой войне. В 969 году, когда стало ясно, что Барыс проиграл все дело в Улак-Булгаре, Талиб ввел в Хазарию болгарские войска — курсыбай и тюркмен Микаиля. Занятие Хазарии прошло без препятствий, если не считать неожиданной стычки в Итиле. Виновником ее оказался неумный Кубар, успевший приплыть из Мэнкышлака с отрядом хорезмийцев и занять Итиль. В самом начале стычки люди Кубара застрелили Микаиля, спокойно въезжавшего в город. Раздраженные этим тюркмены перерезали всех хорезмийцев, а Кубара разрубили на части...

При приближении наших сакланы без боя отступили от Идели и Ширы, и за это Талиб милостиво оставил за ними южные земли Хазарии, примыкавшие к горам. Граница между Булгаром и Сакланом прошла по рекам Сал и Кум. На западе болгарская граница прошла по Ширу и Кубару, а от Кубара — к Бороин-Инешу... Округ Хина, как и было ранее определено, остался под управлением вали, назначаемого из столицы, а остальная часть Хазарии от Саратау до устьев Идели, Джанка и Умбета была включена в состав Мардана под названием Саксин. Центром Саксина стал построенный по приказу Талиба город Сакчы или Саксин-Болгар, где поселились бурджанские купцы и мастера, а также некоторые итильские беглецы, согласившиеся принять ислам. Других вернувшихся итильцев поселили в самом Итиле, но переименовали его в город Кайтуба...

С присоединением Хазарии Булгарское государство превратилось в настоящую державу, и наши правители стали называть себя государями Великой Булгарии... С той поры наши стали называть Кара-Сакланом степи между Сулой и Бури-чаем, а Ак-Сакланом — степи между Бури-чаем и болгарской границей...

В то время баджанакки Кара-Саклана, бывшие в тесном союзе с Улак-Булгаром, стали притесняться Барысом и вынужденно объединились под руководством хана Куры для отпора поползновениям балышцев. В 969 году Кура-хан сделал набег на Башту и разграбил его посады, а в 972 году подстерег возвращающегося из Улак-Булгара Барыса и покончил с ним. Однако после этого баджанакские бии, ненавидевшие единоначалие, вновь разошлись по своим ордам и лишили Кура-хана царской власти. Не выдержав такого унижения, Кура-хан ушел из Кара-Саклана с 9 тысячами своих баджанакков и поступил на службу Булгару. Талиб дал ему кочевья Хинского округа, а большая часть саксинских степей была еще

раньше отдана под кочевья тюркменским биям погибшего Микаиля, также не любившим единоначалие и даже не подумавшим после смерти хана избрать нового... Кура-хан рассказал тебиру Масгуту, а тот, в свою очередь — своему отцу Мамли, что плененный баджанакками Барыс стал молить о пощаде. На это Кура-хан сказал ему: «Твоя голова, пусть и с хинской косой, не прибавит мне богатств, и я охотно даровал бы тебе жизнь, если бы ты действительно дорожил ею. Но ты сам оценил ее ниже [нескольких мер] меда — платы за безопасный проезд через мои владения, так что пусть твоя голова послужит чашей для этого напитка в назидание всем чрезмерно гордым и легкомысленным». Из черепа злополучного Барыса хан действительно велел сделать чашу и пил из нее бал. Его дочь стала женой Тимара — сына Мохаммеда от баджанакской бики, прозванного Баджанакком. Именно этот эмир стал очень скоро угрожать полновластием Талиба больше, чем какой-либо недруг Державы. Однако Талиб не был простаком в тайных дворцовых интригах. Так, он публично заклеил политику союзника Тимара Булата, который в период Тюркменской войны не разрешал марданцам воевать с Хазарией и пробавлялся нападениями баджанакцев на возвращавшихся из Байтубы с добычей тюркмен. Пристыженные аксакалы и хозяева на своем джиене избрали новым улугбеком Мардана верного Талибу сына Мохаммеда — Ибрагима. В 970 году кан Мохаммед по просьбе Тимара назначил было его улугбеком Болгара, и тот тут же стал называть себя Мумином, но через несколько недель Айсылу по просьбе Талиба наемнула кану на домогательства его сына, и Мохаммед тут же вручил судьбу сына в руки везира. Талиб отправил новоявленного Мумина губернатором в Буляр, под надзор сурового и молчаливого Кукчи. Губернатором Нур-Сувара Талиб назначил третьего сына кана Мохаммеда — Масгута, преклонявшегося перед везиром за его щедрость и терпимость к его беспутному образу жизни. Тимар, организовавший в том же году заговор против Талиба и приславший Масгуту приглашение принять в нем участие, жестоко ошибся в брате. Масгут тут же доставил записку Тимара везиру, и тот заставил участников заговора — сыновей Джакина Балака и Бахту, а также баджанакского бия Хасана — покинуть пределы Булгара. Те отправились в Моджарское царство и еще долго переписывались оттуда с Тимаром, пока, наконец, Баджанакская война не прекратила регулярные связи Булгара с Аварией...

Только за год до своей смерти, в 975 году, кан Мохаммед стал мучиться страхом преследования и перевел своего опального старшего сына Тимара из Буляра опять в Болгар. Талиб не потерпел этого и выехал в Буляр, где спокойно стал дожидаться развязки

У семейной драмы. В 976 году Мохаммед скончался, но едва Тимар попытался провозгласить себя каном, как был схвачен людьми везира и, с целью сохранения собственной жизни, должен был вместе с Кукчей, Абдаллахом и Масгутом подняться на царский трон Талиба Мумина. После этого кан Талиб удалил Тимара в Нур-Сувар, а Масгуту дал Буляр. А надо сказать, что Талиб дал байтубинским улугбекам право назначать улугбеков Тамты, что делало булярского губернатора весьма влиятельной фигурой. Талиб же, вскоре после передачи Джир Барысу и присоединения Хазарии запретил иноземным купцам проезжать через территорию Булгара и торговать друг с другом в пределах Державы. Этим он заставил иноземцев продавать весь свой товар булгарским купцам и покупать нужные им привозные товары у наших же — но по более высоким ценам. После ряда несчастных случаев с иноземцами на Севере Талиб вообще закрыл для иностранцев северные провинции. Только садумцы, приходившие в Бийсу по Чулманскому морю и имевшие на руках наши разрешения, могли проходить по этим районам. Это принесло такие выгоды нашим купцам, что они говорили: «Нашу торговлю основал Талиб». Сам Талиб завещал своим преемникам: «Главное, что вы должны делать — это не менять сложившиеся традиции илей, не изнурять народ новыми налогами и поддерживать власть Булгара над всеми дорогами из стран неверных в государства ислама». При этом Талиб старался не воевать без особой нужды, и, к примеру, для того, чтобы урусские беки не задерживали выплату джирской дани, стал брать у них заложниками их детей...

Таким образом он превратил Булгар в истинно великую и процветающую державу, известную во всех концах просвещенного мира...

[Глава 15.] Царствование Тимара

После смерти Талиба в 981 году подняли на трон Тимара Мумина Баджанака, поддержанного казанчями и баджанакцами. Этот кан нарушил установление Талиба, согласно которому все булгарские игенчеи могли быть только субашами или чирмышами, и повелел перевести всех булгар-язычников в разряд кара-чирмышей. Это вызвало сильнейшее недовольство в ряде областей, особенно в Кашане, где большинство булгарских игенчеев были еще язычниками. В ответ Тимар приказал опасному для казанчиев курсыбаю воевать вместе с сакланскими баджанакцами против Руси, за отказ Башту платить дань за Джир, а Кашан объявил внутренней провинцией и перевел Кукчу с губернаторского места в седло сардара курсыбая. Вслед за этим он объявил было и Мардан внутренним

илем и выделил из него в отдельную внешнюю провинцию Саксин. Ибрагим был смещен и заменен притворившимся тихим и верным Масгутом. Тимар так никогда и не узнал, что именно Масгут донес на него Талибу, ибо везир объявил его письмо перехваченным. Улугбеками стали назначаться преданные кану казанчин, а Ибрагиму достался лишь пост вали Актюбинского округа Саксина. Это еще более усилило недовольство, так как казанчиевские губернаторы попросту обдирали народ. Многие кашанские субашы, не желая становиться кара-чирмышами, бежали на Арсу, где поселились в качестве субашей с разрешения доброго старика Мара. Конечно, Мар не забывал при этом и себя и охотно торговал арами, плененными субашами при захвате новых земель. Тимар, скрепя сердце, терпел дэбэрского улугбека ради того, чтобы не ссориться с купечеством Болгара и Нур-Сувары...

В условиях сильного недовольства правлением, Ибрагим решил захватить трон и заключил тайный союз с курсыбаем и сыном Барыса Булымером. Бек Башту согласился помочь из-за обещания эмира прекратить досаждавшую Руси Баджанакскую войну. Проводником наших в этой Первой Баджанакской войне был Барыш — слуга сына Барыса — Ярсыйба. Ярсыйб был заложником в Булгаре при Барысе, а затем при помощи наших стал беком Башту. Когда его вероломно убил Булымер, Барыш бежал в Булгар и получил поместье у реки Сура-су. Реку, протекавшую через его владения, стали называть Барышем...

Не встретив сопротивления марданцев, Ибрагим со своими туркменами и с курсыбаем Кукчей прошел через Буртас и занял Буляр. Отсюда он двинулся к Болгару, куда приплыл и Булымер со своим воеводой — сыном Мала Дяу-Барыном и его 24-тысячным войском. Однако Кукча, узнав о высадке враждебных ему балынцев и разграблении ими низовых урмов столицы, резко изменил свои планы. Предложив эмиру удовольствоваться лишь губернаторством в Байтубе, он атаковал Булымера и загнал его на корабль. При этом 10 тысяч шамлынцев и галиджийцев пали на месте, а 8 тысяч с Дяу-Барыном попали в плен. Воспользовавшись этим, Тимар вступил в переговоры с Кукчей и Булымером. Кукча потребовал для Ибрагима Буляр, а для себя — Кашан в обмен на пленных балынцев и прекращение мятежа... Булымер же молил Тимара выдать ему пленных в обмен на устроение «джирской дани» и открытие беспопышного Янтарного пути в Артан. Дабы не объединять вновь своих противников, Тимар согласился принять условия Кукчи и выдал Булымеру его пленных в обмен на его обещания. Кроме этого, Тимар взял у Булымера письменное обязательство не принимать христианства и не препятствовать распространению истинной веры

на Руси. Чтобы крепче привязать Булымера к Державе (Ак Йорт), Тимар выдал за него и свою дочь Бозок. После свадьбы, которая состоялась здесь же, в Болгаре, Булымер отплыл на Русь по Кара-Идели, а на следующий год семь болгарских правоведов отправились в Башту по Хорысданскому пути. Возглавлял их сын Насыра Кул-Мохаммед. Они обратили в ислам барынских и каубуйских бекков, а также биев сакланских баджанакон и построили несколько мечетей в Башту, Караджаре, Батавиле, Хурсе и Барын-Диу...

Но через несколько лет Булымер совершенно изнемог под бременем новой джирской дани и решил поправить дело за счет ограбления румских земель. В 988 году он внезапно вторгся в Джалду и овладел тамошним румским городом. Перепуганный румский кан предложил тогда Булымеру — в обмен на Джалду и принятие им христианства — много золота и серебра и Дима-Тархан в придачу. Эти условия были настолько выгодны, что Булымер не устоял и принял условия румцев...

Когда Тимар узнал о принятии Булымером христианства, то прислал к нему послов с упреками... Булымер оправдывался тем, что сделал это ради джирской дани и вероломно отказался выполнить данное им ранее обещание.

Несколько лет шли переговоры, пока, наконец, в 991 году воевода Булымера вместе с румцами не напал на Хин. Курсыбай под главенством Сал-Сала — сына Кукчи от баджанаконской бики — положил на месте 5 тысяч балынцев и 3 тысячи румцев во главе с воеводой Бером и обратил остальных неприятелей в паническое бегство. Несмотря на это, Булымер, в надежде на румскую помощь, отказался от уплаты джирской дани, и в 992 году Сал-Сал с курсыбаем и баджанакон обложил только что поставленный Булымером город Бер. На выручку его прибыл новый воевода улубия — Аслап, из рода Таук, но Сал-Сал в поединке раздавил его руками, словно куренка, и вслед за этим обратил Бер в ничто. Перепуганный Булымер возобновил выплату джирской дани, а деньги решил награть в войне против Улак-Булгара. Взяв там действительно большую добычу, он в 995 году при помощи румских мастеров восстановил Бер и в память об Аслапе стал называть его Бер-Аслапом. Узнав об этом и заподозрив Булымера в попытке устроить отсюда дорогу в страны ислама через Дима-Тархан в обход Булгара, Тимар тут же послал все того же Сал-Сала на Русь. Булымер опрометчиво выступил навстречу нашим, но у города Васыла все его войско было быстро растоптано курсыбаем, а сам он уцелел лишь потому, что трусливо спрятался под мостом. С той поры этот улубий никогда больше не решался выезжать на битву с булгарами. Сал-Сал видел, как улубий спрятался под мостом, но, довольный победой, пощадил

его и сделал вид, будто не заметил этого. Поощаил сардар и жителей Васыла и разрешил им свободно уйти, ибо они были анчийцами, но город после их ухода сжег дотла, и сына своего назвал в память об этом Васылом...

Возвращаясь с этой битвы, которую он назвал «Мостиковой», сардар започевал в мензеле Кубар на реке Кубар. Отдых здесь поправился ему, и он упросил марданского улугбека дать ей второе название «Купер» — в честь победы курсыбая...

В 996 году Сал-Сал снес все балынские крепости к югу от Башту, причем всех находившихся в них балынцев вырубил, а анчийцев отпустил... В 997 году Сал-Сал осадил в Чаллы-Кале последние балынские силы. Воспользовавшись этим, анчийцы во главе со своим головой Асмаром пришли в Башту и потребовали от Булымера прекращения ненавистной им войны и удаления из Башту и Караджара всех балынцев. Булымер пообещал удовлетворить все требования анчийцев, но после этого тайком убежал в Галидж за новым надежным войском. Но когда Сал-Сал приготовился покончить с Чаллы-Калой, во сне ему явился Айдар и сказал: «Ты не можешь осквернить огнем и кровью это место, ибо здесь находятся могилы карабулгарских балтаваров». Утром, потрясенный виденным, Сал-Сал разрешил балынцам уйти из города живыми, а крепость просто разобрал...

Тогда Булымер перенес войну на север, где в течение нескольких лет войска из галиджийцев и балынцев стали строить крепости вокруг Коба-кюля, а наши — их громить. Наконец в 1006 году все балынское войско численностью в 40 тысяч человек, безмятежно спящее у станции Таигра-Майдан на перекрестке Артанской и Коба-Кюльской дорог, было окружено Сал-Салом и прекратило свое существование. Потом наши взяли балынскую крепость Балык на Кара-Идели. Здесь пленных, получивших прозвище «рыбаки», погрузили на корабли и плоты и перевезли в Булгар. В память об этом этот мензель получил название Йоклама, а старое его название дали крепости в Байтюбе, построенной 30 тысячами пленными балынцев. Кроме Таигра-Майдана они построили еще в Байтюбе Аккерман, Айдар..., а на Агидели в Кашане — Балыклы... А при Талибе пленными балынцами, выкупленными у буртасов и батышцев, были построены Сал-Сал, Шонкар, Арслан, Лачын. А пленными румцами были построены мечети «Рум», «Аламир», «Джалда», новый царский дворец и караван-сарай «Таш Йорт» в Буляре...

После Таигра-Майданской битвы Вторая Баджанаконская война закончилась, ибо Булымер обещал не налаживать путь к Дима-Тархану, возобновил выплату джирской дани, открыл Артанский путь, разрешил булгарским купцам беспопылиную торговлю в Жи-

ре и Галидже и дал заложником сына Яучы. Переговоры шли в Башту и в мензеле Яучы, и с урусской стороны на них был посол — франг Борын. Некоторые говорили, что станция в память об этом получила его имя, но мне кажется, это ошибка... Оставленные нашими на произвол судьбы баджанакши Кашана вынужденно приняли христианство франгского толка из рук Боруна. Потом Яучы, также принявший христианство из рук Боруна, опирался на них в своей борьбе за урусский престол и после поражения ушел с ними в Моджарское государство. А Борын присылал своего проповедника и в Булгар под предлогом поддержания в Яучы склонности к нечестивой вере франгов. С ним в Буляр приезжал каубуйский бек Боян Рыштаулы, который дал деньги на построение мечети «Боян»... А нечестивого проповедника звали Аутун. Он уговорил Яучы дать деньги на строительство караван-сарая «Бухар Йорты» и устройство балика для христиан «Бата-Балик», за что тот получил разрешение на возведение деревянной церкви для христиан Буляра. Ее стали называть «Бура-Кала», и в ней Аутун говорил, что грядет время принятия великим восточным народом христианства и наказания всех грешников по всему миру... А когда Яучы был с честью отпущен на родину и отправился в Башту по Хорыс-юлы, то Аутун не поехал с ним и остался в Буляре служить в своей церкви, которая сильно пострадала во время сыб-булатовской осады в 1183 году...

Когда началась Баджанакская война, Тимару пришлось вернуть Кашан Кукче, ибо в противном случае курсыбай отказывался сражаться. Но в 1004 году, когда скончался Кукча, а Сал-Сал сражался на Севере, Тимар уступил требованиям казанчиев передать Кашан уланскому губернатору. Сын Сал-Сала, кашанский улугбек Васыл, был вызван в Болгар и закован в цепи, после чего отряд казанчиев двинулся к Кашану. Однако дочь Сал-Сала Шукрия с субашами загородила все подходы к городу. Тут подоспел Сал-Сал, получивший известие о смерти отца... Казанчии при приближении курсыбая поспешно убрались восвояси, но Сал-Сал неожиданно попал под обстрел отряда собственной дочери. Оказывается, отец и дочь долгое время не видели друг друга, и Шукрия не узнала собственного отца и приняла его за главаря казанчиев. К счастью, один из чирмышей Шукрии узнал бека и успел предотвратить кровопролитие. Обрадованные прибытием курсыбая кашанцы тут же подняли Сал-Сала на трон улугбеков. Тимар напрасно не признал законность этого акта, чем вызвал негодование кашанцев. Их тут же поддержали недовольные всей страны: субаши и чирмышы, возмущенные чрезвычайными военными поборами, марданцы, ненавидевшие кана за попираание их вольностей, байтюбинцы, опасавшиеся передачи земель Буляра в руки казанчиев. Тихий

Масгут немедленно воспользовался всеобщим возмущением и двинулся с отрядом марданцев на столицу. Казанчиевское ополчение перед этим было послано на борьбу с булярцами, изгнанными вой уланского улугбека, и Тимар остался в Болгаре лишь с небольшой дружиной. Масгут окружил цитадель «Мумин» и предложил кану мирно оставить трон и удалиться в Нур-Сувар. Тимар поневоле подчинился, но едва он выехал из ворот, как стрела одного из беллакских стрелков убила его наповал.

[Глава 16.] Правление царей Масгута, Ибрагима, Балука и Азгара

Масгут был поднят на трон, после чего немедленно освободил Васыла и утвердил Сал-Сала губернатором Кашана. Возбодренный этим улугбек разгромил войско Булымера и поставил улубия перед выбором либо подчинения Булгару, либо гибели под копытами тулпаров и мечами болгарских бахадиров. Находясь на грани полного отчаяния, Булымер обратился к Ибрагиму с мольбой немедленно занять трон и прекратить войну, обещая за это утронть размер джирской дани, отказаться от претензий на казанские территории и открыть для болгарских купцов все города и дороги Руси. Как раз в это время вспыхнули волнения в Болгаре, которые возглавил сын Насыра Кул-Мохаммед. От имени участников волнений — знатных хозяев — юный сын шейха Мусы Худжа Ахмед обратился прямо на базарной площади к кану с требованием немедленно прекратить войну и понизить поборы. Масгут велел схватить Худжу Ахмеда и вывезти его вон из страны по Хорыс-юлы, но это только подлило масла в огонь. Масгут вызвал курсыбай, но пока он подходил, народ уже осадил его в цитадели Болгара. Узнав об этих событиях, Ибрагим немедленно двинулся из Буляра к столице с субашским, чирмышским и городским ополчениями. С другой стороны к Болгару из Нур-Сувара двинулись казанчии, желавшие свести счеты с убийцей доброго к ним Тимара. Но Миша-Юсуф — сын 90-летнего старика Кермека, изгнанного Масгутом из собственного города — опередил всех. Когда он выехал в столицу и стал подступать со своим отрядом к Барынджарским воротам, Масгут не выдержал и бежал из Болгара в Батыш. Казанчии, пришедшие вслед за этим, хотели было въехать в цитадель и поднять на трон внука Джакына, сына Абдаллаха Туктара, но Миша-Юсуф не пустил их и сдал Мумин-Керман Ибрагиму. Он, сын Мара Джу-Малик, сын Булата Хасан и подъехавший Сал-Сал подняли Ибрагима на трон Державы. А вот тебир Масгут и улан Туктар были отодвинуты от него...

Булымер немедленно подписал мир с Булгаром на вышеназван-

ных условиях, и Ибрагим сократил курсыбай до тысячи человек, дав остальным наделы и льготы. Он немедленно вернул из Руси Худжу Ахмеда, а когда тот отправился обратно, взял на воспитание и усыновил его сына Исхака и прозвался Абу-Исхаком.

О времени правления Ибрагима я почерпнул в наших летописях очень мало существенного...

Кан правил по законам Алмыша и Талиба, поэтому при нем Держава была в спокойствии и изобильной. Тем же, что происходило за пределами страны, кан интересовался мало, и лишь задержка с выплатой «ростовщины» однажды заставила его пошевелить рукой...

После смерти Булымера на Руси началась война за главенство между его сыновьями. Мышдаулы, сидевший в Дима-Тархане и пользовавшийся поддержкой Рума, одержал верх. По его приказу побежденный Ар-Аслап должен был вероломно умертвить одного из сыновей Булымера от Бозок — Халиба, а слуги самого Мышдаулы зарезали другого сына Бозок — Барыса, как главных претендентов на отцовский престол... Мышдаулы перестал выплачивать дань за Джир, что вынудило Ибрагима направить на Кан губернатора Мардана Гиласа. Гилас с ходу взял Кан и утвердил здесь одного из Хаддадов — Курдана, дружественного Державе. Ар-Аслап, вопреки приказам Мышдаулы, не двинулся ему на помощь, за что Ибрагим помог ему справиться с сильнейшим голодом в Бальне. Более того: поощряя Ар-Аслапа на свержение ига Мышдаулы, Ибрагим послал ему канскую шапку — копию своей. Всего три таких шапки изготовил дом мастера Атрака бинэ Мусы. Другую шапку Ибрагим незадолго до своей смерти послал вместе с копией «Записок» Бакира, украшениями и немалыми деньгами на постройку мечетей султану Хорасана Махмуду. Султан считался потомком самого Посланника, и кан надеялся получить от него за это исцеление от тяжкого недуга. Подарки отвез Худжа Ахмед и остался при султани по его просьбе. Из Хорасана он ездил в... Худжа Ахмед послал Ибрагиму также и лекарства, но они не успели дойти: кан скончался после нескольких месяцев мучений и был погребен в своем замке Аламир-Султан. А этот замок Ибрагим построил сразу после Булымеровой войны. Тогда он опасался нападения Тимара и рассчитывал в случае чего укрыться в крепком и отдаленном от столицы замке. Кроме этого по приказу Ибрагима на месте мензеля («джам») в устье Ака или Саин-Идели был в 1021 году построен балик Джуннэ-Кала, который назывался также Джуном. А так назвал его один из потомков Джуна — Джуннэ, который непосредственно возводил город...

Спокойствие Державы при Ибрагиме поддерживали сардары

курсыбая — сын Сал-Сала Амира Васыл и его сын Мардан. Перед смертью Ибрагим объявил своим наследником сына Тимара Ашрафа, ухаживавшего за ним, так как у него не было сыновей. Но когда Ашраф был поднят на трон, Васыл потребовал от него — за поддержку курсыбая — Буляр. Ашраф отказал, и обиженный Васыл помог занять трон сыну Масгута Азгару. Ашраф-кан без боя удалился из Болгара в Буляр и за это получил прозвище Балук. А Васыл сохранил за собой Кашанскую губернию и получил в придачу и Дяу-ширский округ Байтюбы — от Ахтая до устья Дяу-Шира или Шепше. Благодаря этому табун лошадей бека достиг 300 тысяч голов. А это все были отличные башкортские лошади, которые на Руси назывались «моджарскими» и ценились выше других...

В 1028 году обнаглевший Мышдаулы, задумавший восстановить Хазарский хаканат, велел галиджийцам и наемным садумцам захватить Болгар и затем проплыть вниз, а сам решил захватить Хин и соединиться с ними в Бехташе. Наш флот разгромил врага, но Мышдаулы при помощи румцев овладел Хином. Эта потеря возмутила купечество, и оно, когда к Болгару в том же году подошел Балук, отказалось защищать его. Казанчии же также вооружились против кана, так как были недовольны его налогами и благоволением курсыбаю. Но внезапно столичная беднота поднимает мятеж в защиту Азгара, и выходит с оружием в руках на стены Болгара. Мардан со своим курсыбаем также подходит к городу. В таких условиях кан, поразмыслив о превратностях судьбы, решил добровольно передать царскую шапку Балuku. За это он выпросил себе пост улугбека Сувар иле... Ашраф так и не решился въехать в Болгар, но в отместку объявил столицей Буляр и велел называть его «Болгаром», а Болгар переименовал в «Ибрагим». Курсыбай Мардана был послан в Хин и быстро выбил оттуда Мышдаулы. Люди этого беспокойного бальнского бека добрались до Джураша и в 1032 году захватили там при помощи сына Мышдаулы Устабия власть. Балuku пришлось посылать туда курсыбай и наш флот и водворять верного нашей Державе эмира Тимер-Кабак на место. При этом в свалке случайной стрелой был убит Устабий, в общем-то безвредный бек, любивший более всего ремесло и строивший церкви в области отца. Но он был чрезмерно покорен капризному Мышдаулы, и это погубило его...

Когда курсыбай вернулся, то вместо награды за труды узнал, что подлежит немедленному роспуску. Мардан был лишен прежних владений, а на место 4 тысяч курсыбаевцев кан нанял кыргызов. Ведь незадолго перед этим оймекская орда кыргызов захватила Тюркистан, но затем раскололась на Тюркистанскую часть или Кара-Оймек, и Восточную, или Ак-Оймек. Между ними начались

Замечание
Ашраф-кан

принужден был подчиниться требованиям кана, но затаил на него обиду за это унижение... Между тем продолжалась война Кумана с восставшими субашами и примкнувшими к ним кара-чирмышами и курмышами. Опасаясь снятия с поста, Куман воевал всерьез, но не добился никакого успеха и в 1050 году был заменен сыном Азгара Ахадом. Новый улугбек быстро сообразил, что победить собственный народ никак нельзя и заключил с вождями субашей договор о перемирии. Согласно этому договору субаши-мусульмане оставались в прежнем состоянии на приобретенных ими землях, а остальные возвращались в прежние разряды. Это раскололо восставших, и Ахад усмирил оставшихся без поддержки кара-чирмышей и курмышей. Так закончилось это восстание, которое получило название «Пятитопорного», ибо возглавляли его пять вождей, вооруженных топорами. После этого кан совершил неслыханную оплошность — отменил правило, согласно которому игенчей, принявший ислам, мог перейти в разряд субашей или ак-чирмышей...

После смерти Ар-Аслана новый урусский улубий отказался платить жирскую дань. Разгневанный Балук велел марданцам наказать наглеца, и, чтобы их удар был более сильным, вновь присоединил Саксин к Беллаку. Балус решил, что наступила очередь выступить на войну ширским тюркменам. Но те внезапно восстали и с криком: «Пусть идут воевать баджанак и смоят с себя позор измены своих сородичей!» — осадили Хин. Балус при помощи кыргызов Кумана и курсыбая Ишима отбил мятежников от города, и те отступили на Русь. Балус, преследуя их, прорвался к Батавылу и осадил его. Но вали города Рахман Гилас не сдал крепость сыну, ибо его обида на кана была еще сильна... В 1060 году Балус повторил поход и разбил Сыб-Булата у Бури-Аслана. Осадив этот город в отместку за укрытие его жителями беглых тюркмен, марданцы и куманы разграбили всю область между ним и Башту. Бек урусов вынужден был возобновить выплату жирской дани, дал выкуп за себя и обещал совместно с булгарами изгнать тюркмен из пределов Руси. Но тогда же Ахад внезапно осадил Буляр силами казанчиев. куманов сына Ишим-хана Азана и булгар Тамты... Азану едва удалось спасти от гибели даже свою сестру с ее сыном от кана Адамом...

Нежелание Балука признать субашами игенчеев Кашана и Мартюбы оттолкнуло от кана значительную часть народа. Казанчин, посланные на усмирение субашских волнений в Мартюбе и Кашане, после первых же ожесточенных стычек с отчаявшимися игенчаями, предпочли договориться с ними о разделе охваченных мятежом районов. При этом мусульмане согласились с тем, что казанчин закобалят игенчеев-язычников, ибо тех было значительно меньше.

Кан не признал этого сговора... и велел курсыбаю силой перевести субашей-булгар в положение ак-чирмышей. А ак-чирмыши платили в два раза большие палог и исполняли более тяжелые повинности, чем субаши, как я уже писал. Курсыбай решил, что это уже слишком, и вошел в сговор с казанчиями, решившими свергнуть кана и заменить его престарелым Азгаром. Ахад, опасавшийся ответственности за сговор казанчиев с субашами, склонил к заговору вернувшегося из-под Башту Балуса. Добился он этого тем, что сказал ему о замысле кана завоевать Русь силами марданцев. Марданцам совсем не улыбалось устилать своими костями грязные дороги Руси, и улугбек предпочел поддержать заговорщиков. Дабы не нарушать обычая, воспрещавшего булгарам проливать кровь булгар, они решили направить на Буляр куманов хана Асана.

Асан был до этого послан на субашей, но отказался, за что был избит конохом кана плетью и выгнан со службы. Деваться хану было некуда, и он охотно согласился оказать услугу заговорщикам...

Его отряды внезапно прорвались к Буляру и осадили столицу. После того, как кашанские субаши пробили в двух местах стены города, куманы ворвались в него и убили кана и сеида Нугмана. Бывший позади куманов Ахад поспешил въехать в столицу и прекратить кровопролитие. Случилось это в 1061 году.

[Глава 17.] Война между Ахадом и Адамом и правление Адама

На трон был поднят Азгар, но вскоре он загадочно погиб на охоте возле Нур-Суvara. Каном стал Ахад, немедленно утвердивший сговор казанчиев и мартюбинских и кашанских субашей и тем самым успокоивший страну. После этого он помог Асану закрепиться на Шире. Курсыбай охотно принял участие в этом походе на тамошних тюрков. Асан при помощи кана воевал против Руси несколько лет, но был разбит и склонен Русью к уходу с булгарской службы.

В 1076 году еще одна неприятность постигла кана — бежал из-под стражи сын Балука эмир Адам. Тархан Хина Дугар приютил принца, женил на своей дочери и, в обмен на обещание эмира дать ему большую самостоятельность, согласился помочь отвоевать трон. Ахад опрометчиво объявил город Ибрагим столицей, поэтому Адам без всякого сопротивления взял Буляр и провозгласил себя каном. Буляр вновь стал столицей. Ахад, признавший нового кана, сохранил за собой Ибрагим...

Поводом для свержения Ахада послужил отказ Руси платить жирскую дань после поражения Асана, с чем кан примирился. Адам поставил целью восстановить дань и пути в Артан и Башту.

Кан, хан,
Курган

войны, и вот один из кара-оймекских ханов Куман попросил с частью своих людей убежища в Державе. Балук охотно принял беглецов на службу, и они были с ним уже в походе на Болгар. Во главе их кан поставил Кумана, и поэтому наши стали называть этих кыргызов куманами, хотя звали и по-персидски — «кыпчаками», и по-сабански — «кыргызами». Азгар из сострадания дал Мардану округ Кермек, спорный с Беллаком. Гилас было возмутился, но когда Мардан пообещал выставлять со своего округа для курсыбая 2 тысячи воинов за беллакцев, смирился и вместе с Азгаром закрепил округ за Амирами. Кан, вновь увидев Мардана в курсыбае — теперь уже в качестве беллакского посланца — не нашел возражений и махнул рукой. Часть субашей и уволенных курсыбаевцев Мардана, бросив все, бежала в Кермек — и не пожалела, так как оставшихся в Кашане и Дяу-Шире кан велел обратить в кара-чирмышей. Многие из них воспротивились этому и предпочли уйти на земли Мартюбы между Арсу и Мишей. Будучи в крайней озлобленности, субаши изгнали оттуда почти всех аров и заняли их земли. За субашами сюда же стали стекаться отовсюду беглые чирмыши, которые здесь самовольно становились субашами. Губернатором Мартюбы в то время был Алай — сын бывшего улугбека Болгара и Нур-Суvara Юсуфа. Юсуф в 970 году основал балик Джаблы-Кала, который, однако, народ стал называть Симбиром. Алай же в 1028 году основал балик на Сура-су, который стали называть его именем — Алай-Тура... Но после того, как кан узнал о потворстве Алая беглецам, то перевел его на место вали в Тухчи, а на его место поставил Кумана. На место Кумана и его кыргызов, ушедших с ним, Балук нанял новую беглую орду кара-оймексов во главе с ханом Ишимом. Говорят, по совету Кумана, мечтавшего любой ценой выбраться из пустынь Саксинна и поэтому неустанно искавшего замену себе, Ишим послал к Балuku свою дочь Минлебику с целью добиться с помощью ее чар лучшей службы. Ханыш совершенно очаровала Ашрафа, и обезумевший от любви кан велел зачислить Ишима на пост сардара курсыбая, а его людей — на место бахадиров Мардана и кыргызов Кумана. Все это случилось в 1035 году как раз перед новым нападением Мышдаулы на Хин. Как и в первый раз, этот улубий велел 16 тысячам садумцев и галиджийцев во главе с садумским беком Хин-Кубаром захватить Болгар и после этого соединиться с ним в Бехташе. Сам же он вновь намеревался захватить Хин. Ишиму стало это известно, и он попросил дочь помочь ему. Минлебика сама прибыла к отцу из столицы и отправила Мышдаулы следующее письмо: «Хочу быть твоею, славный воин, приди и улови меня с ближними друзьями...» Не знавший удержу в своем разврате, передавшемся ему от матери — яхудки, Мышдаулы немедленно поска-

кал к указанному месту у Ширы с огромным войском. Но, подъехав и увидев жену кана всего с тремя джурами, оставил войско и устремился к ней с сотней своих слуг. Закованный в доспехи, он был уверен в своей безопасности в любом случае. Балынцы не знали о тех железных стрелах и больших луках, которые стали изготавливаться в Булгаре. При приближении балынского улубия бывший рядом с бикой брат Мардана Сабир выстрелил такой стрелой и отправил Мышдаулы в ад. Пока балынцы приходили в себя от потрясения, Минлебика со своими спутниками ускакала прочь. Со смертью этого балынца разом рухнул его дом. Саксин вновь обрел покой. А Хин-Кубар со своими людьми высадился с 400 кораблей у Болгара и стал громить его посады. Кан послал ему навстречу из Буляра бахадиров Мардана, кыргызов Кумана и флот, возглавляемый Каф-Урусом и сыном Туки Кадылом. До этого флот был у Кашана, осажденного возмущенными канскими указами и действиями субашами, но Балук решил, что город Ибрагим важнее... Наша конница обрушилась на врага одновременно с флотом. Галиджийцы вероломно оставили садумцев и отплыли вниз по Идели, и наши растоптали и расстреляли рать Хин-Кубара. Мардан хотел пощадить садумского вождя за его храбрость, но его кермекцы успели подвесить израненного в бою Хин-Кубара на дереве. Галиджийцы же были пленены марданцами у мензеля Тимер-Кабак в устье Самарсу, который потом стали называть Самар. После этого, получив сведения о занятии Башту союзником Мышдаулы, кан послал на столицу Руси Гиласа с частью беллакских баджанаксов. По пути к нему примкнул отряд кашанских баджанаксов, которые вначале помогли ему осадить Башту, но потом сманили его баджанаксов с собой рассказами о своей привольной жизни. Союзник Мышдаулы бежал из Башту, но вождь кашанцев ночью сообщил в город о том, что все баджанаксы уходят, и под утро тихо увел всех их в Кашан. Балынцы немедленно атаковали пустой лагерь Гиласа. Обманутый улугбек со 150 арбугинцами стал отступать к Харьку, но там был окружен анчийцами и сдался из-за нежелания проливать кровь анчийцев. Ар-Аслап не замедлил прибыть в Башту и предложил Гиласу службу... Гилас, считая себя опозоренным, согласился остаться на Руси и был назначен анчийским головой. Ар-Аслап стремился к миру повсюду. С этой целью он сделал ряд уступок анчийцам в области Башту и немедленно заключил мир с Балуком, обязавшись прилежно выплачивать ему джирскую дань. Нуждавшийся в средствах Ашраф удовлетворился этим и даже не потребовал выдачи Гиласа, раздражавшего его отказом увеличить марданскую дань в два раза, но тело Хин-Кубара обменял на золото, равное ему по весу. Новый беллакский улугбек, сын Гиласа Балус,

Через два года эмир Ахад по его приказу совершил поход на реку Мосху и разгромил и убил галиджийского бека Халиба. Эмир привез с собой большую дань, которую собрал по Джуку, Мосхе и в Джире, а также многих джирских бийсуйцев, которые пожелали вернуться в Державу. Эти бийсуйцы были поселены в Чулмане и включены в разряд кара-чирмышей.

Популярность Ахада, прозванного в честь этой победы Мосха, возросла, и это испугало Адама. Взвалив на эмира вину за гибель Азгара, он вместе с Дугаром двинулся на Болгар. Ахад предпочел бежать в Кан, где сидел внук Мышдаулы — тоже Мышдаулы. Бек Башту Сыб-Булат, возобновивший выплату джирской дани и открывший пути после похода Ахада, захотел было помочь теперь эмиру вернуть трон в обмен на обещание того отказаться от «ростовщины». Но эмир Балус со своими марданцами, выполняя приказ кана, опередил бека. Вначале он разбил сына Асана от дочери Балука Шарафхана, захватившего у Дугара Хин, и занял этот город. А затем, подкрепленный курсыбаем, ночью перешел реку Санн-Идель и на рассвете неожиданно напал на лагерь Сыб-Булата у Кана. Глава урусского войска Амет едва успел убежать вместе с Ахадом, а охваченное паникой войско бросилось в Кан. На плечах бегущих Балус ворвался в город и взял его. Он хотел пощадить Мышдаулы, но когда тот сам покорно вышел к нему со словами «Аллах акбар», один мухшанец выстрелил ему в спину и убил напопал. Этого мухшанца тут же разрубили на части и воткнули их на колья изгороди.

В ярости от того, что не удалось спасти бека, эмир велел всех захваченных канских биев обратить в ислам. Обрезание было проделано тут же, на базарной площади...

Присоединять Кан к Державе ввиду свободолюбия и многочисленности его населения было делом бессмысленным, и Балус, примерно наказав участников сопротивления и взяв их жен и детей в заложники и плен, вернулся в Банджу.

Обрезанные бии, не выдержав насмешек соплеменников, ушли из Кана и основали выше его по течению Санна новый город Кисан... Кисан скоро усилился и подчинил себе и Кан...

Испуганный Сыб-Булат выдал свои действия за попытку «помочь» Адаму наказать канцев и лишил Амета его деревни Амет на Кара-Идели, на пути из Джире в Галидж. Разжалованному Амету дали место в дикой области, владельцем которой назначили перешедшего на багышскую службу Ахада Мосху. Деловитый Ахад тут же выбрал место для своей резиденции и построил здесь крепость. Ее стали называть в честь него «Мосха»... Здесь у него возмужал сын — эмир Селим по прозвищу Колын. Кисанцы сделали

его своим беком. Все это не нравилось Адаму, и он ждал только случая, чтобы искоренить гнездо Ахада на Руси...

Адам был настоящим каном, не терпевшим никакого противоречия себе. Хорошо при нем жили только сеиду Якубу, сыну Нугмана, который знал подходы к нему.

Воспользовавшись тем, что лошадь Адама во время его поездки в Болгар провалилась в какую-то пещеру, служившую, как оказалось, школой, сеид обратил внимание кана на плачевное состояние просвещения в Державе. Я сам слышал от отца, что в то время многие потеряли совесть, и, к примеру, жители Тухчи превратили главную городскую мечеть в сеновал, почему ее и прозвали «Кибэн». Рассказ сеида привел даже хладнокровного Адама в содрогание и заставил его направить значительную часть своих средств на исправление дела. На эти деньги Якуб выстроил пятьсот новых мечетей и главную мечеть столицы. Она имела два минарета, и поэтому народ дал ей имя двуглавого Ельбегена — Бараджа. При ней в 1080 году сеид учредил «дом наук» (университет) «Мохаммед-Бакирия», в котором стали обучать не только илахияту и основам арабских и персидских знаний, но и географии, этике, высшему счету, лингвистике, истории. Якуб собственноручно переписал и дописал «Историю Булгара», которую называли «Казый китабы». Отец знал ее наизусть и неоднократно пересказывал мне. Она сгорела в Учеле вместе со всей библиотекой отца, когда крепость города была сожжена по требованию бека Кантюря.

Всю жизнь отец жалел о потере своей библиотеки, которая считалась одной из крупнейших в Державе. В ней хранились книги Бакира, дастаны Микаила и Габдуллы и многие другие...

В 1095 году состоялась свадьба сына Адама от дочери Дугара — Шамгуна и дочери хана Айюбая. Айюбай был недоволен Дугаром, провозгласившим себя каном всех кара-сакланских тюрок и куманов, и поэтому не пожелал приехать, а Дугар-кан с радостью двинулся в путь с войском в 5 тысяч отчаянных рубак. А надо сказать, что в мире не было людей, более любивших сечу, чем кыпчаки. В это же время хан кара-оймек Шам или Сам напал на Буляр. Кан, не отличавшийся полководческим даром, был смущен при появлении 100 тысяч оймек перед стенами столицы. У Буляра не было тогда еще третьей стены, и он мог выставить лишь 5 тысяч ополченцев. Положение спас Шамгун, бывший улугбеком Болгара. На рассвете, в пятницу, он подошел к столице с болгарскими казанчиями и с ходу атаковал лагерь оймек. Многие кыпчаки в панике побежали, но хан Шам сумел остановить их и повести в бой. Казанчиям пришлось весьма трудно, ибо, хотя они и намного превосходили кыпчаков по вооружению и воинскому искусству, кочевников

Самое, конечно в ту
Тамта (Тамта)
Хант.

было слишком много. Тут подъехал Дугар-кан и стал мешать оймекам нападениями с тыла. Когда Шам принужден был развернуть часть своих против куманов, последовал сокрушительный удар с третьей стороны — на этот раз курсыбая и тамтайцев. Большая часть оймеков побежала, но Шам остался на месте во главе 20 тысяч лучших воинов, окруживших себя арбами. Взять его курсыбаю, имевшему такое же среднее вооружение, не удавалось, и только железным казанчиям с помощью вышедших из Буляра ополченцев-пехотинцев удалось прорубиться сквозь повозки и толпу стойких кыпчаков и смертельно ранить хана. «Ты, мальчишка, как ты смел победить меня, великого воителя?» — кричал умирающий Шам, захлебываясь в крови, подъехавшему Шамгуну. По обычаю, Шамгун взял имя поверженного им знаменитого врага.

Бегущих убивали до Джанка...

А оймеки привели с собой несколько племен с женами, детьми и скарбом, говоря, что дадут им завоеванные земли. Мужчины были перебиты ожесточившимися воинами, а их жены, дети и имущество стали добычей булгар и куманов. Особенно много женщин и детей взяли тамтайцы, почему язык булгар этой области немного изменился. И даже в обычаях и внешнем облике появились оймекские черты их кыпчакских жен и принятых в семьи детей.

Немало взяли тогда и добра, ибо оймеки во время бегства бросили на протяжении от столицы до Джанка не менее 30 тысяч возов и юрт с коврами, одеждами, посудой и оружием. Среди всего прочего в ханской арбе захватили удивительной красоты сосуды для приготовления чудодейственных и душистых настоек. Эти сосуды взял себе кан, а называли их «сам-абар»...

Была сыграна роскошная свадьба, после которой Дугар отправился в поход на Башту и был там убит вследствие измены его куманов, задумавших перейти на сторону Айюбая, сына Асана.

Зимой следующего 1096 года Адаму представился случай выжить род Ахада из Руси: там началась война Аликая, бека Караджара, с другими урусскими беками.

Заручившись поддержкой кана, он взял Кисан и двинулся дальше. Колын бежал в Мосху, а войска Аликая и Шамгуна сошлись под Каном. Бек Кана Кинзяслап — сын бека Башту Булымера по прозвищу Алтын-Калган — пытался призвать своих к отпору, но те, едва завидев «чалмы», то есть изображения Бараджа на знаменах курсыбая, предпочли открыть ворота. Кинзяслап вышел из дворца с мечом, но, услышав смех закованных в железо казанчиев, сдался Шамгуну. Эмир выдал бека Аликаю с условием, что он пощадит жизнь пленному, ослепшему в юности от болезни. Но тот велел своим немедленно казнить его. Несчастный, обладавший богатырской

силой, вырвался было из рук палачей и бросился в Саин-Идель, но, не видя ничего, припал к тому же берегу, был опять схвачен и безжалостно зарезан... Это сильно покорило Шамгуна...

Затем они подошли к Балыну, который защищал эмир Колын. Попавшийся в западню сын Ахада предпочел сдаться Шамгуну, которого после взятия Кан-Саина величали и Шам-Саином. После этого возник спор, кому должен принадлежать город. Так как никто не уступал, то эмир велел своим запалить его. Балын сгорел под вопли Боняка, рассчитывавшего на добычу. Расстроенный хан, нанятый Аликаем, покинул союзников и отправился в свою ставку у Аудана Акташ.

Затем Шамгуну сдался Джир, которому он обещал пощаду. Однако, вопреки требованиям эмира, Аликай, как последний бурлак, вломился в город и ограбил его до нитки. Это переполнило чашу терпения Шамгуна, и он, под нестерпимые для него вопли истязаемых горожан, покинул бека.

Он пошел было к Галиджу, чтобы выжечь его в отместку за разбойные приходы галиджийцев в Бийсу, но у Амета встретился с сыном Алтын-Калгана Мышдаулы и замирился с ним. Получив обещание неукоснительно выплачивать Державе джирскую дань и запретить галиджийские разбои, Шамгун двинулся вместе с беком к Джиру для прекращения разбоя Аликая. Караджарцы, едва завидев царское знамя-чалмату, в панике бежали в степь...

Через чирмышский балик мишарских булгар Джуннэ-Кала на Тукрантау в устье Саина, возведенный по приказу кана Ибрагима одним из потомков Барыса, эмир вернулся в Булгар с огромной добычей. После этого кан занялся укреплением восточной границы Державы, которую продолжали тревожить кара-оймеки. Между Буляром и рекой Барадж-Чишма было устроено восемь валов со рвами, сторожевыми башнями и засеками. Они были заселены байтубинцами и разоренными тамтайцами, переведенными в разряд акчирмышей и избавленными от налогов с целью несения сторожевой и ремонтной службы. Укрепления стали сооружаться и на юге Суварской провинции, ибо позициям Державы стали угрожать куманы Айюбая, заключившего союз с Русью против Боняка и Шарафхана. Древки знамен его орды завершались полумесяцем, что особенно выводило кана из себя, ибо полумесяц и топор были знаком царского рода булгар.

Русь, ободренная союзом, перестала выплачивать «ростовщину», закрыла пути, а кисанский бек дерзнул даже ворваться в Мартюбу и ограбить мишарских аров...

Адам был вне себя и послал Шамгуна поправить дело. Эмир с курсыбаем зимой вторгся в Кисан и разбил тамошнее войско при

активной поддержке пострадавших аров. Когда он вновь пришел на следующий год, кисанский бек запросил мира и выплатил за него огромную дань.

Эмир знал, что действовать против Джира через Дэбэр неудобно. Поэтому он распорядился сразу после вторжения кисанцев выстроить для этой цели новый город на Арсу. В 1103 году город построили в присутствии эмира и назвали его Учель («Три Города»), так как он состоял из трех частей. Две из них находились на горе Богылтау и назывались Югары Керман и Калган, а третья располагалась под горой вокруг озера Акби-кюль и поэтому называлась Акби-кюль. Калган соединялся с Акби-кюлем, но от Югары Кермана был отделен Санновым рвом и некоторым участком горы, ничем не застроенным...

Югары Керман назывался так потому, что находился на самой высокой части горы, круто обрывающейся к Арсу. Некоторая отдаленность получилась оттого, что не смогли расширить Югары Керман к Саннову рву ввиду большой спешки и возникших денежных затруднений. Это пространство стали использовать в качестве места для размещения караванов мусульманских купцов и базарной площади. Прибывающие для торговли ары размещались в Биш-Балте, мед которой считался самым вкусным в Державе, а урусы — за каналом Булак, соединявшем Кабанское озеро с Арсу.

Первый наместник города Субаш промаялся здесь со своим курсыбаем несколько лет, пока шла Трехлетняя война с Русью. Он собрал дань с области Унджа, разбив несколько балынских отрядов, а следующей зимой атаковал с Шамгуном Балын. Осада была снята лишь после того, как Алтын-Калган согласился возобновить выплату джирской дани...

Субаш с большим удовольствием покинул Учель, и туда был назначен Селим, добившийся объявления Учеля столицей Мартюбы. Дэбэрцы восприняли это с большой радостью, так как надеялись на ослабление чиновного произвола...

Колын быстро понял невозможность сбора дани с аров и живших среди них на Горной стороне сербийцев силами лишь 30 джур и 200 ак-чирмышей. Поэтому он добился перевода в ак-чирмыши живших среди аров двух племен сэбэрцев — кукджаков и батликов. А воинами они были превосходными, как и все башкорты: эсег, моджары, сэбэрцы...

Впрочем, и Колын был здесь улугбеком недолго...

Вначале Айюбай прорывался к Суварскому илю по окраинам Мардана, а затем перешел к набегам на Бухарскую дорогу через Саксин. Хан Шарафхан, изгнанный Айюбаем с Шира, самовольно занял Хин. Пути в Саксин и в Хорезм стали небезопасными, что

терпеть было никак нельзя. Субаш едва спас положение. Потеряв треть курсыбая, он смог спасти хинцев от гибели и перевести туркмен в Марданский округ Буртас, а баджанаков — в округ Баджанака. Часть Баджанака, занятая баджанаками, выделилась тогда по просьбе переселенцев в округ Кинель...

Неспособность Балуса прекратить куманский разбой вывела кана из себя. Он велел Колыну занять пост улугбека Мардана, а Балусу — губернатора Учеля. Это было неслыханным поправлением прав Беллака, и марданцы подчинились лишь после того, как Шамгун придвинулся к этому илю с войсками казанчиков и Субаша. Через два года после этого хитрый и изобретательный Колын сумел заманить Айюбая в капкан. Он убедил кана в необходимости устроить женитьбу старшего сына Шамгуна Арбата на дочери Боняка, подчинившегося Айюбаю, и пригласить на свадьбу Айюбая. «Айюбай не сможет не прибыть на свадьбу своего внука и дочери своей главной опоры — Боняка, ибо это будет страшным оскорблением обычаев степи, — объяснил Селим кану. — Открой одну дорогу на Буляр сквозь уры (укрепленные пограничные линии) — и закрой за ханом. Он окажется в западне, и ты сможешь сделать с ним в столице все, что захочешь»...

Кан последовал совету Колына, изумляясь его мудрости и коварству. Айюбая пропустили по проходам через линии валов вместе с 11 тысячами его лучших воинов так, что он ничего не заметил. За ним эти проезды во всех восьми валах были тут же наглухо закрыты. В Буляре тысяча воинов Айюбая расположилась в Хинубе, которая была защищена тогда только валом и не имела большого количества строений. Еще одна тысяча была с ханом в другой части города — Мэн Буляре, где проводилась свадьба. Айюбай не пожелал праздновать в цитадели — Мартуане или Булюм Кермане, видя в ней мышеловку. Свадьба пировала в лучшем мэмбулярском караван-сарая «Дяу Шир» («Великий Шир»)...

Перед караван-сараям была огромная базарная площадь. На ней и разместились куманы, а в «Дяу Шир» с ханом пошли пятьсот воинов. В разгар пиршества, когда гости достаточно захмелели, жена Шамгуна поднесла отцу кубок с отравой — суджей. Она не знала об этом, и Айюбай, не прочитав на ее радостном лице ничего тревожного, спокойно выпил за молодых и через несколько мгновений рухнул на ковер.

Посоветовал подать яд также Колын, а когда кан стал противиться, сказал: «Если ты не напоишь хана суджей, то он напоит тебя кровью». Когда хан упал, воины кана тут же бросились на гостей с обнаженными мечами и чиркесами. Только Боняка, онемевшего при виде всего этого, подхватили под мышки и унесли в безопасное место... Сестра Шамгуна, бывшая замужем за одним

из сыновей Айюбая, сжала мужа в объятиях и умертвила, как мышонка. Арбат огромной дубиной одного за другим прибил еще девять сыновей хана.

Все куманы в караван-сараях, Мэн Буляре и Хинубе были убиты. Одновременно казанчики атаковали и остальных, бывших вне города, в обворованном ими ауле Карак. Они тоже изрядно захмелели от обильного угощения, но вместо ожидаемых подарков внезапно увидели перед собой смерть в облике бахадиров. Когда казанчики Шамгуна погнали куманов, в дело вступил курсыбай. Кыпчаки бросились по старой дороге в степь, но на их пути встали валы, рвы и засеки, защищаемые лишенными жалости к разбойникам тамтайцами и байтюбинцами. Произошло великое избиение объятых ужасом куманов. Жители окрестных аулов сами выскакивали из домов и били кыпчаков чем попало. Из девяти тысяч бегущих только тысяча — во главе с одиннадцатым сыном хана Мануком — вырвалась в степь. В народе шутили по этому поводу, что на куманов девятого вала не хватило...

Манук ушел к оймекам и продолжал нападать с ними на Державу через Тамту, иногда переправляясь и через реку Барадж-Чишма. Но на западе племени Айюбая уже не было, и дороги на Саксин, Башту и в Дима-Тархан стали свободными. Колын докончил дело, пропустив остаток беспокойных кыпчаков за Джуран, в гурджийскую область Хонджак. Там обитали потомки хонов, принявшие язык и веру соседних гурджийских племен. В память об этой битве, получившей название «Свадьба Айюбая», Адам велел увенчивать древки боевых болгарских знамен — наряду с Бараджем и полумесяцем — также и знаком Аламира — V...

Кан отблагодарил эмира тем, что поставил улугбеком Сувару его сына Хисама Анбала, женатого на кафской сакланке и получившего поэтому прозвище Ас. Анбал был немедленно опутан казанчиями, роды которых расширились и уже не могли удовлетвориться своими вотчинами. Они жаждали получить на съедение игенчиев других провинций и для этого хотели поставить каном послушного им эмира. Таковым был Анбал, для которого во время невзгод его семьи главным стало стремление к жизни в постоянной усладе. Он, подобно кану Мохаммеду Мумину, ненавидел государственные дела и готов был выполнять любой каприз своих любимцев — казанчиев.

Когда казанчики поведали Колыну о своем желании сделать его сына каном, эмир не стал противиться и решил стать вождем заговора ради упрочения положения своего дома. Он договорился с марданцами о том, что оставит их и будет уважать их права при условии поддержки ими заговора Балус, маявшийся в Учеле, который казался ему после огромной Банджи жалким аулом, горячо примкнул к заговору в надежде вернуться в Мардан.

В 1118 году неожиданно умер Адам, и Шамгун стал каном. Перед смертью Адама разоренные оймекскими и куманскими набегами субаши и маленькие хозяева стали просить о послаблении в налогах. Сразу после смерти Адама байтюбинцы стали изгонять чиновников-билемчиев, а в самом Буляре подняли бунт против городского магистрата. Магистрат в столице, как и в других больших городах, назывался «Сувар Йорты», ибо в народе «сувари» именovali купцов и мастеров (осталар) — хозяев. Восставшие избили нескольких его суварбашцев и билемчиев. Несмотря на предостережение Якуба, Шамгун решил силой подавить недовольство и вызвал курсыбай. Субаш отказался играть роль карателя, и тогда кан в раздражении распустил курсыбай и велел Субашу прибыть с повинной. Субаш скрылся в Мардане, не выдававшем беглецов. Тогда Шамгун вызвал болгарских и суварских казанчиев, и те с удовольствием подавили бунт. А они похвалялись сделать то же самое и в Мардане. Из ненависти к марданцам они называли и их, и Банджу, и весь Мардан-Беллак «Буртас». Это выводило из себя марданцев, и они нарочно стали называть самый маленький город своей провинции — Рази-Субу — «Суваром»...

После всего этого кан, не чувствуя себя в Буляре в безопасности, перенес столицу в Болгар...

В 1120 году Колын, войдя в сговор с беком Балына Джурги, решил его руками свергнуть потерявшего любовь народа Шамгуна. По его приказу Балус пропустил флот балышцев через Мартюбу, и Джурги внезапно осадил Болгар.

Никто не поддержал кана, и у него под рукой осталось всего 50 джур. Но и с ними он пытался сорвать высадку урусов, однако, потеряв половину людей, принужден был отступить в «Мумин». Булярцы и марданцы никакой помощи не прислали, а казанчики хладнокровно ожидали взятия урусами цитадели. Джурги, однако, медлил, так как потерял в бою с джурами и жителями ограбленных урусами баликов Болгара 1250 своих воинов. Тогда Шамгун, бывший по характеру простым и незапосчивым, хотя и вспыльчивым, как отец, взял да и объявил народу о решении ослабить налоги. Простые горожане немедленно составили ополчение и стали на стены, а не пострадавшие от расправы булярцы спешно направили к Болгару свой отряд. Это заставило Колына подъехать к цитадели и заявить Шамгуну: «Кан! Ты видишь, что происходит! Отдай Болгар мне, верному тебе, а сам ступай царствовать в Буляр!»

Понимая, что соединение казанчиев с урусами будет гибельным для него, Шамгун последовал совету симпатичного ему Селима и

ушел в Буляр. Так Буляр вновь стал столицей. А Колын, чтобы кан не заподозрил его, папал со своими суварцами и флотом на лагерь Джурги под предлогом наказания его за медлительность и трусость. Семь тысяч урусов из восьми были изрублены, растоптаны и потоплены казанчиями и салчиями. Джурги едва успел бежать с последней тысячей и более никогда в жизни не помышлял о походе на Державу.

Его отец Алтын-Калган хотел казнить Джурги за потерю войска, но, узнав о захвате им 25 джурских доспехов, сказал: «Бог с ним! Доспехи отличны, и если бы булгары продавали их нам, я бы давал им за них и больше вшивых мужиков!» Тем не менее, мой отец увидел как-то у балынского бека урусскую книгу, в которой было записано о победе Джурги в этой Колынской войне. Когда он заметил беку, что это неправда и рассказал, как было дело по свидетельству Якуба, то бек рассмеялся и заметил: «У нас разные понятия о победе. Для нас важно, что Джурги разбил Шамгуна и вывез дорогую для нас добычу, а то, сколько было человек у кана и сколько мы потеряли в бою мужиков — для нас не важно».

И отец, и я сам, когда мы были на Руси, не переставали удивляться тому презрению и безразличию, с которыми урусские беки относились к своему народу. И мы заметили также, что в балынских книгах не писалось о том, что происходило в соседних урусских бекствах, если только это их не особенно волновало...

А урусы — очень разные люди, и они сильно подвержены увлечениям — плохим и хорошим. Так что пишущий об этом народе по недолгому знакомству, может написать о нем очень плохое и очень хорошее, но и то, и другое при этом будет правдиво.

Вообще для того, чтобы хорошо знать их, надо долго пожить среди них... Благородство их к тебе может ужиться в них с коварством и безжалостностью по отношению к другим. Обиды от более сильных соседей сделали урусов склонными к непостоянству, коварству и обману.

А бек Куштандин говорил отцу, что бедствием его народа было пьянство и что некоторые склонны винить в распространении этого «насраания». Но их лжеучение здесь ни при чем. В действительности это — от старого языческого обычая. Когда-то ульчичи были самым добрым народом, неспособным пролить чью-либо кровь, даже преступника. Но затем они испытали ужасные нападения врагов, и им надо было сражаться. Их кахины (волхвы), которые у хонов назывались боярами, стали давать воинам перед битвой хмельное для храбрости. Хмельное давали людям также после битв, чтобы они смогли пережить те ужасные потери, которые они несли. Так народ привык к пьянству, а затем этот языческий

обычай развратил и многих их священнослужителей — попов. Таких папазов надо было бы казнить, но не могли, так как они были единственной силой, противостоящей еще более диким языческим обычаям. Кроме того, попы пили также и для того, чтобы приобрести любовь пьющей паствы. Вот и получается, что иногда папазы пьют больше, чем прихожане. Так, при мне в Балыне один пьяный поп захлебнулся супом, который выпивал прямо из котла после благословения рыбаков на промысел...

А когда урус выпьет, то он делается либо очень добрым, либо очень злобным и кровожадным. Причем, добрый может стать злым, а злой — добрым. Этим, кстати, и пользуются наши купцы, когда хотят купить что-либо подешевле у урусского торговца, и чаще всего оказываются в выигрыше...

Говорят, Джурги, вернувшись из похода, сильно выпил и, придя в ярость, велел немедленно казнить престарелого Ахада. Причем убийство поручил кисанскому беку Ар-Аслапу, треть войска которого была убита у Болгара. Затем, после смерти Алтын-Калгана, опасавшегося раздражать кана и принесшего извинения Шамгуну за самовольный набег его сына, Ар-Аслап, также по наущению Джурги, закрыл Хорысданский путь. Сын Ар-Аслапа от каубуйки, Рыштаулы, воспротивился этому и был брошен отцом в темницу. Из узилища ему помог бежать слуга — каубуец. Рыштаулы прибыл к Колыну, был обласкан эмиром и направлен зимой домой с курсыбаем сына Субаша — Халика Канджалыя, перешедшего на службу Селиму.

Мухшанцы, недолюбливавшие Ар-Аслапа за угодничество перед Балыном, открыли ворота Кисана, и курсыбай въехал в город в полном порядке и без сопутствующих войне грабежей. Юный Рыштаулы тут же воссел на отцовский престол, а Ар-Аслап угодил в свою же темницу, в которой вскоре и скончался от огорчения.

Обрадованные миролюбием Канджалыя кисанцы тут же освободили захваченных ранее булгарских купцов и выплатили огромную дань — по шкурке превосходной белки со двора. Правда, радость победы была омрачена печалью нового бека. Он узнал, что бессердечный отец, в отместку за его бегство, сказал матери, что Рыштаулы утонул в реке. Мать бека с горя умерла, и Рыштаулы напрасно звал ее у могилы. Горе бека было таким жалостливым зрелищем, что даже суровый Канджалый заплакал, как ребенок.

Рыштаулы стал верным союзником Державы, несмотря на соблазны, наущения и угрозы, исходившие от соседних урусских бекств. Он был первым урусским беком, которому, из уважения к нему, Держава дала титул эмира, то есть великого бека. Этим он был уравнен с великими беками Башту...

Ему вначале весьма досаждали его братья, родившиеся от дру-

русси Хэлэк - Кунджалый ! !

гих жен его отца. Они бежали к куманам Боняка и воевали с ним против Рыштаулы, пока Канджалый через два года не пришел вновь и не прихлопнул их всех в укреплении Борын. Только одному из отпрысков Ар-Аслапа удалось бежать и укрепиться при помощи балынцев в Кан-Мухше. Остальные пять были положены на месте, так как вздумали сопротивляться и запятнали себя убийствами купцов.

Сбежавшего Боняка Канджалый настиг на поле, которое называли «Хэлэк». Злополучный хан пытался отбиться в укреплении, составленном из повозок на берегу Шира, но был повязан...

Канджалый отдал Боняка Рыштаулы, а тот подарил его улыбу Башту. Говорят, он принужден был принять лжеучение насраниев и умер в монастыре.

Канджалый получил за эту победу прозвище Борын. Хорысданский путь открылся, что успокоило купцов...

Вместо Колына марданцы избрали улугбеком сына Балуса Хайдара. Когда Балус высказал в связи с этим претензии беллакам, те ответили: «Ты заставил нас слишком много воевать, а Хайдар миролюбив. К тому же Хайдар — твой сын, и ты должен бы радоваться его возвышению». Жалобу Балуса отклонил и Селим со словами: «Я не могу не принимать во внимание указ кана и волю марданцев — в противном случае я буду выглядеть преступником».

Эмир Колын-Селим был одним из мудрейших мужей Державы, ставивший ее интересы выше своих, но при этом знавший себе цену. Ему легко можно было свергнуть кана, но он видел опасность казанчиевского засилья, которое сдерживал только его молчаливый союз с Шамгуном...

В 1135 году, когда кан направился к Бараджу для отражения дерзкого набега кара-оймек хана Манука, Державу удостоил своим посещением мулла Абу Хамид из Гарнатского царства. К сожалению, мой дед Арбат Ос-Ладж, бывший ранее улугбеком Буляра, а после Колынской войны переведенный на пост губернатора отдельного тогда же от Беллака Саксина, проявлял равнодушие к делам веры и поэтому не оказал Абу Хамиду подобающего почета. Ласковее оказался другой сын Шамгуна эмир Отяк Улуг Мохаммед Джанги, замещавший отца в его отсутствие в Буляре...

Мулла, как это свойственно великим проповедникам, отказался войти во дворец кана, и тогда эмир удостоил его приятной беседы в Алтын-мунче. Сеид Якуб с еще большей учтивостью встретил муллу. По его просьбе потомок Атрака ибн Мусы, хозяин большого торгово-ремесленного дома Абу Бекр ибн Ахмед, предоставил мулле для жительства один из своих домов.

В беседе с сеидом мулла признался, что виденное им в Державе

курсыбай

превосходит все то, что он слышал о ней ранее. Сын муллы Идрис остался в Буляре учиться в доме наук «Мохаммед-Бакирия», а мулла, после знакомства со страной, отправился по делам в Рум по Хорыс-юлы. Он посетил по пути бейлик каубуйцев, в среде которых Якуб успешно распространял свет истинной веры, и совершил моление в мечети каубуйской столицы Кыр-Куба возле Батавыла. Мечеть называлась каубуйцами «Барын» — в честь алпа победы Бури. Якубу пришлось с этим смириться, чтобы не отталкивать каубуйцев от веры...

Тот поход Шамгуна был последним для кана. Его байтюбинское ополчение окружили оймеки Манука, и только подоспевший по приказу Колына курсыбай Канджалый смог их опрокинуть. Когда оймеки побежали, кан гневно сказал Халику: «Почему ты нарушил мой указ и не распустил корпус?» А курсыбай был сохранен благодаря средствам Селима. Здесь осторожный эмир решил пренебречь волей царя, ибо без курсыбая Державе нельзя было обойтись.

Из трудного положения сардара спасла отравленная оймекская стрела, пущенная убегающим кыпчаком. Она слегка царапнула открытое для разговора лицо кана, но яд скоро убил Шамгуна.

Канджалый в ярости послал свою стрелу, которая пробила голову Манука насквозь, и затем нагнал и без всякой пощады истребил все войско хана...

Опора Колына пала, и он не решился противодействовать казанчиям, поднявшим Анбала на трон. Однако вскоре он подошел к Буляру вместе с курсыбаем Канджалый и предложил казанчиям заключить с ним договор в присутствии кана. А чтобы уланы не уклонились от переговоров и не предприняли необдуманных действий, предупредил, что отдал Канджалый и Хайдару приказ штурмовать столицу в случае срыва встречи. Затем Селим хладнокровно отправился один в Сувар Йорты, в круг казанчиевской своры, и заявил там: «Хороший политик — это хороший купец. Так давайте поторгуемся».

Говорят, в Магистрате крик стоял сильнее, чем на базаре. Не раз уланы надвигались на Колына с обнаженным оружием, но в конце концов принуждены были договориться с ним.

Договор заключался в следующем: казанчии освобождались от воинской повинности и от налога с вотчин; территории субашских районов в Северном Джебельстане, то есть на правобережье Кара-Идели Мартюбинского, Суварского и Болгарского илей, сокращались в два раза в пользу казанчиев, и все земли по реке Алат в мартюбинском округе Кукджак также передавались уланам; средства канского двора увеличивались в десять раз за счет государственной казны и могли возрастать лишь в случае превыше-

✓
ния уровня дохода 1135 года; Селим получал пожизненно пост улугбека Болгара, право контролировать государственных чиновников и казну. Сувар Йорты в Болгаре, Нур-Суваре и Саксинс, внешнеполитическое управление, Кашанскую, Саксинскую, Урскую и Бийсуйскую провинции Державы; Мардан-Беллак сохранял свои права...

После переговоров Колыи отправился в Болгар, отдав уступленное им на растерзание казанчиам. Курсыбай неотлучно пребывал в районах, переданных уланам, дабы те при дележе не перебили всех субашей и друг друга...

Кан, передавая дела нескольким любимцам, занялся охотой, пирушками, обременительными для населения поездками по внутрибулгарским илям Байтюба, Тамта, Мартюба, Сувар и Кашан, во время которых дело редко обходилось без грабежей и убийств субашей, без осквернения чести жен и дочерей кара-чирмышей и ак-чирмышей. Вздумавший письменно и устно перечить кану сеид Якуб был лишен языка и глаз и вскоре умер. Говорят, в последние свои дни он, лишенный всего, зарабатывал себе пропитание игрой на домбре на базаре. А его дом наук был превращен в вертеп, где частенько пьянствовал сам кан в окружении уланов и их любовниц. Любимым развлечением Анбала и его стаи было разложение целомудренных шакирдов путем насильственного спавания и навязывания порочных женщин, которых в полуодетом виде сажали на колени несчастным учащимся.

Внука Якуба Кул-Дауда, вернувшегося из хаджа (во время которого он попал в рабство и в области Татяк был выкуплен за серебряный кувшин хонджакцами), настолько ужаснуло это положение, что он организовал братство суфиев и дервишей при мечети «Эль-Хум» в Нур-Суваре и заявил братьям: «Аллах лишил Булгар своей милости по причине распространения заразы безверия. Включайте в круг нашего братства «Эль-Хум» новых членов и молитесь и истово верьте за двоих, троих, пятерых, десятерых обычных верующих. Когда сила нашей веры будет равна той или превзойдет ту, которая была бы в случае приобщения к исламу всех безверных нашей Державы, тогда Милосердный Творец спасет нас».

Каждый входивший в братство жертвовал всем своим имуществом и жил на получаемые от «Эль-Хум» средства не богаче курмыша, призывал к отказу от роскоши, войны, всех видов угнетения и рабовладения, лицемерия и обмана ближнего. В Буляре братья, руководимые сыном Абу Хамида аль-Гарнати Идрисом, обосновались в части Хинубы. Среди братьев было много субашей и ак-чирмышей, пожертвовавших своим имуществом под угрозой захвата его казанчиам...

В 1153 году уланы, невидевшие братство, схватили Идриса и замучили его. После этого братья перебрались во внешний балик города Саклан и назвали там свой урам Татяк, а в столице стали один за другим загораться дворцы казанчиев... Никакие новые разгромы ханака дервишей не могли приостановить эти поджоги. Когда озверевшие казанчии окружили мечеть «Эль-Хум» в Нур-Суваре, на защиту братства поднялся Сувар Йорты, выставивший для охраны ханака свое ополчение. Двоюродный брат отца Кул-Дауда Сулейман, бывший сыном саксинского сеида Дауда, а сам — нур-суварским и булярским сеидом, призвал Колына немедленно вмешаться, и эмир не упустил случая уязвить казанчиев. Он сжал Нур-Сувар болгарским ополчением и курсыбаем сына Канджалыя Курная, а также не имеющими никакого понятия о страхе или жалости на войне арбугиццами и заявил: «Наша Держава возникла и процветала по воле Аллаха. Теперь же некоторые кяфиры собираются истребить всех самых верных из правоверных, чтобы лишить ее милости Творца. Этого терпеть нельзя, и при первом новом убийстве дервиша я втопчу виновных в пыль».

Казанчии, щелкая зубами, отступили, хотя в укромных местах при удобном случае продолжали тайком сводить счета с братьями.

В тот год в Буляр вновь прибыл Абу Хамид аль-Гарнати и встретил открытую неприязнь кана и его прихлебателей. Абу Бекра уже не было в столице — опасаясь разбоев казанчиев, он перебрался в Болгар. Сулейман едва нашел для него жалкую дервишескую лачугу в Татяке, в которую ему принесли труп его сына. Наши ожидали горестных воплей и стенаний, но мулла лишь сказал: «Он оставил этот мир по воле Аллаха во имя лучшего», — и стал горячо молиться. Абу Хамид прибыл по Хорыс-юлы через Банджу, которую арабы называли по имени тамошнего святого ручья Нуш, и очень удивился переменам в Державе. Его друг эмир Отык спасался от казанчиев под крылом Колына на посту улугбека Саксина, а мусульмане вздыхали и тайком жаловались Творцу на невзгоды... Однако дела внешние, благодаря Селиму, были хороши. Гибель Манука заставила кара-оймексов присмиреть, и они после переговоров с посланником Колына Курнаем согласились подчиниться Державе и образовать подвластную ей провинцию Тубджак. Только один оймекский хан Башкорт решил остаться независимым и, благодаря помощи Отыка, мирно перешел со своими оймекскими в куманские степи через Саксин. Бухарский или Хорасанский путь вновь стал спокойным...

Балынский бек Джурги пытался посадить в Кисане своих наместников, но всякий раз получал отпор.

В 1140 году одного появления Курная было достаточно для того, чтобы балынские войска бежали от Кисана...

В 1150 году сын Джурги Хан-Тюряй осмелился отказаться от выплаты джирской дани. Одновременно галиджийцы стали тревожить своими набегами области Бийсу: Нукрат... и даже окрестности острога Туймас-Артап на реке Бий-су, куда заходили из Чулманского моря садумские корабли и съезжались для торговли охотники, рыбаки и пастухи племен Туная (Севера) — тунайцы...

А Туймас-Артап основал болгарский купец Туймас, торговавший с Артапом, в то время, когда Угыр Банту закрыл Артанский путь через Галидж. Охрану острога нес шудский род куян, славившийся торговлей превосходными шкурками зайцев.

А Якуб писал, что при Маре эти шкурки служили деньгами и назывались «бармал» — так, как именовали шудцы Булгар. И первые монеты, чеканенные по настоянию Микаила при Бат-Угьре Шамси-Малике, тоже назывались «бармалами»...

Встревоженный поведением ульчийцев Колын вызвал Курнай и сказал ему: «Я помог тебе и твоим людям в трудное время ради благополучия Державы. Теперь приспело время вам расплатиться со мной и совершить большой поход на Тунай»...

Зимой 1150 года они выступили вдвоем во главе курсыбая и акчирмышей на Тунай, где заложили новый центр Бийсу — город Колын возле балика Нукрат на Нукрат-су, разгромили несколько острогов галиджийцев на реке Тун и в завершение осадили Ар-Аслан и ушли из него, получив по шкурке белки с каждого двора.

После этого Хан-Тюряй вторгся в Кара-Мухшу и захватил Кисан, но бежавший от него Рыштаулы вместе с подоспевшими марданцами сына Хайдара бека Байчуры быстро выправил положение...

Говорят, что Рыштаулы вновь явился к Кисану на рассвете с небольшой дружиной и после короткой перестрелки бросился бежать. Хан-Тюряй, всю ночь праздновавший победу, не смог встать с постели и послал за ним своих воевод. Те попали в засаду Байчуры и были без всякой пощады перебиты арбугинцами.

Несколько уцелевших с ужасными криками бросились назад в город и произвели в нем смятение. Хан-Тюряй, узнав о гибели воевод, едва успел ускакать из Кисана в Балын — полуострым и в одном сапоге. За ним бросились и остатки его воинства. Байчура восстановил в городе бека Рыштаулы, а затем выбил балынцев и из Кана. Грабежей бек не делал, но с Кана взял по белке со двора. Через два года балынцы вновь захватили у Рыштаулы Кисан и ограбили болгарских купцов. В ответ Курнай и Байчура зимой пожгли области Кисана, Кана и Булымера.

В тот же год умер эмир Колын, и Держава на десять лет погрузилась во мрак казанчевских бесчинств. Курсыбай был распущен. Казанччи, как голодные волки, вломились в субашские

районы и стали теснить игенцев в дебри. Захваченные земли уланы заселяли сербейцами и арами, которых захватывали в открытых набегах на земли казны.

Улугбек Мартюбы Ос-Ладж не вмешивался, опасаясь за свою жизнь. Сеид Сулейман, в ужасе от происходившего, бежал к эмиру Отыку в Саксин, но вскоре и тому пришлось спасаться бегством к своему тестю Башкорму. Кул-Дауд, поставленный сеидом Буляра по требованию суварчиев, едва удерживал распоясавшихся казанчиев от разгрома суварчиевских домов. Повсюду бесчинствовали сборщики налогов, увеличенных в два-три раза. Когда уполномоченные кана явились в Банджу с сообщением о том, что дань с Мардана увеличена в два раза, Байчура воскликнул: «Ни один иноземный враг не угнетал нас более, чем собственный кан!» Хотя бек уплатил дань, эти слова ему не забыли...

В 1117 году к Саксину прибился сын хана Шарафхана Сарычин. Не доверяя никому из своих, кан назначил сына Сарычина Аса на освободившийся пост тархана Саксина. А здесь и в провинциях Бийсу, Мардан-Беллак, Ура, Тубджак губернаторы назывались тарханами, а в прочих илях — улугбеками (или, иногда, улубиями). Так как саксинцы смотрели на нового тархана, как на разбойника, он пребывал значительную часть времени в ауле Бехташ, откуда начинался путь от Идели к Ширу. Потом, все же, жители саксинского Суvara сжалились над ним, и он перевел свой Двор в этот город...

Обиженный Башкормом хан опасался покушений со стороны оймеков и поэтому вызвал к себе из Гурджи служившего там своего брата Атрака. Атрак, однако, промаялся на службе Державе недолго и бежал под крыло Башкорта.

В это безрадостное время только Арбат сохранял спокойствие, ибо руководствовался словами, сказанными сеидом Бакиром булярским мятежникам и смутившими их: «Поручите свою жизнь и судьбу Аллаху!» [...]

Решив застроить югарыкерманский пустырь, он заготовил камни и попросил сына Кучак-Качкына Аслана возвести несколько красивых зданий. Аслан со своими учениками возвел чудно украшенный каменными барсами, львами и другими изображениями дворец бека и большие ворота Улугбекского Двора, однако нападение Отыка прекратило стройку. Завидуя учельцам, балынский бий за огромные деньги нанял Аслана и его помощников, и они возвели ему точно такие же сооружения. А часть камней, ставших ненужными, вывезли в Балын и построили из них несколько церквей...

Отяк, истомленный неудобствами дикой степной жизни, покинул тестя и перебрался в Банту, где в 1159 году жена родила ему сына

Габдуллу... Он был маленьким подобием деда-хана, и Башкорт в нем души не чаял и часто наезжал в Башту к зятю с целью повидать внука. Урусы не только не препятствовали этому, но даже радовались, так как в это время бывал мир между ними и кыпчаками Саклана, которых возглавил Башкорт.

Пожив некоторое время в Башту, Отяк перебрался в Балык к Хаң-Тюряю, обещавшему помочь ему занять отцовский трон...

Между тем Анбал делал все, чтобы потерять трон. Бесчинства казанчиев и чиновников, затронувшие всех, кроме них самих, вызвали всеобщую ненависть к кану... Ак-чирмыши Кукджака и субаши Арсу объединились с арами и стали давать отпор насильникам. Одновременно бывшие курсыбаевцы Кермека, а теперь субаши, прикончили сборщиков налогов. Билемчеи пытались бесчинствовать в кермекских аулах так же, как и в аулах прочих провинций, но не привыкшие к этому суровые бахадиры положили их на месте. Байчура тут же заявил, что будет стоять заодно с Курнаем, и струхнувший кан решил одолеть его коварством. Но вначале послал сына Сарычина на Мартюбу. Хорошо зная обстановку, Арбат пригласил тархана к себе и предложил ему объезжать аулы субашей и ак-чирмышей. Ас-тархан так и поступил, отыгравшись на кара-чирмышах. Одних пленных аров он распродал казанчиям, а других привязал к быкам и, хлеща их бичами, погнал в Буляр...

После этого кан повсватался к дочери Байчуры Самар-би и пригласил его на свадьбу. Несчастный тархан не мог отказаться от приезда на свадьбу собственной дочери и прибыл в Буляр. Прямо при въезде в столицу он был изрублен на куски казанчиями. Самар, узнав об этом, бежала в Банджу и была там провозглашена улугби-кой...

Окончательно власть Анбала была подорвана смертью Кул-Дауда. Двор беспокойного сеида в Татяке с началом волнений по приказу кана окружили казанчии, не позволявшие обличениям мурлы вырываться из Сакланского балика. Тогда Кул-Дауд отказался принимать пищу до тех пор, пока злоупотребления не прекратятся, и умер от голода. Случилось это в 1163 году. На его надгробном камне по его завещанию написали: «На суде Всевышнего будут судимы мой отец и мать и я, умерший за веру».

А во время царствования Хисама постепенно прекратилось каменное строительство, и в каменоломнях скопилось большое количество плит. Кул-Дауд велел «Эль-Хуму» закупить их и ставить на могилах правоверных мусульман с соответствующими надписями, дабы Всевышний мог отличить верных от неверных...

Едва весть о смерти сеида донеслась до Буляра, как народ вышел на улицы и был с необычайной жестокостью разогнан...

В это время в Державу по Кара-Идели вторглись Отяк и Хан-Тюряя с ордой балынцев, канцев и кисанцев. Вначале они осадили Учель. Ночью Арбат, обожавший игру в шатрандж, увидел во сне свой проигрыш Отыку. Приняв это за плохое предзнаменование, улугбек утром сдал город брату. Отяк хотел пощадить Учель, но зловредный Балынец, угрожая разрывом их союза, настоял на сожжении укреплений Югары Кермана и Калгана на Богылгау. Жители были переселены в балик Акбикюль, окруженный лишь частоколом и поэтому не могущий быть крепостью.

С Арбатом и его семьей была пленена и дочь Хисама Байгюль-би. Когда жена Анбала сакланка Услан-би, не выдержав распутства мужа, уехала на Горную сторону, дочь также, по той же причине, уехала к Арбату. Услан-би умерла в ауле Мар-Кавэс, и горы вдоль правого берега Кара-Идели получили ее имя — Услангау. А ее могила стала местом паломничества, ибо многие люди думали, что она была святой...

Затем союзники высадились у Болгара и здесь встретились с посланным против них Асом. Тархан, вызванный было для похода на Беллак, был, к его радости, развернут в другую сторону и бросил на урусов не свою, а наемную конницу сына Атрака Хонджака. Тот был разбит, и сын Сарычина, как будто ожидавший этого, тут же победил со своими и уцелевшим Хонджаком в Буляр.

Едва тархан появился перед столицей на взмыленном коне и со словами о поражении, как суварбашцы тут же призвали ополчение к оружию и повязали кана. Никто в стране не подумал и не решился вступить за Анбала, а его любимцы и уцелевшие от народного гнева билемчеи предпочли тихо отъехать в Нур-Сувар и Болгар.

Отец вспоминал, что сын Хисама Селим Чалмати — улугбек Болгара — послал Отыку тайное послание. В нем он обещал Джанги не сдавать город урусам и открыть ворота только ему. Сам же Отяк, узнав о свержении Анбала, ринулся в Буляр и немедленно был поднят на трон присоединившимся к нему у Нукрата Курнаем, а также сыном Сарычина Асом, головой суварчиев Умаром и тарханом Тубджака ханом Тургенем.

Хан-Тюряя, решив, что Отяк покинул его, в крайнем озлоблении разграбил неукрепленные Ака-Басарский, Хорезмийский и Ибрагимовский балики Болгара и пошел на штурм цитадели и Барынджарского балика. Чалмати и барынджарцы, однако, без труда отбили приступ балынцев, ибо урусы не могли брать болгарские города ввиду плохого вооружения и отсутствия каких-либо приспособлений. Только когда Отяк вновь явился к Болгару, Хан-Тюряя успокоился и

VV
охотно согласился уйти с ополовиненным войском после выдачи ему Анбала, его дочери Байгюль, Арбата и его сына Азана. Впрочем, поговаривали, что они были выданы самим Отяком, желавшим избавиться от соперников. Об этом говорит то, что особенно досадивший Балыңцу Чалмати преспокойно остался в Державе, а все пленные были хорошо устроены. Хисам стал первым балыңским уланом или бояром, а Арбат — воеводой Мосхи. Против воли Байгюль, по благословению Анбала, Хан-Тюряй взял ее в жены. Бика, горячо любившая родной край, не простила Балыңцу разгрома Учеля, болгарских баликов и ее любимой усадьбы, где она родилась. Таким же был и Чалмати, который в ответ на требование выдать пленных урусов передал Балыңцу их обезглавленные тела с одним болгарским сапогом на каждом. У урусов только беки и бояры были в сапогах, и все сразу поняли, что эмир напомнил этим Балыңцу о его позоре под Кисаном.

Новый кан тут же отменил повышение налогов и закрепил положение сторон в Мартюбе. Это сразу же успокоило народ. Мица казанчиам, окружившим трон Анбала, кан велел им во главе с уланом Сараном переселиться в пустынные части марданского округа Мухши и построить город Мухшу и Саран. Беллак получил за это дань с Мухши, втрое превышавшую прежнюю с буртасских аров и сербийцев. По соседству, на Шире, находились владения куманского хана, сына Боняка Чишмы, служившего на Барадж-Чишме при Шамгуне и отъехавшего на Шир после смерти кана. Он считался храбрым воином, и между ним и марданцами существовал уважительный неписанный уговор о ненападении на владения друг друга. Хонджак, стяжавший себе сомнительную славу самого отъявленного разбойника в Саклане, был им разбит и с тех пор обещал верховья Ширы стороной...

Союз кана с Балыңцем продолжался недолго. Всевластие Хан-Тюряй вывело из себя и бояров, и сына Рыштаулы — кисанского бека Халиба. Чтобы свалить Балыңца, Халиб решил столкнуть его с Державой и собственным сыном. Он уговорил честолюбивого сына Хан-Тюряй Мышдаулы совершить победоносное нападение на Державу и получить тем самым основание для занятия трона. Поводом для нападения послужил приказ Отыка о восстановлении укрепления Учеля. «Пойдем зимой, — сказал Халиб Мышдаулы. — Кан ушел в Кызыл, и мы легко возьмем богатую добычу у болгар, не ожидающих нападения в эту пору».

Кан действительно пошел на Кызыл — столицу провинции Байсу — через Учель, ибо тамошний тархан Мер-Чура возмущался удвоением дани. Мер-Чуру тайно вдохновлял его отец — урский тархан сэбзэрец Алей-бат, который ожидал того же. Брат Алей-бата

Акбалык был тарханом провинции Байгул и также исподтишка поддерживал мятеж. Выступать открыто братьям мешал страх перед тарханом Тамты Инсаном и Тургенем.

Мышдаулы с Халибом въехали в пределы Державы и разгромили большой мишарский аул Алтыш на реке Чуыл, после чего проследовали к Дэбэру. Дэбэрские субаши, злые на казанчиев, даже ухом не повели и с нескрываемой радостью наблюдали со стен за пожарами в уланских поместьях.

Халиб остался у Дэбэра — будто бы решив взять его, а Мышдаулы отправился к Учелю, укрепления которого не были закончены даже наполовину. Беззащитные акбикюльцы заблаговременно бежали в лес, так что бек ничем не поживился. В крайнем раздражении он вернулся к Дэбэру и обнаружил, что Халиб уже убежал, а к городу приближается злое на урусов болгарское ополчение Чалмати с двумя тысячами казанчиев.

Казанчии захватили балыңский обоз и отстали, предоставив ополченцам преследование раненного в шею копьем Мышдаулы. Но горожане были неважными всадниками, и Мышдаулы ускользнул. Впрочем, рана его не зажила, стала нарываться, и в конце концов бек от нее умер.

После этого Хан-Тюряй, чтобы очиститься от обвинений в дружбе с каном, объявил о подготовке нового набега на Державу. Это переполнило чашу недовольства беком. Анбал, поощряемый Халибом, уговорил бояров посадить на трон сына Хан-Тюряй и Байгюль-би Джурги, которого наши звали Лачын Хисами. К заговору всей душой примкнула Байгюль, впустившая ночью заговорщиков в спальню мужа. Она заранее спрятала меч ненавистного мужа, и тот, оказавшись безоружным при нападении, был убит топором Анбала.

Кана эти события застали врасплох. Вернувшись из Кызыла с Мер-Чурой и тысячей его биев, захваченных в плен Курнаем, Отык столкнулся с набегами Чишмы. Говорят, что озлобленные мухшииские казанчии натравливали Чишму на Державу и пропускали того через свой округ в Мартюбу.

Первый такой набег куманы устроили во время набега Мышдаулы и отвлекли на себя марданцев и мишарских ак-чирмышей. А среди мишарских болгар всегда селилось много куманов, поэтому они более, нежели болгары других областей, были похожи на них... Защитить всю границу они были не в состоянии, и поэтому кан перебросил в Мухшу курсыбай. Боеспособность корпуса, однако, сильно упала вследствие недостаточности жалованья для приобретения вздорожавшего вооружения, и Курнай явно проигрывал более многочисленным куманам. Хонджак тайком помогал Чишме в надежде на его ослабление.

В один из набегов куманы прорвались к Дэбэру. Отяк пришел в сильнейшую ярость, ибо большая часть округа была уже казенной и канской, и распустил курсыбай. На высвободившиеся средства он сколотил новый корпус из ярчаллыньских тиньтяусцев Инсана и послал его в Мухшу. Любимая младшая жена кана — дочь кисанского бека Халиба Биш-Ульби — в это же время уговорила мужа перенести сюда и столицу Державы, чтобы быть поближе к отцу. Когда Отяк прибыл в Мухшу, пришла весть о гибели Хан-Тюряя. Кан немедленно послал Инсана в Балын, и тот осадил и сжег город Кул-Асма. Бек города Микаиль выскочил из него в нижнем белье и попал в плен, но был отпущен по приказу Отяка, так как новый бек Балына Сыб-Булат обещал за его освобождение возобновить выплату отмененной Хан-Тюряем джирской дани.

Пока успокоившийся кан был занят Мухшей, Сыб-Булат захватил мятежников и жестоко покарал их. Анбал был утоплен в ящике, в который его заколотили живьем, а Байгюль привязали к перекладине ворот и расстреляли из луков.

Лачын же бежал в Кисан, что вызвало столкновение Балына с Халибом. Отяк поддержал Халиба, ибо Сыб-Булат не прислал обещанной дани, и тот двинулся на Мосху вместе с Инсаном. Тархан, люди которого устали от войны, а мастера были отозваны в Мухшу, бился без всякого желания, и Арбат, выйдя из города, разбил и пленил Халиба. Сын Халиба Урман, друживший с Балыном из страха перед Державой, тут же занял Кисан и склонил Чишму к нападению на Мухшу...

К несчастью, вспыльчивый и легкомысленный кан поссорился с Инсаном. Биш-Ульби назвала тархана виновником пленения отца, и кан в гневе ударил того плетью. Тиньтяусцы, самый последний из которых никогда не уступал дороги даже уланам, возмутились и самовольно ушли к Дэбэру. В этот момент напали куманы. Было это в 1178 году.

Оставив 50 джур защищать город, кан стал отступать. Воспользовавшись неразберихой, Биш-Ульби бежала в Кисан с двумя своими сыновьями от кана — Халибом и Алтынбеком Джелалетдином. Кан, подойдя к реке Дэбэр, которую потом стали называть Зюей, решил передохнуть. На рассвете к лагерю вышел Инсан. Он был озлоблен тем, что болгарские казанчи не пропускali его домой, подозревая в переходе на сторону Чишмы. Один из джур кана, увидев тиньтяусцев, принял их спросонок за куманов и поднял тревогу. Инсан же принял лагерь кана за стоянку казанчиев и немедленно атаковал его. Были убиты 49 из 50 джур кана. Сам Отяк выскочил из шатра и бросился на коне к Дэбэру. Но в реке кан внезапно упал со скакуна и утонул. Только один из джур,

посланный ранее каном в Болгар к сидевшему там Габдулле, доскакал до места.

Чельбир немедленно поскакал к Дэбэру с 400 ополченцев. У города он застал потасовку Инсана с казанчиями и едва развел дерущихся. Установить истинных виновников гибели кана ему не удалось, ибо тархан сказал, что отступал с каном и перед Дэбэром заплутал в лесу. На месте канского лагеря, которое стали называть Отяковым полем, было обнаружено куманское оружие тиньтяусцев. Инсан поспешил заявить, что это свидетельствует о виновности куманов, и Габдулла не мог не признать его правоту. Только перед смертью тархан рассказал правду моему отцу, дабы облегчить душу и твердо веря в его порядочность.

На счастье Инсана один из отрядов Чишмы появился в это время перед Дэбэром, и Чельбир со всей яростью набросился на него. Три тысячи кыпчаков были изрублены, а головы их сложены в кучу. Особенно усердствовал Инсан, опасавшийся сомнений Габдуллы в его верности.

Чельбир все же не простил тархану гибели отца и велел ему остаться на вечное жительство в Дэбэрском округе. Но Инсан радовался уже тому, что избежал худшего...

[Глава 20.] Булгар под властью Габдуллы Чельбира

Габдулла, поднятый на трон Джалмати, Курнаем, улугбеком Мартюбы Даиром и сыном Ас-тархана, видел в Чишме убийцу отца и вскоре обрушился силами 4 тысяч болгарских и суварских казанчиев на Шир. Но гоняться за легкими куманами по степи тяжело вооруженным уланам было тяжело, и они года через два умолили кана избавить их от внешних войн за выкуп. На эти средства Габдулла восстановил курсыбай и поручил его сыну Курная беку Гузе. Курсыбаевцы разорили станы куманов на Шире и доставили кану голову Чишмы. Чельбир велел бросить ее в яму рядом с могилой отца. Гуза не отстал от кана по суровости и также насыпал холм из голов куманов на месте разоренной ими Мухши...

В 1181 году, однако, взгляд неистового кана на время оторвался от Саклана. В этот год обнаглевшие галиджийцы, притворившись балынскими рыбаками, проследовали мимо беспомощного Учеля и спящего Болгара в Нукрат-Идель и разграбили замок кана Ибрагима «Аламир-Султан». От замка уцелела лишь башня Алабуга. Сын Акбалыка — Масгут, поставленный тарханом Тамты, погнался за разбойниками и уничтожил их всех у города отца Каргатун на Чулмане. Но душа кана была обожжена и горела ненавистью к балынцам, пропустившим разбойников в пределы Державы.

Зимой следующего года Гуза выжег окрестности Кана и Кул-

Асмы, еще через год — Раджиль. Перепуганный Сыб-Булат уговорил всех уруссских беков помочь ему и летом вторгся в Державу.

Двоюродные братья Урмана Бат-Аслап и Халик, а также бек Кана Рыштаулы нанесли отвлекающий удар по Дэбэру и заставили Габдуллу бросить на помощь городу Гузу и сына Ас-тархана Торекула. Сюда же поспешил Хонджак, отдавший свою пятилетнюю дочь Саулию за десятилетнего брата кана Мир-Гази. Сблизиться с Державой Хонджак заставили урусы, стеснившие его в степях после разгрома Башкорта... Дочь Башкорта — мать Габдуллы Кунгур, выкупила отца у баштуйского бека, но хан остался доживать в Саклане...

Пока Гуза в одиночку бился у Дэбэра, хитрый Сыб-Булат с 45 тысячами пеших воинов прокрался по Кара-Идели и Агидели к устью Дяу-Шира и высадился западнее Тухчи. С ним были бек Караджара Булымер, бек Бурисалы Киизяслап, бек Шамлына Мышдаулы. Урман и еще четыре ульчийских бека. Сыб-Булат вез с собой и бека Азана, моего отца, желая посадить его на канский трон. Но, памятуя бегство Отыка от Хан-Тюря под Болгаром, Сыб-Булат велел отцу остаться на месте высадки под охраной 5 тысяч воинов. С остальными он после неудачной попытки взять Тухчи двинулся к Буляру...

Кана не было в столице, ибо он был изгнан из нее мятежом Мамли-Омара или Мамиля. Мамиль был старшим сыном Хызыр-Худжи и после смерти Кул-Дауда был поставлен сеидом столицы. Однако Чельбир не ужился с ним и в 1179 году поставил сеидом сына Кул-Дауда Мирхуджу. Мирхуджа, неистово преданный делу распространения ислама, всю жизнь проповедовал по отдаленным уголкам Державы, пока, наконец, не осел в устье Тамты или Джалмат-Зая.

А джалматцы или тиньтяусцы были одной из могучих ветвей народа сабанов. Часть джалматцев отделилась от остальных сородичей и вместе с племенами харька и канглы образовала баджанакский народ, так что тиньтяуские булгары смотрели на баджанакских булгар Мардана как на своих и постоянно поддерживали с ними родство.

Тиньтяуских джалматцев называли еще биш-калпаками, что значило «пять мужей», ибо у них шапка была признаком мужчины. Якуб писал, что однажды хазарские тюркмены перебили их племя, и из него осталось только пять мужей. Они пришли на Джалмат-Зай и возобновили здесь свой народ. А по именам мужей назывались и их главные роды: Ардим, Дим, Гузи, Мин или Мун и Табын. А из других сабанских племен Якуб упоминает джулутцев с двумя главными родами барынжарцев и арбугинцев...

А хотя тиньтяусцев обратил в ислам еще Михаил, среди них

были еще сильны языческие заблуждения. Так, на сабантуе у здешних булгар женщины выходили бороться с мужчинами. Мирхуджа пытался запрещать это, и однажды толпа тиньтяусцев едва не растерзала его за то, что он помешал схватке одного парня с дочерью бия табынцев Юмарт-Табына. Бий едва спас муллу, и, волею Аллаха, эта же девушка стала его женой и в 1172 году родила ему сына Мохаммед-Гали. Во время переселения семьи в Буляр она простудилась и вскоре умерла... Нового сеида булярцы прозвали Наккар — за его звучные и красивые призывы к молитве... Мамиль ушел в Татяк и возглавил «Эль-Хум».

Положение народа стало к тому времени совсем печальным. Субаши, мелкие хозяева, ак-чирмыши и кара-чирмыши были изнурены дополнительными налогами и повинностями, введенными каном в связи с прекращением поступления джирской дани и строительством укреплений на Барадж-Чишме, Дэбэре и в других местах, а также ввиду необходимости возмещать затраты на непрерывные войны. Неблагополучие усилил неурожай, вызвавший сильнейший голод. В самом братстве верх взяла воинственная группа под названием «Амин», знаменным символом которой стал алп Симбир-Карга. Она выступала против чрезмерных налогов и повинностей и за неизменность их размеров, за уничтожение вотчин, за перевод уланов в разряд ак-чирмышей и курсыбаевцев, а курмышей и кара-чирмышей — в разряд ак-чирмышей и субашей при условии принятия ими ислама.

Рассадником идей аминовцев, которых стали называть «грачами», стал дом наук «Мохаммед-Бакирия». Здесь под их влияние попали два шакирда — Мохаммед-Гали и эмир Мир-Гази. А они были сверстниками и сдружились там. Ах, как я в свое время мечтал учиться в университете, но отец запретил это со словами: «Если ты побываешь в стенах этого заведения, то никогда не сможешь стать хорошим правителем».

Аминовцы хотели осуществить свои планы путем свержения кана и поднятия на трон их единомышленника. Таковым, на их взгляд, был Чалмати. Заговорщикам благоприятствовало и то, что курсыбаевцы выражали недовольство низким жалованьем и тем, что и его они иногда недополучали.

Встревоженный кан зимой объявил сбор байтубинского ак-чирмышского ополчения. Но когда воины собрались у столицы, Мамиль призвал их к мятежу. Один из ополченцев тут же поднял переданный ему муллой золотой флаг с изображением грача. Это послужило сигналом к началу мятежа...

Бунтовщики толпами бросились к зиндану «Шайтан Бугаз» и освободили с 300 еще живых колынцев. После этого нищие стали

грабить и поджигать дома билемчеев и знатных людей. Кан, узнав об этом, бежал из Буляра в Болгар. Рассказывают, что когда Чельбир проезжал мимо вышедшего на улицу сеида, то спросил у него: «Разве ты не покинешь город вместе со мной?» Наккар на это ответил: «Цари могут бежать и возвращаться, но улемы всегда должны быть с народом»...

Мятежники овладели столицей и тут же в здании Сувар Йорты подняли на царствование Чалмати и образовали 10-тысячное ополчение. Везиром стал Мамиль, а Мирхуджа остался сеидом, ибо был любим народом за честность и справедливость...

Кан вызвал Тургеня, но осада столицы тубджакцами в присутствии Чельбира ничего не дала. Мер-Чура во время одного из приступов пронзил тархана железной стрелой, и оймеки оробели. Кан, оставив сына погибшего хана — Мергена — у города, вернулся в Болгар и вызвал Гузу, сына Ас-тархана, Хонджака и Самар-би. Самар-би явиться отказалась. Гуза прибыл, но прямо заявил Чельбиру, что не будет штурмовать столицу ввиду ненадежности обнищавших курсыбаевцев. Когда Габдулла закричал на него, Гуза гордо заметил, что он — такой же потомок Бат-Бояна, как и кан, и что если Чельбир не удвоит жалование курсыбаевцев, он уйдет в Кермек. Кан одумался, опустил меч и велел объявить о повышении жалования курсыбаевцам. «Теперь ты пойдешь на Буляр?» — спросил сардара Чельбир. — «Только в том случае, если ты не подвергнешь казни ни одного мятежника», — ответил Гуза. Кан пришел в полное неистовство, но при всей отцовской вспыльчивости, идущей от горячего сердца, он был весьма холоден умом, поэтому и на этот раз благоразумно удержался от расправы с бахадиром и с плохо скрываемым раздражением обещал ему быть милостивым.

Но в тот момент, когда курсыбай готов был ринуться к столице, пришла весть о вторжении Сыб-Булата, и Гузу развернули на Дэбэр. Кан не предполагал в ульчийцах, которых он презирал, способности к воинской хитрости, и поэтому, когда Сыб-Булат высадился в устье Дяу-Шира, только застонал от бессильной ярости. Возле Буляра шатался лишь Мерген, назначенный новым тарханом Тубджака, но на него надежды было мало. Хорошо еще, что сын кашанского улугбека Алабуги Ахтям, бывший воеводой Тухчи, оказался достойным потомком своего предка Кермека — отбил приступ Сыб-Булата и этим задержал урусов...

Когда Балынец придвинулся к Буляру, то у оврага Ас-Елга повстречал Мергена и вступил с ним в переговоры от имени Азана. Тархан, не зная кто же будет у власти, пошел на уступку урусам окрестностей столицы, хотя и остался поблизости.

Две недели Балынец осаждал город, но ополченцы держались

стойке. Однажды на рассвете Мамиль поднялся на высокий минарет Сулеймана мечети Барадж призвать правоверных к утренней молитве. Внезапно для себя он увидел, что урусы, измученные долгой и непрерывной осадой, спали крепким сном. Тогда булярцы вместо привычного призыва услышали от муллы призыв к нападению на вражеский лагерь. Чалмати, не мешкая, открыл Красные и Бычьи ворота и атаковал станы врагов. Ему удалось вырубить лагерь шамлынцев и канцев, но Кинзяслап сумел поднять своих и ударить Чалмати в бок тяжелым копьем. Эмир упал и вскоре скончался, а булярцы поспешно отступили за стены. Бросившийся за ними Кинзяслап был также сражен стрелой Мер-Чуры, и урусы были отбиты.

Мерген, воспользовавшись сумятицей, атаковал уцелевшие лагерь ульчийцев и стал отходить к Болгару. Навстречу ему уже двигался Гуза, разбивший кисанцев и поручивший их добивание подоспевшим арбугинцам и саксинцам.

Оба кисанских бека были убиты, а Рыштаулы утонул во время бегства в Дэбэре. Из 15 тысяч урусских всадников избежали гибели только 5 тысяч.

Сыб-Булат, однако, замешкался у столицы, затеяв переговоры с Мамилем. На встречу с Балынецом ездил Мирхуджа с десятилетним сыном Мохаммед-Гали. Мятеж Мамиля опьянил юного Гали и сделал его на время приверженцем насильственных действий при установлении любезного его сердцу царства Добра и Справедливости. Позднее Гали рассказывал отцу, что выезжал в лагерь урусов без всякой охраны. Там он увидел умирающего Кинзяслапа. Бек, увидев мальчика, улыбнулся и велел подарить ему свой меч.

Переговоры закончились обоюдным согласием: мятежники соглашались поднять на трон Азана, а Сыб-Булат — отвести войска от столицы. Начался и обмен пленными, который был прерван громовой вестью о приближении Гузы. Почуввав неладное, Урман с другими кисанскими и канскими беками и боярами бежал к устью Дяу-Шира на захваченных у оймеков лошадях. Гуза, получивший приказ кана взять прежде всего столицу, не желал препятствовать этому бегству и лишь для видимости послал на перехват Хонджака. Кыпчаки, как и рассчитывал Гуза, были смяты Урманом, но Сыб-Булат с остальными урусами, едва переправившись через Черемшан, к великой досаде сардара не последовал за кисанцем. Растерявшись, он велел окружить себя дощатыми щитами и возами, на месте между речкой Куй-Елга и оврагом Ас-Елга. Но долго пребывать в этом укреплении большому количеству воинов было невозможно, поэтому Сыб-Булат своим приказал пробить себе дорогу.

Урусы, отчаянные в попытках спасти себе жизнь при наличии

хоть малейшей надежды на это, огромной пешей толпой двинулись вперед. Тут подъехала тысяча казанчиев, возглавляемая улугбеком Болгара Лачыном Хисами. Приняв нежелание сардара закрывать путь ульчийцам за робость, они стали громко потешаться над ним. Сардар, не стерпев этого, развернул войско для битвы так, что оно перекрыло путь к Агидели. Впереди оказались кыпчаки Мергена и Хонджака, за ними — бахадиры Гузы, а за ними — казанчин. Началась невиданная по ожесточенности битва, продолжавшаяся три дня. В первый день сражались преимущественно куманы, а курсыбаевцы лишь изредка поправляли их положение. Во второй день подуставшие кыпчаки сражались вяло, и курсыбаевцам пришлось использовать всю свою мощь для отражения прорывов врага. В третий день, наряду с пехотинцами, в дело вступила немногочисленная конница урусов, возглавляемая Булымером и Сыб-Булатом. Булымер прорубил себе дорогу сквозь кольцо бахади-ров и уже прорывался через ряды казанчиев, потерявших 500 человек, но увидел, что Сыб-Булат завяз в схватке с курсыбаевцами и бросился к нему на помощь. Наши тут же сомкнули ряды и вновь загнали урусов в их лагерь. В этом бою самоотверженный Булымер был сброшен с лошади и лишился руки, которой, потеряв щит, прикрывался от удара и которую бахадиры тут же воткнули на конец захваченного урусского знамени. Каубуйский бек Елаур, бывший кошчы (сокольников) отца Булымера, сумел посадить его на свою лошадь и спасти от гибели, но сам он попал в плен. После этого ульчийцы, потерявшие 20 тысяч человек, больше не делали попыток прорваться и сели в осаду.

Между тем схватка произошла в устье Дяу-Шира, куда устремились по суше тиньтяусцы сына Акбалыка Масгута, а по воде — корабли канского флота под водительством Ширдана. И здесь урусы отгородили себя и свои корабли с суши щитами и возами. Тиньтяусцам, однако, удалось в одном месте прорвать укрепление, но тут подоспели кисанцы Урмана и отогнали их. Менее многочисленные ширданские салчин смогли потопить несколько урусских кораблей и отступили лишь после того, как достигли главной цели атаки — отбили бека Азана. Так передавал Ширдан, однако отец говорил мне, что наши были отбиты, и он сам бросился за ними и достиг их, находясь уже по пояс в воде. Урман потребовал от воеводы Сыб-Булата Алаши немедленного отплытия, но Алаша отказал, заявив, что ему лучше погибнуть здесь, чем вернуться домой без своего бека...

С наступлением ночи урусы в своем лагере стали молиться перед неминуемой смертью. Однако бек Елаур, попавший в плен к Джурги, сумел склонить Лачына к помощи попавшимся в западню бекам. «Ты хочешь, я знаю, стать беком Дима-Тархана, — сказал он

ему. — Тогда возьми и спаси сильнейших урусских беков — и они помогут тебе достичь этого».

Елаур был отпущен и пробрался к бекам с болгарскими доспехами и сотней лошадей. Беки и их ближние бояры, не мешкая, переоделись и тайком от остальных своих воинов бежали к лагерю Алаши. У самого берега они наткнулись на тиньтяуский разъезд и едва ушли. При этом Елаур вновь отдал Булымеру, потерявшему скакуна, своего коня, а сам вторично попал в плен...

Сыб-Булат, добравшись до кораблей, немедленно отплыл с 5 тысячами уцелевших урусов. У города Кумана он подобрал несколько своих, отбившихся от кисанской конницы после ее разгрома. При этом учельцы на лодках атаковали урусов и захватили несколько кораблей.

Бекам помогло то, что перед их побегом Гуза, по приказу кана, уступил свои позиции Хонджаку и поспешил к Буляру. Куманы и оймеки же, утомленные боями, заснули и упустили беков. Потом Хонджак перед каном сваливал вину на стоявшего рядом Мергена, а тот — на хана.

Гуза же, подъехав под утро к столице, предложил мятежникам сдаться с условием сохранения жизни. Измученные долгой осадой бунтовщики открыли ему ворота. Когда открылось бегство беков, Гуза с Хонджаком бросились вдогонку, но расстреляли у Чуыла лишь урусов отставшего от Сыб-Булата корабля. Хонджак хотел прикончить и Елаура, но Гуза не дал и представил его кану. Чельбир, на рассвете въехавший в Буляр, был в прекрасном настроении и простил бека каубуйцев.

Самар-би пригласила Елаура к себе и, выйдя за него замуж, передала ему, с разрешения марданских биев — аксакалов, пост улугбека Беллака...

С каном приехали осадные мастера, которые с наступлением дня обстреляли лагерь балынцев шереджирами — сосудами с горючей смесью. Когда несколько десятков урусов, облитые смесью, стали гореть заживо, тысячи других осажденных в ужасе выбежали вон. Оймеки начали было их со смехом расстреливать, но Лачын упрямил Чельбира прекратить убийство. Живыми было взято 7 тысяч урусов. На Русь воротилось лишь 10 тысяч ульчийцев из 60 тысяч...

По требованию Гузы, поклявшегося при Коране, что спасет сдавшимся мятежникам жизнь, кан вынужден был отвести от их голов свой меч. Мамиля сослала в цепях с ближайшими сообщниками в Каргатун, Наккара — в цепях же — в Болгар, где он стал муэдзином мечети Хасана. Скорее, поднимаясь в тяжких кандалах на минарет, он упал и умер.

Мер-Чура со своими биями принял ислам, стал называться

Юсуф-Алеем и был возвращен на место. Милость кана заставила его еще более ревностно бороться с разбоями в провинции. Он истребил два галиджийских отряда и совершил набег на реку Тун, где сжег несколько крепостей. Чельбир пожаловал ему печать с таким изображением лука и стрелы Ψ, в память о его метком выстреле в Кинзяслана. А на печатах других провинций были такие изображения:

на печати нового Болгара — Барса

на печати старого Буляра — Бараджа

на печати нового Буляра — ...

на печати Мардан-Беллака — ...

на печати Суvara — ...

на печати Саксина — ...

на печати Тамты — Беркута

на печати Тубджака — ...

на печати Ура — Сова

на печати Байгула — Большой Рыбы

на печати Мартюбы — ...

на печати Кашана — ...

А на печати рода Дуло было изображение Топора и Лука, то есть Балтавар Ψ.

на печати «Эль-Хум»а — ...

Кроме этого у биев, беков и эмиров были и свои тамги...

Чельбир не забыл также и услуг Болгара — по его указу городу было возвращено его название, которое, впрочем, не упоминалось только в канских грамотах. Буляр вновь стал называться своим именем, однако многие булярцы успели привыкнуть ко второму названию столицы и продолжали называть себя болгарцами, а столицу — Болгаром. Тамте кан дал в 1193 году новое название Башкорт — в честь своего любимого деда, что было невиданной милостью — за героизм тамтайцев в войнах с Сыб-Булатом и гали-

джийцами. Тамтайские булгары, хранившие разделение на множество родов, восприняли новое название, ибо «тамта» было именем лишь части тамонских булгарских родов, и другие были недовольны им.

Вскоре избежавший гибели Сыб-Булат поспешил повиниться перед каном, открыл пути, возобновил выплату джирской дани и обязался не строить укреплений на булгарской границе. Габдулла был очень доволен покорностью бека и отпустил его посла с тысячей пленных урусов, доставшихся при дележе Чельбиру. Он также пообещал Балыңу, что в годы оказания им военных услуг Державе джирская дань взиматься не будет. Балыңским рыбакам было разрешено вести лов рыбы в Идели при условии передачи ими пятой части засоленной рыбы в казну.

Кан ожидал таких же извинений и от бека Башту, сын которого — Булымер участвовал в набеге Сыб-Булата. Однако этих извинений не последовало, и Габдулла в гневе велел тархану Торекулу наказать наглеца. Тархан вместе с канским мастером Насыром Ширвани и его шереджирами двинулся зимой в ставку союзного Хонджака и вместе с ханом атаковал рубежи Башту. Однако в решающей битве Хонджак внезапно побежал, и тархан, не желавший добывать победу в пользу куманов без них самих, последовал за ним. Насыр хотел остаться, чтобы сжечь сосуды, но тархан, опасавшийся вернуться без него, силой умчал мастера прочь. Оставшийся на месте ученик Насыра Буляк успел сжечь сосуды, но попал в плен. Отец смог через Сыб-Булата выкупить его, и с той поры он всегда следовал за ним. От него я научился строить и применять осадные орудия. Буляк также провел канал с руслом из бревен в Жиланском болоте для соединения вод Кабана с Арсу, и тот стали называть его именем. Правда, со временем «Буляк» превратили в «Булак» и стали думать, что искаженное название было изначальным.

На следующий год кан велел наказать Урмана, также не пожелавшего извиниться. На этот раз в поход вышел сын Акбалыка Татра, прозванный так своими енейцами в честь бахадира Тат-Ырана. Но когда Татра прибыл на Шир для соединения с Хонджаком, то получил от того паническое известие о вторжении в Саклан караджарского бека Угыра. Татра немедленно отправился на помощь хану и в решающей битве привлек на свою сторону каубуйцев, составляющих лучшую часть урусского войска. После этого куманы без труда изморили и повязали оставшихся без каубуйской конницы караджарских пехотинцев. Разумеется, что Татра потребовал выдачи ему в качестве добычи пленного Угыра. Хонджак пообещал, но предложил вначале совершить набег на Башту. Татра, с которым

был Насыр — но на этот раз без своих шереджиров, согласился, чтобы унизить неудачливого сына Ас-тархана и уклонившихся от похода марданцев... Пока куманы грабили аулы ульчийцев, наши деловито выбили стену большой крепости Уфа и взяли ее со всеми жителями...

Единственное, что не смог сделать Татра — это привезти Угюра, которому сам хан помог тайком бежать. Как говорили, он сделал это потому, что бек был его зятем и обещал большой выкуп...

Кан был в гневе, что Татра самовольно изменил направление удара, но узнав о победе, смягчился и дал его воинам послабление в повинностях. Несколько захваченных им в Уфе купцов попросили разрешения остаться в Державе, и им было позволено поселиться в Булгаре. Довольный Масгут основал новую ставку на Агидели и назвал ее «Уфа» — в память о победе брата.

На следующий год Габдулла лично вторгся в Кисан вместе с Сыб-Булатом, охотно согласившимся помочь кану. Урман в ужасе бежал в лес, а кан осадил Кисан. Видя, что дело плохо, бояры вывели на стену Халиба и Алтынбека и поклялись, что убьют их в случае болгарского приступа. В душе Чельбира второй раз в жизни после гибели отца шевельнулась жалость к родным, и он, рыкая от бессильной ярости, ушел домой. Впрочем, перепуганный Урман тут же прислал послов с извинениями, подарками и 12 бояров — виновников недружественного отношения к Державе. Кан посадил их на цепь, но затем, отойдя сердцем, позволил перейти на жительство в дома и потихоньку отпустил в обмен на их более молодых родственников...

Кроме того балынский флот помог кану подавить мятеж унджийских аров, вздумавших протестовать против дани и выстроивших совместно с примкнувшими к ним беглыми ульчийцами крепость Кильдыш у большого залива Кара-Идели. Урусы обложили бунтовщиков со стороны Кара-Идели, а мишары аула Лачык-Уба — с суши и скоро покончили с мятежом, развеяв прах Кильдыша по ветру...

Занятия этими делами не отвлекли кана от устройства судьбы Лачына. Через джалдайских и ассских родственников своей жены он добился назначения Хисами беком Дима-Тархана, а когда вскоре представился случай — эмиром Гурджи. Возводить Лачына на гурджийский трон ездил Елаур...

По просьбе эмира кан позволил устроить в Бандже, Болгаре, Буляре и Саксине несколько десятков семей гурджийских купцов и мастеров, преимущественно армяков, которые не были удовлетворены своим положением на родине...

К отцу моему Чельбир также отнесся милостиво и после отъезда Лачына поставил его улугбеком Болгара. Но потом, увидев, что

Азан был пезаурядным управителем, перевел его в бедствующий Учель.

Находясь на вершине своего могущества, Чельбир не обращал должного внимания на положение народа. Между тем, оставленное им в силе удвоение налога с хозяев, субашей, язычников — карачирмышей, а также с ак-чирмышей, плативших его при отсутствии для них воинской службы, было тяжким бременем для людей. Их недовольство подтолкнуло аминовцев на новый заговор, который возглавил мулла Гали. Будучи вначале, после окончания медресе, проповедником, Мохаммед-Гали получил большую известность в народе и стал имам-хатибом мечети Хасана в Болгаре. Отсюда он по всей стране раскинул сеть заговора, который назвали «Грачным» — по изображению на знамени аминовцев. Целью братьев-«грачей» было утверждение каном Мир-Гази, разделявшего их взгляды и бывшего, в отличие от Чельбира, мягким и чутким к несправедливости.

Аминовцы хотели поднять бунт в 1193 году. Сигналом к нему должны были стать призывы к утренней молитве. В Болгаре людей должен был поднять голос самого Гали, в столице — его помощника муллы Кылыча. К счастью кана, Кылыч изменил и сообщил о готовящемся мятеже. Спешно призванные — будто для похода — Мерген и казанчии похватали не ожидавших предательства 500 главных участников заговора вместе с Гали. Все 500 были приговорены к жестокой казни.

Между тем 12 тысяч галиджийцев предприняли набег на болгарский Тунай. Тщетно проторчав у Колына, они двинулись к Каргадану и осадили там старика Алай-Бата. Разбойники не заметили, однако, что Юсуф-Алей прокрался за ними и успел известить о набеге отца и Масгута. Алай-Бат не растерялся и предложил галиджийцам выкуп с города... Оголодавшие разбойники охотно согласились принять рыбу, рассчитывая взять город на сытый желудок. Но рыба была отравленной, и, поев ее, 120 вожakov набег тут же издохли. Уцелевшие стали выбирать новых и передрались между собой. Тогда, в разгар этой смуты, Мер-Чура с Масгутом ударили по ним с тыла, а Алай-Бат — из города. Не более ста галиджийцев сумели убежать домой, остальные же были перебиты или пленены. Три тысячи захваченных были поровну поделены между тарханами, после чего Мер-Чура лично отправился со своей частью добычи в столицу на корабле Ширдана. В Буляре тархан узнал о происшедшем и решил вступить за Гали в память о его добром отце. «О, великий кан! — обратился он к Чельбиру. — Я, волею Аллаха, одержал победу над галиджийцами и тысячу из них взял в плен. Возьми 500 из них за жизнь «грачей». Габдулла, ценивший

только воинскую доблесть, несколько смягчился при известии о победе. Но, упорно не желая щадить бунтовщиков, заметил Юсуф-Алею:

— Твои 500 пленных — это моя доля, а я ее за жизни проклятых «грачей» не дам!

— Тогда возьми за них мои 500! — тут же нашелся тархан.

Кан, по своей слабости к людям, усиливавшим мощь Державы, не смог на этот раз отказать. Схваченных аминовцев и пленных вывели на поле перед столицей и кан заявил им:

— Вы все совершили преступления, карающиеся смертью, и я присудил вас к смерти. Но благородный тархан попросил за вас и убедил даровать вам прощение. Согласны ли вы принять мое прощение?

— Да, господин! — вскричали разом галиджийцы.

— А вы? — спросил царь у «грачей».

— Принять твою милость — значит согласиться с тобой и оправдать тебя, а себя признать виновными. Мы не согласны с тобой, считаем себя правыми и поэтому отвергаем твоё прощение, — ответил за всех братьев Гали.

— Я присудил ваш «грачинный» сброд к страшной казни, — в ярости сказал на это Габдулла. — И я не могу нарушить своего собственного указа о казни 500 человек. Поэтому пусть за вас умрут 500 разбойников. Аллах скорее примет раскаявшихся, чем упорствующих.

На глазах у потрясенных братьев чернотопорники хладнокровно казнили злополучных галиджийцев. После этого «грачи» были выставлены для продажи в рабство, а враз поседевшего Гали сослали в башню Алабуга и там приковали цепью к стене...

Тесть муллы — болгарский кунец Даир, а также башкорты Масгута и Елаур выкупили многих несчастных и увезли их к себе. Мир-Гази же был переведен из Болгара в Кашан, а на его место вновь был поднят отец, сохранивший пост улугбека Учеля...

Однако то, что среди «грачей» обнаружилось несколько старост и даже суварбашцев всерьез встревожило кана, и он немедленно снял повышенные налоги с купцов и субашей илей Эчке Булгара. Если бы он этого не сделал, то в этот голодный год народ мог выйти из повиновения и без проповедей братьев.

Галидж, узнав о разгроме его лучших сил, пришел в ужас и немедленно отрядил к кану послов. В ответ на открытие Артанского пути и Галиджа для беспопытной торговли они смиренно попросили кана отпустить пленных за выкуп. Кан, нуждаясь в хороших и верных воинах, обменял тысячу из своих пленных на две тысячи захваченных галиджийцами артанцев и 130 кораблей с медвежьими

и прочими мехами, клыками Аждахи, янтарем, франгской посудой и прочими товарами. А размер выкупной дани и ее состав установил Садык — галиджиец, перешедший на службу Чельбиру с 500 остальных канских пленных. Он рассказывал, что является внуком обиженного галиджийскими боярами купца Чапкына и сыном Васыла, участвовавшего в набеге на Аламир-Султан. Этот Васыл нечаянно отстал от сотоварищей и, чтобы спасти свою жизнь, указал нашим место лагеря разбойников, а затем был отпущен домой и впоследствии помогал Державе донесениями о готовящихся разбоях в обмен на разрешение свободно торговать в Бийсу и Ура. Сам Садык же предупредил о набеге Мер-Чуру и затем вызвал смуту среди галиджийцев.

Когда Садык рассказал кану о том, какую дань и чем можно содрать с галиджийцев, Габдулла не поверил и воскликнул: «Если галиджийцы выплатят мне ее — я сделаю тебя бием!» Послы были подавлены знаниями кана о возможностях их города и выплатили сообщенное Садыком. Отец рассказывал, что когда галиджийцы приставали к острову Тазик у Учеля, где обычно производился досмотр, а позднее — и перегрузка товаров с иноземных судов на наши, то один из бояров пожаловался: «Кан совсем нас раздел, не взяв с нас только тараканов. Но мне кажется, что если бы они ему понадобились — он узнал бы и их количество!»

Садык получил свое — стал бием и поселился на выделенной для него Мер-Чурой земле близ Колына. Крепость ему строить воспретили, и тогда он укрепил для себя один из баликов Колына. Его посад был обнесен только частоколом, под защитой которого безоружные люди Садыка в случае опасности успевали спрятаться в крепости...

Выкупленные из плена артанцы назывались шумбутцами. Они были рослыми и красивыми и славились необычайной выносливостью. Из одежды они постоянно носили только штаны и особенно хорошо стреляли и рубились топором. Кан поселил шумбутцев на реках Чаллы, Дяу-Шире и возле караван-сарая Сарман, возведенного на пути в Тубджак из стен урусского лагеря. Ак-оймеки тогда стали прорываться через Тубджак в Башкорт и пробовали взять караван-сарай. Однако шумбутцы постреляли у них лошадей и, стремительно выскочив из укрепления, разделили топорами, как кур, беспомощных на земле кыпчаков. После этого разбойники стали объезжать Сарман стороной, и здесь поэтому всегда было много любивших спокойствие купцов.

Шумбутцы же любили выезжать на кораблях Ширдана на охрану перевозов на Нукрат-су и Чулмане от набегов галиджийцев, которых люто ненавидели, как и вообще всех ульчийцев. Эти удалые

Казар
✓

джигиты с охотой нанимались в охрану караванов, идущих в Артан, чтобы повидаться с родными. Но всегда возвращались, ибо были благодарны кану за избавление от позорного для них плена и за сытую для них жизнь. Чельбир велел не брать с них никаких налогов, и они неистово бились с врагами Державы под знаменами доброго для них кана...

Они поклонялись Габдулле, как идолу. Однажды отец увидел на реке Шумбут дерево с вырезанным прямо на стволе человеческим лицом. Когда он спросил шумбутца, что это, тот коротко ответил: «Чельбир»...

А неистовый в торговле Садык послал с караваном в Садум своего сына Палуана, и тот, добравшись до Кара-Садума, уговорил тамошнего эмира Тар-Булата возобновить плавание в город Ак-Артан на Бий-су по Чулманскому морю. А во время этой торговли и там, и здесь оставались заложники, сменявшиеся с прибытием новых кораблей. Наши ездили туда за франгской посудой, оружием, серебром и золотом.

А путь этот был очень суров и только отчаянные смельчаки, ставившие голову за баснословную прибыль, пускались по нему... Останавливались садумцы и во дворе Белебея в Хинубе. А Белебей был франгским попом, попавшимся в плен во время набега наших на хана Чишму. Он все время твердил о том, что миру грозят невиданные бедствия с Востока, и слыл за блаженного. Кан, милостивый к таковым людям, разрешил ему его чудачества — строить дома с башней, выходящей прямо из середины крыши. Только в таких домах, по его словам, люди спасутся от грядущего потрясения, ибо кан врагов живет в таком же доме и поэтому не тронет их. Многие простые люди по окраинам поддались его проповедям и стали возводить такие дома в своих аулах. Муллы пытались разрушать их, но в результате темный народ еще более поверил Белебею...

Вскоре пришла печальная весть о свержении эмира Лачына с гурджийского трона его собственной женой Самар-хатын. Она была очень развращенной женщиной. Когда Хисами пытался сдержать ее дурные наклонности, то она уговорила своих беков-любовников свергнуть мужа. Только один бек Аблас, имя которого дал своему сыну Лачын, поддержал эмира и помог ему бежать вначале в Хонджак, а затем в Узню. Там он принял с сыном ислам, причем сохранил свое болгарское прозвище, а сына назвал Бадретдином. Потом они ушли через Ширван к асам, где жили родственники матери Байгюль Услан-би. А Услан-би была из самого знатного сакланского рода, одно имя которого спасало человека от гибели в любом месте Сакланских гор. Не выдержав...

...стало местом паломничества сакланов, которых немало проживало в Саксине, Бандже, Болгаре и Буляре.

Сакланы предлагали эмиру остаться у них, но беспокойная жизнь в горах не нравилась ему, и он вернулся в Державу. Болгарцы, почитавшие его мать, приглашали его к себе, но Лачын попросил у кана небольшой город и получил его на Барадж-Чишме. Он назвал его Табыл-Катау — так, как называлась покинутая им столица Гурджи. Его сын бек Бадри — также по его личной просьбе — получил Хин и прозвался Аблас-Хином. Любивший опасность, он обеспечивал проведение караванов из Саклана в Саксин и Мардан-Беллак. Окружали его асы, альманцы, румцы, гурджийцы, беглые ульчийцы и кыпчаки — такие же отчаянные смельчаки, как и он сам. Когда лишенный чувства страха Габдулла однажды посетил Хин для встречи своей жены, возвращавшейся из поездки к родным в Джалду, то заметил беку при прощании: «Я покидаю твой город с двумя чувствами: с чувством радости от того, что меня не зарезали в нем и одновременно с чувством спокойствия за его безопасность». Лачын и его сын отличались богатырской силой, и эмир не упускал случая выхода на сабантуйский майдан. Выигранное право на невесту он дарил беднякам, не имеющим возможность завоевать сердца родителей богатством. Он описал способы болгарской борьбы в своей книге «Назидание молодцам на майдане». Когда отец заметил однажды, что юношеству было бы полезнее почитать его воспоминания, эмир сказал: «Истории эмиров не дают уму ничего, кроме развращающих идей. Описание о завоевании тысячи тронов не стоит описания одной честной победы на сабантуе. Борьба на майдане — единственно достойная из всех для настоящих мужчин».

Он женился на моей сестре, которая своей красотой, скромностью и деловитостью помогла ему забыть о пережитом позоре. После его свержения в Гурдже наступило то же, что было у нас при Анбале. Беки, как голодные волки, бросились на народ и тех немногих из своей среды, которые призывали к чести и правдивости. Аблас был зарезан на пиру у своего родственника — негодая, позарившегося на его владения. Его сын Нуршада побратался с Елауrom, после чего Нуршада взял имя деда Елаура Рыштаулы, а Елаур — имя Нуршады. Восстановив Мухшу, воевода дал городу имя бека-побратима. Нуршада также принужден был бежать в Хонджак, а оттуда — к узийцам. Когда Елаур пригласил его к себе, Нуршада ответил: «Знаю, у тебя будет сытно и безопасно, но зато далеко от родины. Пусть я сейчас среди чужих тюркмен — зато близко от своей земли». А султан тюркмен предлагал ему при его помощи стать эмиром Гурджи, но бек отказался...

В 1203 году пожар арского бунта охватил Кашан и Мартюбу... Толпа, предводительствуемая боярами, ворвалась в Алабугу и разо-

рвала написанную Гали книгу о Юсуфе. Самого муллу кахины объявили главным бояром своих врагов, оторвали от цепи и стали избивать до смерти. Отряд шумбутцев, посланный Мир-Гази, с огромным трудом вырвал муллу из рук многотысячной толпы. Улугбек тут же попросил кана простить Гали во имя его страданий — ради Державы и веры — и утвердить друга на посту кашанского сеида. Чельбир простил муллу и выразил надежду, что тот, получив тяжкие раны от защищаемого им народа, не будет впредь связываться с гольтьбой и перестанет бунтовать против власти. Получив это послание, Гали, едва дышавший от побоев, со слабым смехом сказал Мир-Гази: «Добрый» царь вначале посадил меня на цепь неволи, но «злые язычники» разорвали ее. Теперь же кан пожелал, чтобы я возненавидел тех, кто сорвал с меня его цепи. Но как же я могу за это на них сердиться?»

Арский мятеж разрастался, а отец все не решался подавлять его жестокой силой. Сын Габдуллы Ильяс Ялдау, бывший улугбеком Суvara, воспользовался этим для захвата поста улугбека Болгара. Его донос о потворстве эмира Азана бунтовщикам привел кана в неистовство, и он тут же отправил отца в Учель. В 1204 году Азан восстановил укрепления города на Богылтау и даже решил построить подобие медресе «Мохаммед-Бакирия». Но успел лишь отремонтировать и надстроить ворота Арбата, которые хотел использовать в качестве минарета. А он не уступал минарету Сулеймана, и отец этим очень гордился...

Еще раньше отец съездил в Кашан и пригласил Гали для освящения строительства. Сеид не проследовал в крепость, ибо объявил о полном отрешении от власти, и остановился вначале в доме Белебея, а затем — в специально построенном для него отцом доме, за Буляком, где пробыл тридцать дней. После его отъезда дом за Буляком был превращен в мечеть «Отуз» («Тридцать»), а Белебеевский — в мечеть «Дервиш Гали», и с этого момента многие муллы стали превращать подобные дома в мечети. Отец привел меня к Гали, ставшему святым при жизни, и попросил его благословить меня. Сеид дал мне наставления и второе имя Барадж в память о своей матери, происходившей из рода Барадж. И я, Гази-Барадж, сын Азана, внук Арбата, не нарушил ни одной его заповедей: не обижал ближнего, не лгал, не убивал и не предавался соблазнам богатства, властолюбия, похоти и корысти, постоянно скорбел о бедах нуждающихся и спасал народ от напастей. Но не знал я и радости, и покоя в жизни, ибо все мои деяния по этим наставлениям толковались людьми как злые поступки, и душа моя от этого постоянно была в смущении.

О, мудрый читатель! Рассуди сам ценность моей жизни и право-

ту поступков моих — я рассказываю тебе о них все, что помню, ничего не утаивая...

Медресе так и не было построено, ибо Ялдау преподнес отцу эту стройку, как попытку поднять Учель над столицей и себя — над каном. Чельбир велел прекратить строительство и усилить борьбу с бунтовщиками, к которым примкнули беглые ульчийцы и курмыши. Отец, не желая запятнать себя убийством собственного народа, попросил Сыб-Булата помочь мартюбинским мишарам Джун-Мишарской округи привести бунтовщиков в чувство. Балынский флот вместе с мишарскими булгарами атаковал мятежников вплоть до аула Бурат на перевозе через Кара-Идель. Эмир Азан прибыл туда и принял пленных аров, а взятых беглых урусов отдал балынцам. В волновавшихся округах были возведены для ак-чирмышей балики Кукджак, Чыбыксар, Сундэр, Алат, Урджум, Алабуга, Арча, Нуршада... Ары были сломлены, и казанчин и курсыбаевцы выловили по лесам и предали смерти остальных зачинщиков бунта.

В ответ Азан в 1207 году, по просьбе Сыб-Булата, подавил мятеж джирских аров возле Ар-Аслапа...

В 1208 году галиджийцы выявили часть людей Садыка, занимавшихся продовольственным снабжением садумских судов на островах в Чулманском море. Все они были казнены, а озлобленные бояры произвели набег на Колын. Садык, однако, был предупрежден своими людьми в Галидже, успел вызвать флот Ширдана и спрятаться в городе. Ширданские салчи напали на бояров с тыла, а Мер-Чура — из города, и разбойники были наголову разбиты. Было убито две тысячи галиджийцев и захвачены все 24 бояра. Послам Галиджа, привезшим богатые дары и выдававшим разбойников за заблудившихся и по ошибке попавших в Державу билемчеев, кан заявил, что будет отпускать за выкуп по три бояра в год в случае соблюдения галиджийцами мира и казнить такое же количество вожakov в год в случае вражеских набегов. После того, как пленных не стало, кан разрешил балынцам возвести в урусской части Шуда город Джукетун при слиянии рек Джук и Тун для удержания разбойников от вторжений в Державу. Что же касается торговли по Чулманскому морю, то Садык нанял новых галиджийцев для тайной помощи ей.

На следующий год кан, возмущенный насильственным взиманием кисанцами пошлины с болгарских купцов на Хорысданском пути, послал Якуба Елаура на Кисан. Дети Отыка от Биш-Ульби тут же присоединились к нему. Урман, по своему обыкновению, бежал из города, а жители, перепуганные бряцанием болгарского оружия, повязали виновника разбоя бояра Кушпу и сбросили его со стены марданцам. Арбугинцы расстреляли негодяя стрелами и, взяв с Кисана выкуп, удалились...

После смерти верного Державе Сыб-Булата на балынский престол сел его добрый и тихий сын Куштандин. Его брат, злобный и властолюбивый Джурги, тут же поднял мятеж с целью захвата власти. Кан не мог потерпеть этого, и Гуза отправился вместе с отцом усмирять наглеца. Разбойники Джурги были растоптаны, хотя оказали вначале жестокое сопротивление и ранили эмира. За это Гуза велел своим не брать пленных, и наши безжалостно положили 10 тысяч мятежников. Но сразу после смерти Куштандина, который, говорят, был отравлен, убийца-Джурги захватил трон и первым делом перебил в Джукетуне болгарских купцов. Несчастные возвращались из Артана, и лишь один из них — Байрам, сын Умара, смог бежать и принести печальную весть в столицу.

Кан решил жестоко наказать негодяев и сам вступил в поход вместе со мной, курсыбаем, тухчийцами и тысячью шумбутцев, 50 соплеменников которых охраняли караван и мученически погибли, защищая его, вместе со всеми...

Улугбеком Учеля уже два года был мой старший брат Хаким, ибо в 1217 году отец покинул бренный мир. Несмотря на предложение кана стать улугбеком Болгара, я отказался, опасаясь козней Ялдау. Чтобы боль моя от этого вынужденного отказа стала менее сильной, добрый Даир выстроил в Учеле, под Богылтау, каменную баню. Ее стали называть его именем. Выступили мы из Учеля в суровый мороз, и легко одетые артанцы ободрали арских женщин и закутались в их платки и шубы...

Джукетунский бояр Илия, убийца мирных купцов, принял их за женщин и, когда мои мастера под моим руководством выбили стену Джукетуна, возопил своим: «Молодцы! Булгары, как видно, совсем оробели и привели к нам своих распутниц. А ну-ка, попишем этих баб!» Тысяча балынцев легкомысленно выбежала из крепости на вылазку. Тут уже шумбутцы закричали: «Смотрите! Хорошие шубы сами бегут к нам! Возьмем же их!» Они скинули с себя женские одеяния и в одно мгновение изрубили онемевших от испуга урусов. Наши вошли в город и оставили от него только головешки.

После этого мы прошли мимо Балукты, взяв с нее дань медвежьими и иными шкурами, и подступили к Ар-Аслапу. По пути мы потеряли Гузу, провалившегося под лед Мосхи... Этим городом владел джирский бек Васыл, сын Куштандина, и я, ради доброй памяти этого друга отца, не без труда уговорил кана повернуть к Раджилю. Мы обошли эту крепость, где сидел брат Джурги — трусливый Бат-Аслап, и встретились с флотом Ширдана. Садык предложил Чельбиру разрешить его людям, участвовавшим с ним в походе, притвориться галиджийскими купцами и быстро овладеть воротами. Кан разрешил, и ночью корабли, на которых сидели садыковцы, а

под шкурами прятались тухчийцы, проплыли мимо Раджиля. Утром они вновь сверху подплыли к городу, и Садык попросил у бека разрешения войти в крепость. Бат-Аслап, с тревогой ожидавший прихода булгар, обрадовался ложности слухов и радушно распахнул ворота. Садыковцы тут же захватили их, после чего, по его сигналу, тухчийцы выскочили из кораблей и ворвались в город. За ними в город вошло все войско и взяло его. Бека захватил в его доме один из болгарских ополченцев, но отпустил после того, как Бат-Аслап выдал ему мешок со своими драгоценностями. Узнав об этом, кан велел разрубить изменника на части на месте. Раджиль был также сожжен, после чего мы благополучно вернулись в Учель на кораблях Ширдана. Добыча была настолько велика, что для ее перевозки нам пришлось дополнительно связать с 200 плотов...

Кан привык к тому, что после его походов урусские беки тут же присылали послов с извинениями и данью. Но Джурги среди всех этих беков отличался необычайным безрассудством, и его поэтому считали безумным. Какая-то внутренняя злоба постоянно толкала его на кровавые дела, и я сам видел его улыбающимся только во время чинимых им зверств. При этом он был необычайно труслив при приближении опасности, если она осознавалась им. Чувство угрозы изменило ему только один раз — после похода Чельбира. Виновиком этого был Бат-Аслап, принесший ему ложную весть о гибели кана в Раджиле для своего оправдания. Воодушевленный Джурги ранней весной внезапным приступом захватил балик Джун-Калу. Ульчийцам удалось рассечь в двух местах частокол острога, и воевода Джун-Мишарского округа Маркас, запалив балик, оставил его. На пепелище Джун-Калы Джурги тут же возвел деревянную крепость. После этого, пока кан отдыхал и отмахивался от вести об этом, как о невероятной, Бат-Аслап приплыл к Учелю с 15 тысячами воинов. Точно так же, как раджильские ары помогали нам громить урусов, наши ары... радостно встретили бека в Бурате и примкнули к нему в количестве 20 тысяч. Они были озлоблены жестоким подавлением их бунта в 1212 году. Тогда восстание началось с того, что кашанские субаши потребовали уравниль их в правах с субашами Эчке Булгара. К ним тут же примкнули ары, потребовавшие перевести их в субаши после принятия ими ислама — по старому закону. Об этом законе рассказал бунтовщикам Гали, сообщивший об их просьбе кану и защищавший обращенных им в ислам игенчеев в своем письме. Чельбир пришел в ярость. Рассказывают, что она была подогрета подаренной ему сеидом восстановленной книгой о Юсуфе, в которой кан узрел стих о переходе власти от старшего брата к младшему. Растоптав книгу, Габдулла велел вновь схватить сеида, как зачинщика смуты. Гали тогда в ответ заявил, что те, кто

Юрши
(1238г.)

Валов
VV

попытается ради этого переправиться через Агидель, утонут в реке. Многие, опасаясь иметь дело со святым из суеверного страха, отказались выполнить указ кана, и только Гуза пошел на Кашан. «Смотри, — сказал ему Елаур. — Как бы тебе не утонуть». Сардар, не ведавший страха, только рассмеялся в ответ. Но, как уже писали, предсказание Гали сбылось...

✓ Мир-Гази уговорил Гали покинуть страну, и тот сделал это только после того, как эмир пообещал ему облегчить участь бунтовщиков. Сеид бежал в Болгар и оттуда, при помощи ненавидящего отца Ялдау, ушел с караваном в Хорезм. Там он был радушно принят эмиром Джелалетдином и получил должность секретаря его архива...

✓ Мир-Гази убедил Гузу не трогать субашей, обещая, что за это они восстановят крепость Корым-Чаллы и построят новую. Корым был построен после набега на Чаллы-Калу, но затем пришел в полный упадок. Опомнившиеся субаши действительно сделали обещанное, и кан, более всего любивший военные дела, помиловал бунтовщиков. Гуза сорвал все зло опять на арах, которые толпами окружили Кашан и Учель и приняли ислам. Курсыбаевцы без всякой жалости рубили их на всем пути от Кашана до Бурата и, говорят, перебили с 30 тысяч кара-чирмышей и примкнувших к ним курмышей. Когда Гуза проходил с нами от Учеля к Джукетуну, ары-мужчины, все еще в ужасе перед ним, убегали в леса, и артанцам приходилось раздевать их женщин.

Однако и озлобленность их не прошла, и, как я уже сказал, они примкнули к Бат-Аслапу. Ары сожгли Биш-Балту, а затем стали поджигать и Акбикюль. Я, подумав, что против города действуют кара-чирмыши, спокойно выехал из крепости в посад с двумя сотнями джур для наведения порядка и вдруг столкнулся с прорывавшимися за частокол урусами. Три тысячи из них были в доспехах, полученных Джурги из Галиджа в ответ на его обещание не нападать на этот город. Доспехи были неважные, хуже курсыбаевских, но это все же затруднило действие джур, привыкших сражаться с не имевшими и таковых батынскими воинами. Поэтому джуры, выведя всех жителей на Богылтау, предпочли поджечь Акбикюль. Выйти из посада, однако, нам не удалось, так как батынцы прорвались в посад и отрезали нас от горы. Пришлось выходить через Канские ворота, еще не охваченные огнем. Хаким со своими джурами благополучно пробился сквозь вражеские ряды. Меня же и двенадцать джур внезапно отрезало языком пламени и, чтобы не сгореть, я должен был отступить навстречу урусам. Мы побились некоторое время, пока, наконец, не были сбиты с лошадей на землю и взяты в плен. Нас тут же переправили в лагерь Бат-Аслапа, при-

мекенне Тази-
Тараджеси.

чем никто не видел меня. С нас грубо содрали доспехи, связали веревками и рассадили по кораблям.

Пожар был таким сильным, что загорелся частокол Калгана, и его защитники поспешили поджечь и эту часть города и перейти за Саинов ров и в Югары Керман. Там было еще 100 джур и с 300 ополченцев, державшихся между рвом и этой цитаделью Учеля.

Урусы, многие из которых сгорели в огне, тоже выскочили из посада и стали дожидаться конца пожара, чтобы вместе с арами попытаться взять Югары Керман.

Между тем кан все же послал курсыбай сына Гузы Газана в Учель проверить слухи о вторжении батынцев. Сардар встретился у города с моими джурами, узнал в чем дело и утром напал на врагов. К счастью батынцев, перед их лагерем, находившимся у реки, был лагерь аров, иначе, без сомнения, они все были бы перебиты. Курсыбаевцы растоптали аров и положили несколько тысяч урусов, но все же с 3 тысячи их успело сесть на корабли и поспешно отплыть к острогу Куман возле устья Дэбэр-су. Увы! Балик также был осажден арами, и куманцы ничем нам помочь не могли.

Как выяснилось, Бат-Аслап у устья Кама-Булака должен был соединиться с другим отрядом урусов, двигавшимся в Державу от Ар-Аслапа через Тунай. Эти ульчийцы осадили Колын, захватили стоявшие здесь корабли и лодки и на них, а также на связанных плотках поплыли вниз по Нукрат-су. В устье реки стоял сын Ширдана Нукрат, сумевший разгромить араслапцев. Только три ульчйских корабля из 50 судов и 170 лодок и плотов уцелели и стремительно поплыли к устью Кама-Булака. Нукрат отрядил для их погони несколько кораблей, но они не смогли догнать беглецов. Сам Нукрат поплыл к Колыну и освободил город от их осады. А беглецы соединились с Бат-Аслапом, и тот тут же отплыл в Батын.

Газан, наведя в Учеле порядок и выловив разбежавшихся по лесам урусов, бросился в погоню. Он при помощи подоспевших салчи-ев Нукрата — переправился у Бурата и сумел настигнуть у Кумана несколько задержавшихся у города батынских судов. Курсыбаевцы, разогнав аров, засыпали замешкавшихся тучей стрел и переранили или убили почти всех. Салчин прицепил эти корабли к своим и отплыл с ними к Болгару, куда прибыл сам кан. Среди пленных обнаружили батынского пона Абархама, которого Чельбир тут же освободил. Но он пожил еще несколько лет в Державе и послужил священником христиан Болгара. Я встречался с ним на Руси, и он показывал мне свою «Повесть о походе Бат-Аслапа на Учель». Она была написана правдиво и живым языком, но не понравилась Бат-Аслапу и Джурги, почему он прятал ее...

Джурги был поражен гибелью своего лучшего войска, но пола-

Абарха
✓!

2016
тал, что нанес большой урон и булгарам, не понимая, что большой по балынским меркам Учель был второстепенным городом Державы. Поэтому он не поспешил повиниться перед каном и даже послал последних своих воинов в Джун-Калу для завоевания Мишара.

Чельбир же справедливо зачислил Купеческую войну в разряд лучших своих войн. Взятие Джукетуна и Раджиля стоило нам 53 убитых воинов, а разгром Бат-Аслапа — 60 джур и 112 курсыбаевцев, в то время как только Бат-Аслап потерял около 6 тысяч убитыми и столько же — пленными. Джирцы же потеряли убитыми всего 500 воинов, зато пленными — 3500. Дело в том, что Колыи они осаждали безо всякой охоты, а когда встретились с Нукратом, то тут же высадились на берег и сдались доброму старому тухчийскому баликбашы Ахтяму. Недаром Джурги заподозрил измену и жег джирских воевод каленым железом, пытаясь у них сведения о тайной связи Васыла с Державой. Однако воеводы предпочли не развязывать языки, и Безумный отступился от них.

2000
В память о победе Габдулла дал Колыну имя Нукрата, Тухчи — Джукетуна, а Учелю — Газана. Наши же, по своему обыкновению, переименовали Джукетун в Джукетау, а Газан — в Казан...

Только неяска послов Джурги отравляла радость кана. Дождавшись зимы, он направил на Балын курсыбай, а перед этим — послание балынскому беку. В нем были такие слова: «Ты, собака, думал что война — это маханье веслами на Идели? Я покажу тебе, что такое настоящая война. Я выжгу все то, что сейчас называется Балыном так, что люди забудут даже это название. И ты будешь считать величайшей милостью небес, если я тебя, вшивого, с обритой головой и подбородком поставлю старостой самого последнего курмышского аула». Газан не поленился взять с собой мастеров с шереджирами, и они быстро западали Джун-Калу. Балынцы в ужасе выбежали из объятай пламенем крепости и были беспощадно изрублены все до единого, в количестве 5 тысяч человек. Среди них были и те, кто избежал гибели у Учеля. Когда об этом узнали жители других пограничных городов, то они в страхе сожгли свои крепости и бежали в Булымер. Увидев толпы беженцев, Джурги затрепетал и умчался через леса в Амаат — городок неподалеку от рубежей Галиджа. Газан двинулся от головешек Джун-Калы вглубь Балына, но повсюду находил лишь пепелища. Он был в трех днях пути от столицы Балына, когда примчался гонец от кана с предписанием немедленно повернуть назад. Сардар не поверил, но Чельбир, зная Газана, послал вслед первому и второго, и третьего гонца. Наконец, получив третье послание — уже в дне пути от Булымера — Газан убедился в подлинности приказа и с горьким сожалением повернул назад.

Причиной его было сообщение о том, что вождь мэнхолов, или по-чински «татар» — Чингиз — вторгся в Хорезм. Еще ранее от купцов и оймеков кан получал сведения об усилении этого племени, сокрушившего ак-оймеков, кызыл-кашанцев и великое государство Востока Мэнхин или, по-татарски, Мэнхол. Сопоставив эти известия, Чельбир пришел к выводу, что имеет дело с великим, воинственным и хорошо вооруженным народом и решил быть готовым всей мощью встретить его возможные поползновения на Державу. Поэтому он и отозвал Газана, курсыбай которого был военной опорой его трона. Все это хранилось в тайне, так что урусы ничего не узнали.

Джурги сразу же после ухода сардара послал к кану послов, но их не пустили дальше Казани и сообщили им о том, что Чельбир приказал урусским бекам отныне сноситься с ним через улугбеков Казани. Джурги покорно выпил напиток этого великого унижения и, чувствуя радость избавления от погребения, немедленно согласился с тяжкими для него условиями мира. Урусам было запрещено иметь, строить или восстанавливать крепости на границе с Державой и на пути к Булымеру и предписано выплачивать дань в размере двух джирских даней. Кроме этого кан потребовал вернуть пленных учельцев.

Один из аров опознал меня и выдал Джурги. Тот не захотел возвращать меня и велел упрятать в темницу и сообщить о моей гибели в огне. Но, опасаясь, что пленные могут рассказать правду, велел своим арам убить джур при их выдаче. Трех же джур, о пленении которых никто не знал, он велел бросить в костер. Освобожденных джур посадили на корабль и повезли к Джун-Кале. При этом трубачи громко трубили в трубы и роги, как это было принято при размене для оповещения.

К сожалению, мой брат, казанский улугбек Хаким, посчитал излишним присутствовать при этом и поручил все дело мишарскому юзбашы Елбаю. Елбай вышел навстречу из Джун-Калы, но внезапно ары на его глазах атаковали корабль и перебили всех находившихся в нем. Пока Елбай поднял свою сотню, охранявшую восстановленный балик, ары скрылись. Захватили только одного — без языка, нарочно оставленного арами. Его опознали как беглого кара-чирмыша. Джурги же, как только ары вернулись к нему, казнил их на месте и их трупы выдал Хакиму. В них также опознали беглых. Улугбек был введен всем этим в заблуждение и сообщил кану о гибели джур от рук беглых разбойников. Этим все дело и кончилось, если не считать того, что Чельбир, расстроенный моей мнимой гибелью, велел выдать взятого джукетунского бояра Илию в руки Байрама. Тот хотел отдать его урусам за выкуп, но шумбутцы, узнав об этом,

явились к нему и выкупили бояра. Приехав к себе, они привязали ненавистного им врага к дереву Худ-Имэн и прикончили его, устроив состязание по метанию топора в Илию...

Послом от Джурги был Васыл, которого тот ненавидел, но не мог устранить из-за отсутствия сил и боязни смут. Перед набегом Бат-Аслапа Джурги направил Васыла с его джирцами и частью балынцев на Колын для отвлечения флота Нукрата. Действительно, при появлении Васыла Мер-Чура тут же вызвал флот, и балынцы смогли беспрепятственно высадиться у Учеля. Бек, однако, заявил своим джурам: «Джурги послал нас на убой. Свяжемся с Садыком — он нам поможет спастись». До этого Васыл сообщил мне о предстоящем своем набеге, и я тайно попросил Садыка позаботиться о спасении сына Куштайдина. Садык связался с Нукратом, и тот пропустил корабль Васыла, отмеченный особым знаменем. Топил салчибашы только корабли балынцев, дав возможность джирцам, плывшим в хвосте — во главе с двумя верными джурами Васыла, — выйти на берег и сдаться. Об этом нашем уговоре с Васылом, конечно, никто не знал. Пленные джирцы приняли ислам, и кан дал им права кара-муслимов и расселил в Кашане от Нукрат-су до Миши. А джур Васыла звали Метка и Бетка, и две кашанские речки получили их имя. А кара-муслимы имели права ак-чирмышей, и джирцы говорили, что в Державе они нашли ту добрую страну, о которой рассказывалось в их сказках о счастливой жизни. Они переняли у наших все лучшее и в своем религиозном рвении даже превосходили некоторых кашанцев. Без всякого указания кара-муслимы сами проложили хорошую дорогу от Бет-су на Агидели до Мет-су у Миши, где они возвели город с земляным валом Мет-Кала или Эчке-Кашан. На этой дороге, по которой вывозились лес, меха, мед, воск и другие товары, было устроено немало превосходных кабаков с лавками и банями. А Чельбир был так доволен кара-муслимами, что как-то сказал: «Я бы охотно обменял всех своих аров на вдесятеро меньшее число джирских ульчийцев».

После заключения договора с Балыном в Казани кан всецело обратился на Восток. Ему удалось через купцов установить связь с сыном Чингиза Джучи, которому отдали кыпчакскую часть Татарии. Джучи был недоволен этим и претендовал на Хорезм, Персию и все Сакланские горы. Чельбир обещал поддержать его в этом и помочь усилить его власть в Кыпчаке, но взамен заручился его согласием воздерживаться от прямой поддержки поползновений Татарии против Державы. После того, как Чингиз повелел называть всю свою империю Мэнхол, Джучи сохранил за своими кыпчаками чинское название «татары». Кроме них у него насчитывалось 10 тысяч мэнхолов, и они были самыми отважными из татар, закаленных в

войнах с кыпчаками, тюркменами, белыми и черными кыргызами. Ему понравилось то, что булгары называли бывшие сабанские земли в Кыпчаке Кук Иорты, — так и он стал называть эту коренную часть Кыпчака. Но у татар так называлась только великоханская часть, и Чингиз заподозрил сына в стремлении стать выше него. Другой сын великого хана Угятай, добивавшийся признания его наследником, быстро раскусил планы Джучи и, не говоря об этом никому, принялся склонять отца к нападению на Горный Саклан и Державу с целью срыва этих планов. Чингиз согласился послать на Запад своего лучшего полководца Субята с тремя туменами, то есть с 30 тысячами воинов по-хонски. А по-хонски и «тима» значило «10 тысяч».

Одна половина татар была вооружена, как наши казанчин, другая — как курсыбаевцы. А в Державе было 6 тысяч казанчиев и 5 тысяч курсыбаевцев, да 14 тысяч суварчиевских ополченцев, имевших равное с курсыбаевцами боевое оснащение. Все остальные — с 25 тысяч ак-чирмышей — имели еще худшие доспехи.

Но кроме доспехов татары имели отважные сердца, совершенно не знавшие жалости, и среди них никогда не было недисциплинированных или усталых. Каждый из них знал, что если он не ожесточится, не подчинится или устанет — то будет убит на месте. Они делились на десятки, сотни, тысячи и тумены. За трусость в бою одного убивался десяток, за трусость десяти — сотня и так далее. А казни у них были такими жестокими, что я, видевший всякое, не мог досмотреть до конца ни одной, ибо по сравнению с ними самая тяжкая гибель в бою была наслаждением. Татарам же было запрещено при этом отводить глаза или как-то выражать свои чувства, поэтому казни, виденные мною, татары наблюдали в полной тишине и с бесстрастными лицами. А придерживались они такого зверства с той поры, как Чингиз изрек: «Жестокость — единственное, что поддерживает порядок — основу процветания державы. Значит, чем больше жестокости — тем больше порядка, а значит — блага». И еще он говорил: «Сам Тангра повелел подняться нашей державе, а его волю нельзя понять разумом. Жестокость должна выходить за пределы разума, ибо только это поможет осуществлению высшей воли»...

А татары ненавидели ислам потому, что считали мусульман, с радостью расстающихся с жизнью во время джихада, опасными для себя. И наоборот, они любили христианство и веру хинцев, призывающих к покорности и жалости, ибо считали их последователей слабыми и готовыми для подчинения им...

За убийство знатного человека они убивали всех подчиненных, а за убийство вождя — весь народ. Однажды мэнхолским племенем

татар, по имени которого чинцы называли всех мэнхолов в память об их былом первенстве над ними, был убит отец Чингиза; за это все татары были перебиты, включая женщин и детей. И с тех пор они называли татарами всех тех немэнхолов, которые им служили и которых они посылали в бой на смерть впереди себя. И эти служилые татары кричали в бою «Татар! Татар!», что означало: «Те, кто не подчинится Мэнхолу, будут истреблены, как татары»... Мы называли мэнхолов по-чински «татарами», а они нас — по-кумански «бесерменами».

В войнах они не щадили ни женщин, ни детей, поэтому женщины у них было мало и разврат считался делом обычным. Мужеложство и скотоложство они ни во что не ставили. Грабежи и насилия они делали только после получения разрешения, а захваченными детьми, женщинами и юношами пользовались по очереди всем подразделением. Татары никогда не мылись, как кыпчаки, ибо это воспрещали их законы. Привычка к подчинению сделала их сдержанными и тупыми, хотя некоторые их вожди сохраняли и гостеприимство, и рассудительность, и другие достоинства.

Эмир Субятай был главным авторитетом для них в военных вопросах, и высший воинский титул бахадира, дававшийся только природным мэнхолом, уравнивал его на военных советах с Чингизом и его потомками. Чингизиды считали себя господами всего мира и решали вопросы жизни и существования остальных только с точки зрения выгоды для них. Почти все они были крайне суеверны и ни в грош не ставили все чужое...

Получив приказ двинуться на Запад, Субятай прошел к Горному Саклану с потерей 2 тысяч человек, и только в Гурдже встретил попытку оказать сильное сопротивление. Тогда Субятай разделил свое войско на три части. Одной, под предводительством старшего своего сына Чамбека, он велел напасть на гурджийцев и притворным бегством привести их ко второй части второго сына бека Уран-Кытая, стоявшей в просторной долине. Третьей части было предписано стать в засаде в ущелье между холмами и вступить в дело в нужный момент. Сам эмир с 5 тысячами воинов стал в отдалении, чтобы направлять битву. Чамбеку удалось подвести к части Уран-Кытая все 40-тысячное гурджийское войско. Уран-Кытай, пропустив за спину воинов брата, стал хладнокровно расстреливать передние ряды гурджийцев. Те, разгорячившись при преследовании, не остановились для приведения в порядок своих смешавшихся частей и нестройной толпой с ходу бросились на Уран-Кытая. Когда они добрались до стрелков, бек выдвинул вперед рубак с тяжелым вооружением, а из засады ударили в тыл гурджийцам засадные татары. Свежие и тяжеловооруженные воины без труда изрубили

все оказавшееся в окружении гурджийское войско, а татары потеряли всего 3 тысячи бойцов. После этого Субятай вырвался в степь, где у речки Кумык встретился с асами, куманами и поддержавшим их саксинским тарханом, внуком Аса, сыном Торекула Бачманом.

Куманы, начавшие битву, были опрокинуты и обратились в бегство прямо через ряды сакланов. Те также поддались панике, и часть татар вышла в тыл Бачману. Тархан, чтобы уйти из-под удара и избежать окружения, принужден был уйти через Джураш в Гурджу. При этом попал в плен Бадри, задержавший татар.

Куманы бросились в Башту и уговорили урусских беков пойти с ними на татар, обещая им за это в будущем помочь захватить Хин у Державы. Субятай послал Чамбека в Башту, чтобы склонить урусов к совместному походу на Державу, но те, подстрекаемые куманами, убили его. В битве на речке Калга 60 тысяч куманов вновь побежали с захваченными у ульчийцев лошадьми, а бек каубуйцев Алиш, пытавшийся поправить положение, получил смертельную рану, и его люди рассеялись. После этого 50 тысяч урусов, напуганных отличными боевыми качествами татар, сели в укрепленном лагере. Субятай послал к ним Аблас-Хина с повторным предложением о выезде к нему беков для переговоров о совместном походе на Державу. При этом бахадир пообещал, что те, кто не придет к нему, будут убиты. Все беки выехали и были тут же повязаны. Эмир подвел пленных к укреплению и спросил их, кого казнить за гибель сына — беков или их воинов? Беки ответили, что их воинов. После этого бахадир сказал урусам: «Вы слышали, что ваши беки предали вас. Выезжайте без страха, ибо я казню их самих за измену своим воинам, а вас отпущу». Оставшиеся без полководцев урусы сдались. Тогда Субятай велел положить беков под щиты разобранного лагеря и предложил ульчийцам: «Ваши беки хотели, чтобы вы первыми оказались в земле: Так втопчите их за это в землю самих». Урусы прошли по щитам и задавили всех беков. После этого Субятай заметил, что воины, убившие своих беков, также не должны жить, и велел своим изрубить всех пленных...

В седлах оставались еще 20 тысяч татар, и бахадир с легким сердцем двинулся на Державу. Он полагал, что Джучи в это время уже также вторгся в Булгар с востока, ибо таким был приказ Чингиза. Бахадир заставил Аблас-Хина вести его прямо к центру Державы, но бек сумел через своего джуру известить кана о том, что приведет татар к Кермеку. Чельбир, получив от Джучи заверение, что он не вторгнется в Державу, немедленно придвинулся к Кермеку с 5 тысячами курсыбаевцев, 3 тысячами болгарских ополченцев сына Дaira Тэтэша, 6 тысячами казанчиев и 10 тысячами башкортвов.

В середине поля перед городом было несколько рощиц, в которых расположились суварчиевские стрелки с железными стрелами и большими луками. Стрелки стали и за возами, составленными в круг. Перед полем была довольно глубокая ложина, за которой и стала конница: сначала — башкорт, за ними перед стрелками — курсыбаевцы, а за рощицами — казанчи.

У Идели Субятай усомнился в правильности пути и попытался двинуться на север, но наткнулся на Симбирский вал и был отброшен. Тогда татары попробовали пойти к югу, но уперлись в Арбугинский вал и также были отбиты, потеряв при этом тысячу человек. Только после этого по-волчий осторожный мэнхолский бахадир договорился с бывшими здесь русскими рыбаками о переправе и послал сына вперед на разведку. Уран-Кытай с 3 тысячами татар и 14 тысячами из 50 тысяч примкнувших к ним тюркмен и куманов переправился через Идель и преспокойно проследовал до окрестностей Кермека. Никого не обнаружив, он сообщил отцу, что путь чист. Субятай также переправился и двинулся за сыном. Но едва Уран-Кытай стал подниматься из ложины на поле, как конница стала обстреливать его. Он, несколько не смущаясь, устремился вперед и прорвался сквозь ряды башкорт на поле. Здесь он встретил уже курсыбаевцев и был неприятно поражен тем, что они не уступали по вооружению большинству его татар. Уран-Кытай успел послать отцу гонца с просьбой о подкреплении. Мэнхолский бахадир, несколько удивленный, послал еще 2 тысячи татар с тяжелым вооружением и 23 тысячи тюркмен и куманов, как вдруг получил сообщение от урусских рыбаков о приближении флота Нукрата. Глухая тревога закралась в душу Субятай, но он все же дождался еще одного гонца от сына. Тот опять попросил подкреплений, и мэнхолский яубашы понял, что попал в западню. Не послав более ни одного человека, он бросился назад и едва успел переправиться через Идель перед носом Нукрата.

Уран-Кытай, усиленный подкреплением, смог прорваться сквозь ряды курсыбаевцев и оказался под обстрелом из рощиц и из-за возов. Заметив, что суварчиевские стрелы пробивают и доспехи лучших его воинов, бек все же упрямо продвигался вперед, пока не столкнулся с казанчями самого кана. Те отбросили его опять на поле, где всю работу делали стрелки. Хотя путь назад был открыт, ни один татарин не покинул поле боя, зная, что за возврат без полководца будет подвергнут немедленной и страшной казни. Наконец, башкорт и курсыбаевцы сомкнули кольцо окружения вокруг врага. В этот же момент одна стрела убила лошадь Уран-Кытай, и она, упав, придавила его. Бек, видя, что все кончено, хриплым криком велел воинам сдаваться. Кан, получив сообщение Нукрата о го-

товности Субятай вступить в переговоры, велел прекратить эту бойню... Из татар, бывших на поле, 4 тысячи были убиты, а тысяча с самим Уран-Кытаем попала в плен. Наши потеряли 3 тысячи башкорт и курсыбаевцев, 350 болгарских стрелков и 150 казанчиев. В суматохе этой битвы Аблас-Хин смог перебежать к своим, был подведен к кану и тут же получил от него титул эмира.

Субятай ожидал самого худшего, ибо впереди его, за Иделю, стоял несокрушимый кан, а сзади маячили арбугинцы, едва сдерживаемые сыном Елаура — марданским тарханом Юнусом. Тем не менее Чельбир, опасаясь повредить Джучи, разрешил мэнхолскому бахадиру вывести остатки своего войска через Сарычинскую переправу и даже отдал ему пленных. Правда, при этом кан не отказал себе в удовольствии поиздеваться над поверженными татарами и велел взять за каждого пленного по барану, а за Уран-Кытай, как особо глупого — десять баранов. Тут же, на берегу, на глазах униженных татар, булгары устроили пир и съели всех баранов, отчего битва получила название «Бараньей»...

Под охраной Аблас-Хина татары были выведены из Державы за Джаик. Прощаясь, Субятай молча вручил ему свой меч и тут же хлестнул коня...

Узнав об уходе татар, Бачман вернулся в Саксин из гурджийской области Хонджак, причем с боем, ибо гурджийцы не хотели пропускать его вооруженным...

Джучи оправдался перед отцом, сославшись на свою занятость кыпчакскими делами. В 1225 году он нанес поражение хану ак-оймеков Карабашу. До этого хан всячески заискивал перед Джучи и даже разгромил посольство эмира Хорезмского, посланного к кану за помощью. Бывший в посольском караване Гали попал в плен и несколько лет скитался с кыпчаками по степям. Оймеки, узнав, что он — сказитель, не дали Карабашу выдать его татарам. Ведь кыпчаки считали непозволительным делать зло чиченам, которые, как они полагали, могли говорить с небом и поэтому были святыми. Гали сочинил для оймеков несколько песен, которые я сам слышал от них. А сам себя сеид — со времени заключения в Алабуге, стал называть Кул Гали — в знак своего сочувствия угнетенному народу и своего положения...

[Глава 21.] Последний поход Чельбира и правление Мир-Гази

Разбитый Карабаш бежал к Джаику и попросил разрешения укрыться в пределах Державы. Получив отказ, он самовольно перешел реку и был атакован каном, желавшим уничтожить хана во имя дружбы с Джучи. Газан, Бачман, сын Масгута Иштяк и марданские

баджанак без труда добыли победу кану и прижали кыпчаков к реке. Положение оймеков, потерявших в бою своего хана, было жалким, но внезапно скончался Чельбир, и все переменялось. Беки тут же на поле подняли на царствование Мир-Гази, к которому... явился Гали и попросил пощадить бедных кыпчаков. Кан не мог отказать другу и, велел поселить оймеков в Башкорт, усакал с ним в Буляр. Кылыч был с позором изгнан из столицы, и Гали стал сендом. Он скоро уговорил Мир-Гази отменить повышение налогов со всех субашей, ак-чирмышей, купцов и мастеров малых домов, но большего не успел. Джурги, узнав о смерти Чельбира, осмелел и начал войну с Державой, и кан отвлекся на борьбу с урусами...

Булярцы отказались похоронить Габдулла в своем городе, и только болгарцы согласились упокоить его тело в своей земле. Это объяснялось тем, что Чельбир особо любил Болгар и даже разрешил ему чеканить собственную монету, на которой печаталось имя халифа Насыр-Литдина. Делалось это, однако, потому, что Габдулла, как и Алмыш, считал себя наместником халифа и, значит, имеющим право назначать сендов...

После смерти кана таить меня стало неужно, и я был выпущен из скверного узилища в обмен на вынужденное согласие поступить на службу Балыну. Джурги немедленно привез меня к Джун-Кале и разгласил, что с ним болгарский эмир Гази-Барадж. Мишарские болгары были смущены и отступили от устья Саин-Идели, где на месте болгарского балика Джурги вновь построил урусскую крепость. Ему помогали внуки Урмана, озлобленные на Державу.

Еще при Габдулле его кисанские братья-близнецы Халиб и Алтынбек начали войну с Кисаном, но затем притворно согласились на переговоры с сыновьями Урмана. Те явились во всеоружии к лагерю братьев и расположились станом рядом. Будучи уверенными в своей безопасности, кисанцы перепились и после угроз в адрес близнецов заснули мертвым сном. Под утро заранее вызванный братьями Юнус внезапно напал на кисанский лагерь и перерезал всех кисанцев до единого — всего с 8 тысяч человек с 5 беками. Спасся только один кисанец, в пьяном виде заблудившийся еще вечером в лесу... В другой раз, в 1224 году, и бедный Хаким должен был помочь братьям, но при переправе у Бурата утонул в Кара-Идели. Не дождавшись его, близнецы и марданцы отступили. Эмир Халиб, которого называли также и Гали-бием, занял пост улугбека Казани... Эмир Алтынбек, удаленный в 1218 году из Учеля, осел в Бандже, женился на дочери царя Хорезма Мохаммеда и время от времени беспокоил кисанцев своими вторжениями. Позднее, после гибели сына Мохаммеда эмира Джелалетдина, он взял его имя, надел его пояс и поклялся вести джихад против татар и всех невер-

ных. В одном из походов на Кисан вспыхнула ссора Мергена с Алтынбеком из-за добычи. Пришедший в полное неистовство тархан выхватил меч и бросился на эмира. Юнус попытался предотвратить это убийство, но сам попал под удар Мергена и скончался на месте. Пока опешившие марданцы приходили в себя, тархан вскочил на коня и стремительно умчался в Тубджак. Алтынбек женился на вдове Юнуса, младшей сестре своей первой жены — дочери Иштыка Фатимы, и, став улугбеком Беллака, поклялся жестоко отомстить убийце. Чельбир, однако, воспретил мести. После смерти кана тархан, из-за боязни Джелалетдина, вообще отделился от Державы и был выбит из Тубджак Алтынбеком. Мерген отъехал к Джучи и сумел завоевать его доверие тем, что подарил ему пленную кисанскую боярыню и обещал помочь татарам завоевать Державу. Через захваченного им купца, которого он поджаривал на костре, выпытывая сведения, Мерген узнал о тайных связях Джучи с Чельбиром и поспешил выложить их Чингизу. Великий хан пришел в ярость и велел ему убить сына. Выехав как-то на охоту с доверявшим ему Джучи, Мерген убил его сзади чиркесом...

Между тем Джурги, не довольствуясь разбоями на границе, вторгся в Джун-Мишарский округ бия Маркаса и сильно пожег его. Но когда опьяненные победой урусы вздумали осадить Дэбэр, Газан с тыла напал на них и погнался прочь. Сам Джурги сумел спастись бегством, но был при этом ранен в зад, отчего с тех пор не мог ездить на лошади. Его же войско, состоявшее из балынцев и ополчений кисанских и канских беков, загнали в глубокий снег и перестреляли из луков... Было убито 9 кисанских и канских беков и 450 их бояров, с которых сняли кольчуги, а простых воинов — 12 тысяч.

После этого Мир-Гази сам пожелал участвовать в войне и подступил с Газаном к Джун-Кале, воеводой которой тогда был я. А сардар пошел к городу прямо от Дэбэра и не смог взять с собой переджирь. Он рассчитывал взять город внезапным налетом, по своему обыкновению, но Маркас самовольно напал на окрестности и в слепой ярости стал жечь их, чем всполошил всех и предупредил нас о нападении. Когда подошел Газан, все были готовы сражаться насмерть, ибо от курсыбаевцев ждать пощады не приходилось. За провинность сардар послал Маркаса на захват каких-нибудь ворот, а сам стал с каном поодаль и наблюдал. Мои ополченцы, однако, отбили бия, но увлеклись погоней и внезапно для себя столкнулись с курсыбаем. Тут же они бросились назад, но успели добежать лишь до монастыря близ крепости и спрятались за его забором. Газан велел Маркасу завалить забор деревом и поджечь. От забора занялся весь монастырь. Люди в ужасе стали выбегать вон, но курсыбаевцы

никого не пощадили. Всего там сгорело и было убито две тысячи джунцев.

Спасся только один монах Ас-Азим, который находился в тюремном погребке за распространение какой-то ереси. Мы в полном бессилии наблюдали гибель всего нашего войска, и многие из моих людей уже читали заупокойную молитву. Но нападения все не было. Всю ночь мы провели на стенах, а ранним утром ко мне прибежал Ас-Азим с потрясающим известием о том, что ночью кан внезапно ушел в Державу. Мы не поверили, и я полагал, что это — очередная хитрость Газана, но несколько смельчаков, выехавших из крепости, подтвердили правдивость вести. Позднее я узнал, что причиной этого ухода было известие о нападении Мергена на Башкорт.

Кан знал, что Мерген никогда бы не отважился в одиночку напасть на Державу, и верно понял, что за ним шли татары.

[Глава 22.] Первое царствование Алтынбека

Возвращаясь, Мир-Гази простыл и вскоре умер. Газан, Бачман, Иштак и Тэтэш подняли на трон Алтынбека, совершенно равнодушного к реформам Гали. Сеид через два года женился на вдове Мир-Гази Саулие, которую он любил всю жизнь. А она была выдана замуж пятилетней девочкой. Гали овдовел, будучи в изгнании, и его сын от дочери Даира Мир-Гали вырос в доме суварбашы. А одна из кыпчакских рабынь, которыми приторговывал отец Даира Аппак, была подарена эмиру Джураша. Тот подарил ее гянджийскому беку Низами, украсившему сад поэзии прекрасными цветами своих дастанов. Я читал эти поэмы, ибо знал фарси. А кроме хорасанского языка я, конечно же, знал арабский и наш болгарский тюрки. Отец еще в детстве научил меня наречию ульчийцев, а один садумский торговец, лечившийся у старшего брата Гали, знаменитого учельского табиба Исбель-хаджи, — альманскому. А языки давались мне легко, и я испытывал даже необходимость в их изучении. В заключении я прочитал немало урусских книг, и одна из них рассказывала очень живо о набеге Сыб-Булата на Буляр. Ее написал Булымер, звавший себя Хин-Кубаром, но затем, когда его господином стал его дядя Угыр Батавыллы, переделал ее и заменил свое имя на имя Угыр. Об этом мне рассказал сын Хин-Кубара — тоже Хин-Кубар, который приезжал в Балын улаживать спор между Кисаном и Джурги... А Булымер, владевший до этого лишь аулом Хатын, получил было за это батышский город Казиле. Его основали еще болгары и анчийцы, отставшие от Алмыша во время его перехода в Булгар. Но после смерти Угыра Булымер лишился горо-

да, и его вновь получил только его сын Хин-Кубар после гибели почти всех караджирских беков в битве с Субятаем. Он женился на дочери Тэтэша, и она добилась того, чтобы наши купцы заезжали в него. Благодаря этому Казиле вырос в большой город, и сын Буляка Касим, охотно строивший на Руси дворцы и даже церкви из камня, укрепил его. Потом он вернулся в Державу, но по пути едва не попал в руки Маркаса. Этот бий обратился к Алтынбеку с просьбой передать ему часть арской дани за разор, но, получив отказ, озлобился и перешел со своей округой под власть Балына. Многие урусские бояры тут же поселились со своими игенчеями на его землях за определенную плату, но скоро пожалели об этом. Мой сын от первой жены — внучки Чалмати — Хисам, бывший баликбашы Дэбэра, вызвал Газана и напал с ним на Маркаса. Бий ускользнул ко мне, но округ его был совершенно разорен.

Надо сказать, что его рассказ об этом вызвал во мне не горечь, а радость за сына, ставшего настоящим бахадиром. Несмотря на панику, охватившую Джун-Калу, я оставался спокоен, ибо знал, что Хисам не нападет на отца. Так оно и случилось. Овдовев незадолго до нападения Бат-Аслана, я женился в Балыне на сестре Васыла Ульджан-би. Она родила мне сына Галимбека...

Маркасская война избавила Газана от участия в походе Алтынбека на Джанк против Субятая. Мэнхолский бахадир, зная уже мощь болгарских валов, не стал теперь ломиться через них, а решил выманить за них кана на наживку — Мергена. Простоватый до легкомысленности Алтынбек, услышав о разбойном нападении Мергена на Саксин, скоро двинулся на него с Гали и Ильхам-Иштяком. Когда ему заметили, что он берет слишком мало воинов, кан вспылал: «На Мергена и трех тысяч много». Возможной встречи с татарами он не допускал, ибо купцы из Кашана уверили его в отсутствии их на всем протяжении Бухар-юлы. Между тем торговцы были подкуплены Субятаем и сказали неправду...

Мерген попытался взять Саксин с ходу, но был наголову разбит и отброшен Бачманом и вновь осмелел только после вмешательства в дело Субятая. Татары осадили город, но тархан уже вывел его население на безопасный путь в Банджу и остался задерживать врага с тысячько отчаянных смельчаков. Когда татары вломились в Саксин, Бачман отступил в караван-сарай города Сувар-Сарай и, побив до двух тысяч оймеков и татар, прорвался с 200 своих к Идели и был таков. Тюркмены хана Куш-Бирде, посланные Субятаем за ним, наткнулись на подоспевших джур Аблас-Хина и занялись ими. Бадри отстаивал Хин до последней возможности, а потом поджег город и ушел в Буртас. Тогда Субятай сам бросился за Бачманом вверх по реке, но скоро встретился с марданскими баджанакцами и погнался

уже за ними. Увлечшись, татары наткнулись на Самарские валы и стали остервенело штурмовать их к удовольствию мардашцев. Враги бы все пропали в лабиринте этих валов, если бы Субятай не раскутил игру баджанакцев и не отвел своих к Джаику. Тут перед карга-туем, в буран, разезд Мергена наткнулся на кана и бросился прочь. Алтынбек погнался за ним и угодил в объятия железных крыльев Субятай. Преимущественно легковооруженные ойеки кана, несмотря на отчаянную храбрость, не выдержали удара татар и рассеялись. Гали пал в бою вместе со всеми своими джурами, казанскими и кашанскими казанчиями и ак-чирмышами, но своей стойкостью отвлек татар. Отчаянный удар башкортвов на некоторое время пробил брешь во вражеском окружении, сковал неприятеля и позволил кану и Иштяку спастись. Потом кан велел назвать место битвы, принадлежавшее ранее Беллаку, «Каргалы» и передать его Башкортву на вечные времена...

[Глава 23.] Правление Гази-Бараджа

Между тем эмир Ильяс Ялдау, недовольный тем, что на трон после смерти отца был поднят не он, решил осуществить свою заветную мечту о власти. Едва Алтынбек отъехал на Джаик, Ильяс собрал в Урнаше 4 тысячи казанчиев и двинулся с ними к Булярю. Однако булярцы не впустили ненавистных им уланов в столицу, и суварбашцы, оправдывая это, вспомнили о своей присяге моему отцу и объявили о своем желании поднять на трон меня. Видя непреклонность булярцев, Ялдау рассудил, что лучше Гази-Барадж, чем дядя, и согласился. Алтынбек, не доскакав до столицы, узнал о происшедшем и отправился в Банджу, к сыну-тархану Боян-Мохаммеду. Туда же прибыл и Бачман...

Булярцы, не теряя времени даром, отправили к Джурги утвердившегося в Казани Хисама с подарками. Джурги, любивший лесть, был подкуплен таким вниманием, но отпустил меня вовсе не из-за них, а в надежде распространить свое влияние на Державу. Был доволен и я — встречей с сыном и представившейся мне возможностью уйти с балынской службы. На нее я пошел после уговоров дяди — сына Арбата Батыра. Батыр был первым балынским бояром, пользовавшимся уважением остальных и даже Джурги, а его сын Нанкай — воеводой Мосхи...

✓ Я въехал в Буляр и был поднят на трон Тэтэшем, Иштяком, Газаном и Аблас-Хином, которого я утвердил улугбеком Буртаса по просьбе мухшийских казанчиев и вопреки воле Бояна. Население было еще возбуждено бунтом фанатиков, руководимых Кылычем, которые после смерти Мир-Гази пытались не допустить воцарения

Алтынбека и произвести погром христианского квартала столицы Саклан урамы. Суварчиевские чирмыши защитили урам, но один из почтеннейших купцов Абархам попался в руки взбудораженной черни и был замучен толпой. Фанатики кричали, что им не нужен «христианский кан» Алтынбек и что они желают видеть на троне правоверного кана. Мне не составило особого труда догадаться, что Кылыча направлял Ялдау, который старался показать себя истинно верующим правителем. Когда я после молитвы выехал к народу, фанатики вновь стали будоражить толпу криками о моем «тайном христианстве». Чернь стала смыкаться вокруг меня, и Газан едва расчистил мне плетями путь в волнуемом море людей. В этот тяжкий для меня момент, когда я подумывал о бегстве, явился ко мне Гали и сказал: «Шаткость наших канов, все бедствия Державы нашей — от несоблюдения веры нашей, которая воспрещает рабство. Ослабь налоги с малых хозяев, субашей и ак-чирмышей до размеров времени Талиба, подтверди закон о переходе игенчиев в субаши и ак-чирмыши в случае принятия ислама, зачисли оставшихся в язычестве курмышей в разряд кара-чирмышей, а уланов сделай бахадирами — и ты поступишь в соответствии с Кораном». Я немедленно исполнил его волю, и на всех майданах Державы этот закон Мохаммед-Гали был оглашен. Курмыши — особенно ары и сербийцы Горной стороны и булгары-язычники Арской округи — массами стали принимать ислам и объявлять себя субашами или ак-чирмышами. Попытки казанчиев навести прежний порядок встретили сопротивление новообращенных и поддержавших их булгарских субашей. Уланы были вне себя, но довольный моей решимостью Газан удерживал их на почтительном расстоянии от столицы. Конечно же, фанатики стали бесноваться, да тут уж я, получив поддержку сеида, железной рукой унял их без всякого риска для себя...

Но, увы, Тиле Джурги вновь навредил мне, начав набеги на мишарских аров. Тут уж Алтынбек поднял голову и через год после моего воцарения двинулся на меня с Бачманом, как на «тайного доброхота Балына и врага Исламской Державы». Газан пришел ко мне и со вздохом сказал, что его курсыбаевцы не могут биться со своими братьями — арбугинцами. Я понял, что надо уносить ноги, и поспешно выехал в Казань, где был улугбеком мой Хисам. По пути я, известив Ялдау, отправил свою семью к нему в Нур-Сувар. Казанчии хотели растерзать ее, но эмир, вдруг проникнувшийся ко мне сочувствием из ненависти к Алтынбеку, лично проводил Ульджан и маленького Галима в цитадель Барынту. Через Казань, под защитой Газана я проехал в Балын с останками Абархама, которыми хотел задобрить влиятельную в Балыне церковь. Мой расчет оказался

верным. Джурги был недоволен моим отказом передать ему Казань, но не решился сорвать на мне свой гнев из-за благожелательного отношения ко мне попов за передачу мощей, которые тут же были крещены. Глава их поинтересовался, что я хотел бы просить у него. Я испросил его прощения Ас-Азиму, неотлучно бывшему со мной. На старца сильно подействовал мой рассказ о том, как толпы булярской черни кричали мне: «Ты привез попа для крещения нас», — и о том, как Ас-Азим мужественно выкопал ночью останки несчастного Абархама и охранял их на всем нашем пути от фанатиков. Когда я показал главному урусскому папазу раны попа, полученные им во время стычек с чернью, старец прослезился и облобызал Ас-Азима.

Получив опять назначение в Джун-Калу, я отправился туда со смутной мыслью о том, что более терпеть такую жизнь не смогу...

[Глава 24.] Второе царствование Алтынбека

Когда пришла весть о нападении татар сына Джучи хана Бату на Державу и обрадованный Джурги велел мне возглавить 10-тысячное войско для овладения Казанью, я оказался на вершине отчаяния. Мы вышли зимой — 2 тысячи всадников и 8 тысяч пехотинцев, вооруженных один хуже другого. По пути к нам примкнули еще 10 тысяч канских и кисанских всадников, решивших пожить в области моего сына. По самому мерзкому Кан-Марданскому пути мы почти дошли до балика Лачык-Уба, когда явился оттуда один перебежчик. Он, как я узнал позднее, был нарочно послан Хисамом. От него мы узнали, что Алтынбек с байтюбинцами и башкортами остановил, а затем и уничтожил 25 тысяч татар и кыпчаков Бату. Балик, возле которого произошла битва, назвали в память о героизме бахадиров «Бугульма». Хан едва ушел, получив рану в поясницу. С ним был только Мерген, ибо великий хан Угятай не дал ему Субятая. Поговаривали, что он, послав жалкого в военном деле Бату на Державу, хотел докончить уничтожение опасного для трона Мэнхола рода Джучи мечами болгар. Курсыбаевцы вернулись в Буляр с копьями, на которые были насажены по несколько голов врагов. Перебежчик поведал также, что кан со всем победоносным войском идет от Дэбэра на Джун-Калу, нам навстречу. Внук Урмана Ар-Аслап тут же предложил свернуть с опасной дороги и пограбить ненавистный кисанцам и канцам Буртас, обещая легкую победу. Мои бояры поддержали его, и я, послав Джурги известие о бунте войска, пошел на Буртас. Дойдя до балика Саран, бывшего на границе Мишара и Мардана и сдавшегося мне без сопротивления, я заявил, что останусь здесь ожидать ответа Джурги на мое донесение. Но со мной осталось всего 1500 моих джунских пехотинцев, а

все остальные устремились к Буртасу, ибо знали, что Аблас-Хину никто из Державе не поможет. Каково же было мое изумление, когда я, во время объезда окрестностей, встретил самого Бадри. Оказывается, Алтынбек сразу после разгрома Бату двинул на него свое войско, и он едва выскочил из города перед приходом Газана и Бояна. Быстро сообразив, что мое войско ждет печальная участь и что Джурги не простит мне этого, я решил бежать. Бежать же мне можно было только в одну сторону — в Мэнхол. Велев своим 300 джур либо возвращаться, либо примкнуть к Бадри, я с эмиром отправился в Сарычин. Здесь Аблас-Хин, любимый местными жителями, остался, и я с сотней его отчаянных джур, двинулся на Восток.

Судьба моего воинства, как я потом узнал, была более чем печальна. Оно застало в городе арбугинцев Бояна, но с преступной легкомысленностью решило все же осаждать Буртас. Между тем Газан, рыскавший вокруг в поисках Бадри, узнал о приходе урусов и с ходу атаковал их лагерь прямо среди бела дня. Увидев канские знамена в тылу неприятеля, арбугинцы со страшным рычанием выехали из города и также набросились на испуганных врагов. Произошло жуткое побоище, ибо неуязвимые для большинства урусов курсыбаевцы и арбугинцы были опьянены недавней победой и сражались с удвоенной силой, не беря пленных. На этот раз кисанская и канская конница не смогла уйти из-за глубоких снегов и, завязнув в них во время панического бегства, была расстреляна охваченными охотничьим азартом курсыбаевцами и марданцами. О балынской пехоте и говорить нечего — она быстро выложила дорогу болгарской коннице. Боян потом рассказывал мне, что было убито 15 кисанских и канских беков и с 2 тысячи бояров, не считая остальных. Из всего моего войска живыми ушли с две сотни человек с Ар-Аслапом, а оставшихся в Саране балынцев пленил Хисам. Кисан и Кан остались без конницы — лучшей части своего войска...

Бату было не лучше, чем Ар-Аслапу, и он подумывал о самоубийстве, с радостью ожидаемому в ставке великого хана. Когда я приехал в его ставку и объявил, кто я, он не поверил, посадил в отдельную юрту и вызвал старика Мергена... Наконец явился Мерген и подтвердил мою личность. Бату обезумел от радости и велел освободить моих джур, которых пытали, стараясь уличить меня во лжи. Несколько джур при этом умерли от невыносимых мучений. Бату, пытаясь добиться моего прощения, предложил мне за это деньги, но я ответил: «Деньги джур не заменят». Бату тогда спросил: «Что ты хочешь от меня?» Я же сказал: «Разве ты повелитель всех татар?» Хан смутился и, оглянувшись, сказал: «Нет, я всего лишь наместник великого хана Угятай в Кыпчаке». На это я заме-

тил: «Тогда я отвечу на твой вопрос Угятаю». Мы вместе отправились к великому хану, который уже знал обо мне и о моих ответах Бату...

Угятай встретил нас у ставки на лошади. Бату поспешил спешиться и подошел к великому хану, как провинившийся мальчишка. Тот что-то резко сказал ему, и Бату упал ниц к ногам его лошади. Я тоже спешился и приветственно поклонился... Великий хан, закончив свой короткий прием Бату, сделал мне знак, и я поехал вслед за ним. Мы подъехали к красивой беседке на живописном холме и вошли в нее, а джурь великого хана стали кольцом вокруг холма на почтительном расстоянии от нас. С нами был только переводчик, знавший кыпчакский и хорасанский языки, но, оказывается, Угятай неплохо говорил по-кашански, и мы часто обходились без посредника. Великий хан выразил мне свое восхищение моим ответом на предложение Бату взять деньги за погибших джур. «Ты великий кан, если сказал так! — заметил Угятай. — Не будь тебя — я немедленно покончил бы с Бату за гибель 15 тысяч наших воинов!» — «Я всего лишь эмир, — ответил я, отдавая себе отчет, перед кем сижу. — И я должен сказать, что похвала в устах настоящего великого хана становится еще более великой». — «Ты хочешь сесть на трон своего отца?» — спросил Угятай, которому мой ответ опять понравился и окончательно расположил ко мне. — «Да — но только тогда, когда тебе будет угодно заключить союз со мной», — ответил я.

Я не лгал. В Джун-Кале мне приснился сон, будто я один остался на пепелище разоренного города, и, проснувшись, я понял, что сам Творец указал мне спасти страну от разрушительного столкновения с Мэнхолом. Во время поездки, увидев мощь татар, я еще более укрепился в своем решении. «Откуда идет твой род?» — спросил Угятай. — «От канов хонов», — ответил я. — «Мой род тоже идет от канов хонов», — заметил великий хан. — Поэтому будет несправедливо, если ты будешь подвергаться унижениям в нашей империи». Его глаза заблестели, он становился все более воодушевленным... Наконец он встал и сказал: «Отныне ты будешь союзником Мэнхоло. Я признаю тебя эмиром Булгара и, кроме этого, общим послом наших держав на Западе».

Этим великий хан уравнивал меня с остальными Чингизидами, ибо посол государя Мэнхоло выше ханов и не подвластен им. Я был единственным нечингизидом, получившим титул посла и принятым, таким образом, в правящий дом Мэнхоло. Правда, дружеское расположение я встретил только у Манкая и Субята, остальные же не скрывали своей злобы ко мне или признавали меня только из страха перед великим ханом... А он, как мне говорили, очень напоминал

Чингиза — особенно в моменты своих воодушевлений, когда он принимал наиболее удачные свои решения... Но такая обстановка не была тягостна мне, ибо напоминала мое — привычное для меня — положение в Державе... Я радовался решению Угятай не по причине выгоды для меня, а потому, что оно ограждало Державу от бессмысленной гибели в столкновении с татарами...

Прибыв в ставку Мергена, который затрясся при встрече со мной, как перед великим ханом, я тут же разослал грамоты во все концы Державы. Мой дядя Иштяк, после некоторого колебания, признал меня эмиром Державы, и я перебрался из Кызыл Яра к нему в Уфу. Хисам и Ялдау также признали меня и обещали не помогать Алтынбеку. Кан же прислал ко мне дочь — Алтынча, которая в ответ на мой вопрос о причине этого, насмешливо заявила: «Отец сказал, что ты — баба, ибо изменил Державе, и поэтому свой указ об объявлении тебя мятежником поручил передать тебе мне». Иштяк усмехнулся, я же сдержался и сказал: «Передай отцу, что спасутся только те области, которые подчинятся мне, признанному татарами. Остальные же подвергнутся нашествию татар, и ничем помочь им я уже не смогу»...

Джелалетдин остался один с сыном и Бачманом и ничего не мог поделать, ибо Газан отказывался воевать со своими...

Чтобы предотвратить опустошение многолюдных областей, я велел татарам готовиться к походу на Буляр через Башкорт. Перед нападением ко мне приехал Юлай — посол верховного главы христиан Франгистана «Баба». Оказывается, одна из грамот Белебея дошла до Аварии благодаря садумскому купцу Кендеру, и моджарские папазы по приказу «Баба» отправились в Державу сразу же после набега Субята для подтверждения слухов о христианстве татар. Бадри помог им добраться от Сакланских гор в Банджу, которая примирилась с ним по требованию Сувар Иорты. Оттуда их вывез в Буляр сеид Гали, ездивший по стране с целью добиться единства Державы. Алтынбек не хотел пропускать Юлая ко мне, но, благодаря Фатиме, он смог добраться до Уфы. Говорил я с Юлаем по-альмански и на языке моей матери — байгульской сбэзрячки, и он неплохо понимал меня, ибо был моджаром. А я ему сказал, что татары подчинят все, что расположено между Державой и границей Альмании, и что это — дело решенное. И я обещал ему, как посол, что если франги не будут противодействовать этому, то границы Альмании татары не перейдут... А у меня была печать великого хана, и я отправил с Юлаем грамоту беку Аварии с призывом мирно подчиниться Мэнхоло. И Ас-Азим также говорил с Юлаем и призывал его помогать мне, как доброму к христианам эмиру... А Иштяка настолько взволновал рассказ Юлая о жизни моджар, что он стал

подумывать о переселении туда после завоевания враждебной Руси...

Наконец, потеряв терпение, Угятай решил подчинить мне Буляр силой. Когда я увидел, что 80 тысяч татар и 170 тысяч кыпчаков, туркмен и кашанцев устремились к Чишме, то заплакал, ибо знал, чем закончится это нашествие. Ведь сын доброго Угятай Гуюк жестко сказал мне, что будет воевать по татарским законам, то есть обращать сопротивляющиеся города в ничто. После двухнедельных боев татары из трех направлений смогли пробиться только на одном — центральном, потеряв 15 тысяч бойцов. С ними ожесточенно дрались все — вплоть до субашей, и я лишь смог добиться участия в этом своих башкортских булгар. Сарманцы пали все до единого при защите Табыл-Катау, куда ушли с моим приездом в Уфу. Манкай, пораженный их мужеством, велел сжечь их тела, что считалось высшей воинской почестью. Газан, пользуясь стойкостью крепости Барадж в низовье Чишмы, отошел к Джукетау и стал там, ожидая своего часа...

После нашего прорыва ак-чирмыши покинули восемь валов и отошли в Буляр, так что Субятай смог, наконец, пройти и с этой стороны. Столица, в которой собралось не менее 200 тысяч человек, из которых 25 тысяч были вооружены, была окружена. Татары осаждали ее 45 дней. Когда пала Хинуба, Газан прорвал кольцо оймек Мергена и нанес удар по тылам Гуюка, Байдара и Орду. Они были основательно разгромлены, и стоящий рядом Бату в ужасе отступил от города. Этим воспользовался эмир Бачман, бывший сардаром осажденных. Вместе с Алтынчач и 15 тысячами бойцов он прорвался по образовавшемуся проходу и ушел в Банджу, к Бояну. Здесь они не поладили, и Боян ушел в Буртас. Бадри же, изгнанный из Сарычина братом Манкай Бучеком, занял Рази-Субу...

Субятай едва смог восстановить порядок и отбить Газана. Тяжко раненный сардар отступил в Джукетау, но, видя полное изнеможение курсыбая, отступил в Кашан и там скончался. Обрадованный Мерген бросился в посад Тухчи и перерезал там немало купцов. Это возмутило всех, и ханы велели Бату разрубить тархана на части. Тот сделал это с крайней неохотой, ибо дорожил верным лично ему Мергеном. После этого татары стали заваливать землей и бревнами рвы и стены Мэн Буляра. Жители пытались помешать этому, обстреливая врага шередирами и железными стрелами, но когда эти орудия исчерпались, татары сделали несколько подходов к стенам. А я подъехал к городу и попытался уговорить жителей сдать, но был ранен стрелой в плечо и отнесен в юрту...

Осажденные сражались до последней возможности, но под давлением устремившихся на штурм татар, подожгли Мэн Буляр и

отступили в эчке-кальгу. Во время перехода потерялся внук Гали, и Саудия отстала, пытаясь найти его. Внук остался жив, но несчастную женщину, воспитывавшую его как своего сына, убил татарский камень...

Эчке-кальга держалась еще пять дней. Ее взял младший сын Чингиза честолюбивый Кулхан. Но когда он неосторожно вырвался вперед у мечети «Барадж», сын Карабаша Миннебай Ямат выстрелил в него с минарета Сулеймана и убил наповал. Фатима бросилась с этого же минарета с сыном Алтынчач и разбилась насмерть вместе с ним...

[Глава 25.] Гази-Барадж вновь становится эмиром Булгара

Услышав крики татар, я с трудом поднялся и вышел из юрты. В это время 10 тысяч уцелевших от резни булярцев вывели из цитадели в поле. Гуюк требовал умертвить всех, но я при помощи Манкай и Субятай отстоял мирных. После этого тысячу бойцов в доспехах отделили от пощаженных и приготовились умертвить их. Я случайно заметил среди них Гали, нарочно отворачивавшего от меня свое лицо. На руках он держал внука, испуганно вцепившегося в него. Не помня себя, я страшно закричал ханам, показывая на сеида: «Его нельзя казнить — ведь это верховный кахин булгар. Его гибель принесет мэнхолом несчастье». Бату — из суеверного страха, а Манкай и Субятай — из доброго расположения ко мне поддерживали меня, и Гуюк, потрясенный моим криком, согласился пощадить сеида. Мой джура силой стал уводить Гали от страшного места, но он все оборачивался на обреченных и пытался приободрить их молитвой. Однако с его губ срывались лишь неразборчивые слова, вскоре слившиеся с жуткими криками горожан, на глазах которых татары стали рубить последних бахадиров Буляра. А они показались мне гигантами и долго снились по ночам, и я не встречал более равных им по мужеству бойцов.

Едва держась, я отправился с Субятаем к Нур-Сувару, и в Нукрате мы встретились с выехавшими нам навстречу Ялдау и Хисамом. Гуюк настаивал на том, чтобы уничтожить Нур-Сувар за гибель хана туркмен Куш-Бирде. А этот хан погнался за Бачманом, но у Кермека был остановлен и убит юным сыном Газана Кул-Буратом. Однако Субятай, видя мое желание предотвратить большое кровопролитие, предложил ханам наказать лишь сам Кермек и отправился туда. Его мнение оказалось решающим, и все отправились за ним. Я умолил Кул-Бурата выйти со всеми с повинной, и тот догадался спасти себя и людей ложью о том, что будто бы Куш-Бирде сам утонул в болоте. А убитого хана действительно утопили

в болоте. Стали искать его, но, на счастье бахадира, вытащили лишь сапог Куш-Бирде и поверили ему. Я сказал Бату, что скорее всего кто-то помочился в болото и этим привлек Су-Анасы, жаждавшую сладострастия. Она схватила несчастного хана... и увлекла его в пучину. Стали искать виновника и действительно нашли одного, помочившегося в воду. Его тут же утопили в отместку за гибель Куш-Бирде.

Кермек, однако, дали разрушить тюркменам. После гибели хана они пришли в такую ярость, что, ворвавшись в эчке-кальгу Буляра, изрубили Алтынбека на куски. А я тогда потерял счет дням, и Ас-Азим сам исчислил, что Буляр пал 5 ноября 1236 года по летосчислению урусов...

Бадри, между тем, встретил в Рази-Субе новое посольство «Баба». Одного посла, по его просьбе, Аблас-Хин пустил в Банджу, но Боян перехватил его и казнил. Двое других послов, пробивающихся ко мне с ответом «Баба», добрались до Нур-Сувара. Я удержал их при себе...

Иштак, Кул-Бурат, Бадри и Тэтэш подняли меня в цитадели Нур-Сувара Барынту («Бурунда» на мэнхольском языке) на эмирский трон, и татары стали звать меня поэтому Бурундаем. Конечно, то, что я стал зваться только эмиром, огорчило многих, но я не мог иначе, ибо титул эмира оставил по договору с Угтаем. Мне пришлось уступить Кыпчаку и великому хану Тубджак и Саксин — в качестве платы за гибель 20 тысяч татар и 55 тысяч тюркмен, кашанцев и кыпчаков при взятии Буляра. Я поспешил вывести татар за пределы Державы, обещав им, как союзник Мэнхола, помочь продовольствием и воинами при завоевании Руси. Лишь Манкай с 50 тысячами татар и прочих остался осаждать упорствующий Мардан...

Так как все, что связано с врагами Мэнхола, татары запрещали, то мне пришлось переименовать курсыбаевцев в казаков, как звали хоны самых отчаянных бахадиров. Гали, несмотря на мои уговоры, отказался стать сеидом и удалился в знак протеста против разрушения Буляра в добровольное заточение в Алабугу. Я объявил сеидом Кылыча, который тут же возглавил и «Эль-Хум»...

Манкай осаждал Банджу целый год, пытаясь добиться мирной сдачи этого огромного и цветущего города. Дело в том, что я, жалея народ, соглашался в случае мирного исхода дела передать Банджу Бату для устройства здесь столицы его удела — Кыпчака. Однако арбугинцы стояли насмерть, дорожа более всего на свете своей древней свободой. Во время одной вылазки осажденных был захвачен сам Бачман с сыном. Бачман был казнен Манкаем, а сына тархана мне удалось выпросить у доброго хана и оставить при себе под именем Нарыка...

Аблас-Хин также отправился в Мардан и изгнал Боян-Мохаммеда из Буртаса. Тот принужден был явиться ко мне с повинной и получил от меня Казань, ибо Хисама я перевел в Болгар. Байтюбу, переименованную в Черемшан, я передал сыну Ялдау, который сел в Джукетау и поэтому был прозван Тухчи-Исмаилом. Татары звали Джукетау «Джику», поэтому и Исмаила они называли Джику. В его владении находились и окрестности Буляра, где уцелевшие булярцы возвели новый город Татяк...

Алтынчач, возглавившая банджийцев после гибели Бачмана, была замужем за сыном Бадри Буртас-Бегишем. Этот бек пал при защите крепости Барадж, из которой вывел всех жителей...

Поэтому, когда Бадри явился к Бандже и предложил снохе вывод из города всех хозяев, она послушалась его и выпустила за стены до восьми тысяч суварчиев с семьями. После этого татары пошли на приступ, гоня перед собой толпы аров и сербийцев. Последние защитники Банджи, запалив город, собрались в мечети «Сабан» и были в свою очередь сожжены там татарами после их безуспешных попыток взять ее. Алтынчач, однако, не нашли. Поговаривали, что она сумела вырваться из города и ушла с отрядом бахадиров-банджанакцев в Башкорт, где след ее затерялся. Сыну Мергена Тазбуге приказали найти ее, но тот утонул во время перехода через Агидель со многими из своего отряда. Ходили также слухи о том, что Иштак укрыл ее, свою внучку, в Чилябе, где она и умерла...

Банджа была полностью разрушена за гибель 6 тысяч татар и 11 тысяч кыпчаков и тюркмен, а ее суварчии — разведены мною по городам и баликам вновь устроенной вместо Беллака провинции Самар и Эчке Булгара. Центром Самар был избран бывший мензель Хорасан в Кинельской округе, на месте которого потом построили город. Его называли в честь банджийского купца Камыша Камыш-Сараем или Камыш-Самаром, ибо суварчий пожертвовал наибольшее количество средств для устройства города...

На зиму было намечено совместно овладеть Русью, Канская, Балинская, Джирская, Джунская и Джукетунская части которой должны были подчиниться и платить дань Булгару, а Галиджийская и Баштуйская — Мэнхолу. Я горел желанием расквитаться с Джурги за все те беды, которые претерпел по его вине. Когда Манкай взял Кисан, я тут же вышел из своего лагеря в Лачык-Убе с 500 казанчиев, 5 тысячами казаков Кул-Бурата и 3 тысячами арбугинцев Аблас-Хина и без боя вступил в Джун-Калу. Бояры радостно встретили меня, ибо знали, что только я могу спасти их от ужасов войны. Одновременно Боян через Нукрат прошел к Джукетуну и взял этот город при помощи увещевания Ас-Азима, которого я отправил с ним. Из Джун-Калы, где ко мне присоединились 2 тыся-

чи ульчийцев, я направил Бадри к Кану, а Кул-Бурата — к Кул-Асме, и они взяли эти города со страшной резней. Узнав об этом, Джурги оставил в Булымере Батыра и бежал на речку Шуд, куда стал собирать войска из Балына и Галиджа. «Тиле Балынлы» надеялся отсидеться в лесах и сохранить войско, чтобы потом вернуться и вновь овладеть своей землей. Я, однако, разбил его планы, послав в Галидж свою грамоту с извещением о возможности мирного перехода Галиджа под руку великого хана Мэнхола в случае невмешательства галиджийцев в войну с Балыном. Галиджийские бояры, прочтя грамоту, не помогли Джурги...

Утвердив Джун-Калу под властью Державы и оставив здесь Аблас-Хина, я пошел на Раджилъ. Кул-Бурат, идя впереди меня, взял и сжег эту крепость, а затем — Куш-Урму и Ар-Аслап. В Куш-Урме с нами соединился Боян, взявший после Джукетуна Балукту и Мир-Галидж, но добытое им было так велико, что я оставил его на месте. В Джир я вступил мирно, под звон колоколов, ибо здешние бояры помнили и любили меня. Они со слезами рассказали мне, что Джурги насильно вывел семью Васыла из города в свой лагерь и умоляли спасти ее... Между тем Гуюк взял Мосху благодаря сдаче сына Джурги, отстранившего Нанкая от власти. Нанкай же заперся в балике имени его предка — «Арбат», где бека и убили. Гуюк привез его голову к Булымеру, и Батыр, увидев ее, в горести сдался. Так как вначале он не хотел покоряться татарам и оказал им сопротивление, то Гуюк тут же велел задушить престарелого моего дядю.

Я же с джирскими проводниками устремился к Шуду, через сдавшийся моим боярам Амут. Ни один джирец — из ненависти к Джурги и любви ко мне — не сообщил Балынцу о моем стремительном движении. Три тысячи казаков и 300 суварчиевских ополченцев во главе с Кул-Буратом тихо обошли лагерь с запада и стали в засаде на пути в Галидж, а я ударил с остальными по самому стану Джурги. Впереди бежали 2 тысячи пехотинцев джирского бояра Дэбэр-Аслапа, которого Джурги ранее сослал в Джун-Калу за симпатии ко мне, а я назначил своим послом в Джире. Джурги бросился по Галиджийской дороге, но его возок угодил под выстрелы суварчиевских стрелков и мечи казаков Кул-Бурата. Соскочив с возка, Джурги пустился в чащу, но увяз в снегу. Нарык ловко подъехал к нему, и, отрезав его голову чиркесом, насадил ее на древко боевого знамени.

Бат-Аслап же был отправлен Джурги в Галидж с обозом, в котором находилась вся казна Балына. С ним были отправлены и Васыл, и его сын Барыс, ничего не знавшие об этом. Когда разъезд Бат-Аслапа встретил Кул-Бурата, то Бат-Аслап тут же повернул к югу и встретился с Гуюком, а Барыс в сумятице бежал к сардару и был

препровожден ко мне. Остальные родственники Васыла также присоединились ко мне со своими людьми, и я отнесся к ним как к своим сыновьям. Балынцы же — числом до 25 тысяч — были беспощадно изрублены моими людьми, потерявшими 500 казаков, 250 болгарских стрелков и тысячу джирцев и джунцев.

Бат-Аслап передал Гуюку казну и был пощажён ханом — однако не за это, а за его действия против меня. Он оклеветал бедного Васыла, сказав Гуюку, что тот нарочно направил своего сына ко мне с десятью возами из пятидесяти. Это была ложь. Но напрасно Васыл говорил, что ничего не знал о содержимом возов и не склонял Барыса к побегу. Гуюк мучил его страшными пытками и, не заставив бека обогатить сына и меня, в ярости убил.

Когда до меня дошло требование Гуюка о выдаче Барыса, я, опасаясь за его судьбу по причине ненависти хана ко мне, отправил бека с Нарыком в Булгар. Однако подозрение ко мне проникло в душу даже Бату, и только слова Манкая и Субята в защиту моей чести спасли меня самого от неоправданной расправы.

А меня всегда поражала та страсть, с которой многие ханы разбирали всякие слухи и дразги, прерывая на это время даже важные боевые действия, как будто от разбора пустых доносов зависела судьба Мэнхола. В моем случае только традиционно бесстрастные слова Субята о необходимости прежде всего поскорее выполнить указ великого хана прекратили затянувшийся спор ханов...

Получив приказ Бату и Гуюка двигаться с ними дальше, я заявил в ответ, что булгары воюют против Руси только в разгар зимы и отправился назад. Когда второй гонец обоих ханов предупредил меня от их имени, что я буду разделен на части за отказ идти к Галиджу, то я ответил через него о моем решении сохранить Галидж для великого хана. Тут уж Гуюк прикусил язык, вспомнив, кем я являюсь. В своем личном письме ко мне он просил не обижаться за убийство Батыра и Васыла и уверял, что не казнил бы их, если бы знал о моих родственных связях с ними. На это я написал, что их смерть случилась по воле Аллаха и что я не собираюсь винить за это кого бы то ни было, вызвав этим в душе хана единственный в его жизни проблеск симпатии к другому человеку...

После моего ухода ханы, чувствуя себя неуверенными без меня, остановились в трех переходах от Галиджа и повернули в степь. Караджарские и шамлыские беки, пытаясь предотвратить вторжение в их владения, послали в Казиле 20-тысячное войско во главе с каубуйским беком Кур-Амиром. Бек разместил большую часть своего войска возле города, а сам с 4 тысячами бойцов стал в цитадели. Татары, не зная, что город укреплен по болгарскому обычаю и защи-

щается беком кара-булгар, попытались с ходу взять его и потерпели неудачу. Бойцы Каубуйца, действуя согласованно из засады и города, сорвали все приступы татар. Бой шли шесть дней, а на рассвете седьмого Кур-Амир с остатками своего алая вышел из города и ушел в Батавыл. Отсюда он, однако, принужден был отступить в Караджар, ибо караджарский бек вывел оттуда все войско в свой город. Озлобленные татары разрушили оставленный им Казиле и преследовали его до самого города, но на взятие его не решились, опасаясь каубуйцев. Субятай, шедший в татарском войске последним, прибыл к Казиле уже после взятия этой крепости. Узнав о потере здесь 2 тысяч татар и 5 тысяч прочих, он единственный раз в жизни вышел из себя и упрекнул ханов в неосмотрительности. На этот раз даже отъявленные скандалисты смолчали и опустили головы — ведь во всех прочих битвах на Руси ханы потеряли 7 тысяч татар и 20 тысяч прочих, и казильские потери были равны всем ксанским! [...]

Уговорившись взять Караджар на следующий год, ханы пошли в степи на отдых. За время боев в Державе и на Руси они потеряли 35 тысяч татар и 91 тысячу прочих, и в степи вышло 45 тысяч татар и 79 тысяч прочих. А при взятии Буляра было убито 400 тысяч булгар, при взятии Банджи — 80 тысяч булгар, при взятии Кисана — 70 тысяч ульчийцев, при взятии Балына — 360 тысяч ульчийцев, при взятии Казиле и Батавыла — 100 тысяч ульчийцев. После этого в Державе осталось 1500 тысяч булгар и 750 тысяч аров, сэбэрцев, урусов и сербийцев, а в Кисане и Балыне — 4500 тысяч ульчийцев и 600 тысяч аров...

Вскоре после моего возвращения с Балынской войны ко мне прибыл доверенный человек или башкак великого хана — кашанский хан Кутлу-Буга (брат жены Угятай) с монгытской тимой сыновей Чамбека — беков Калмака и Бурилдая. Башкаку были поручены контроль за великоханскими областями и посредничество между мной, то есть Державой и Кыпчакской Ордой. Он едва поделил между своими монгытами и братом Бату Беркаем округа Джанка и Саксина, причем дело это сопровождалось ссорами и угрозами со стороны Беркай. Еще труднее оказалось разграничить владения Державы и Кыпчака. Склонный Беркай вдруг предъявил претензии на весь Самар — бывший Беллак — и вторгся в эту провинцию Державы со своими кыпчаками. Бадри с Нарыком двинулись на наглеца, но, к несчастью, молодой и заносчивый Бурилдай вмешался в дело на стороне Беркай. Наши победили с 300 кыпчаков и со 100 монгытов и очистили Самар от их присутствия, но спор наш из-за монгытов получил неприятный и опасный вид столкновения с Мэнхолом. Поэтому я прибыл к Кутлу-Буге и дал в совместное пользова-

ние Беркаю и монгытам наиболее безлюдный округ Самара. Добрый Кутлу-Буга громко объявил об этом смутьянам, как о великой уступке Державы, прозвал меня Санном и заставил их прекратить тяжбу со мной. А я прозвал Кутлу-Бугу «Багрим» и ни разу не разочаровался в нем.

Аллах один ведает, что бы было между Державой и Кыпчаком, не будь он башкаком!

Я дал Кутлу-Буге один квартал Гюлистанского балика Болгара, и сюда он вызвал из Галиджа бека Ар-Аслапа и назначил его ответственным за безопасный сбор мэнхолской и булгарской дани с Галиджа. Тот явился с обретыми в знак покорности головой и подбородком и выплатил дань за три года. Кутлу-Буга взял из дани долю Мэнхола, я — долю Державы — четвертую часть. А и эта четверть вдвое превышала старую полную джирскую дань, складывавшуюся из джирской, кисанской и канской долей...

После Ар-Аслапа в Болгар стали приезжать и другие ульчийские беки... А когда прибыл бек Кара-Ульчи и Бури-Сала Даниль и договорился с Кутлу-Бугой о переходе его владений под руку великого хана, Беркай вероломно напал на Бури-Сала и вырезал его население. Узнав об этом, караджарский бек Мышдаулы свернул с Болгарской дороги обратно, и Манкаю пришлось брать его город силой. Кур-Амир держал город до последней возможности, а затем отступил в Шамлын. Здесь он скончался от полученных ран и был погребен с почестями, как бахадир, спасший город от татар...

В 1240 году я получил ответ великого хана на свое письмо, в котором Угятай призывал меня помочь татарам покорить Башту, Байлак и Моджар. Я стал готовиться к походу и выехал в Мухшу, но, внезапно, Беркай напал на Буртас. Бадри помог городу устоять, но округ был совершенно разорен. До 50 тысяч буртасских булгар бежали в Эчке Булгар, и их рассказы о зверствах татар взволновали все население. Воспользовавшись этим, Ялдау поднял мятеж против меня и при помощи Бояна и Исманла захватил Нур-Сувар и Болгар и схватил Хисама. Хитрый Ялдау, однако, не решился в обстановке неопределенности объявить себя каном и поощрил джиген повстанцев на провозглашение главой страны Гали с титулом сенда. Мулла не покинул Алабугу ввиду своей немощности, но согласился стать во главе Державы. Он немедленно прислал в Нур-Сувар свой фирман, в котором говорилось: «Волею Аллаха я, сеид Мохаммед-Гали, принимаю власть над Булгарской Державой и объявляю джихад проклятому татарскому воинству».

Следуя воле Творца — истинного эмира всех мусульман — провозглашаю также:

— Все люди рождены быть равными. Да исполнится воля Всевышнего.

— Пусть отныне все игенчен, принявшие ислам, переводятся в разряд субашей и ак-чирмышей, а остающиеся в язычестве — кара-чирмышей.

— Пусть народ не платит и не служит никому, кроме своей собственной Державы.

— Пусть правители всех рангов выбираются и смещаются джене-нами мусульман, где категории казаков, ак-чирмышей, сувар и субашей имеют равные права.

— Пусть тот же джене принимает все законы Державы, вплоть до решения о войне и мире.

— Пусть правители правят по закону, а рыцари служат казаками за казенное жалованье или переводятся в разряды сувар или игенчеев.

— Пусть будут восстановлены разумные пределы богатству и налогам, установленные Талибом.

— Пусть каждый сам избирает категорию своего существования, и это его право будет неприкосаемо.

— Пусть купцы и мастера добровольно увеличат долю рядовых участников их дела.

— Пусть каждый имеет право обратиться в суд, назначаемый мною и следующими за мною выборными сеидами, с жалобой на любое лицо и получить справедливое удовлетворение по закону.

— Пусть за доказанные вымогательства, воровство, прелюбодеяние и другие преступления виновные в них изгоняются из Державы без права возврата в нее...»

Там было еще что-то, но я запомнил лишь это, самое важное.

Заканчивался фирман следующими словами: «Пусть каждый, кто может носить доспехи, опояшет себя мечом для священной войны за эту волю Творца.

Свидетельствуя истинность сказанного, я, сеид Мохаммед-Гали, свою печать к написанному приложил».

Получив фирман, Ильяс ужаснулся и попытался скрыть его. Ведь он не собирался подчиняться сеиду, и лишь хотел использовать его имя для собственной выгоды. Но фирман дошел до народа, и игенчен и мелкие хозяева стали нападать на казанчиев, билемчеев и суварбашцев. Кул-Бурат, назначенный сеидом сардаром, набрал в свое войско курмышей и кара-чирмышей и в сентябре вступил с ним в Болгар и Нур-Сувар.

Бату в это время осадил Башту. Я не стал сообщать ему о мятеже, дабы не стать виновником срыва похода татар. Кутлу-Буга, узнав о бунте, взял у Бату лучший корпус Субята и послал эмира мне на помощь в Мухшу. Без Субята татары оказались неспособными к действиям против Башту и отошли от города.

Когда Субятай подошел, я двинулся с ним и Бадри к Нур-Сувару. Казанчии и суварбашцы, перепуганные бунтом черни, забыли о джихаде и только и ждали моего появления. Едва я подошел к Нур-Сувару, как суварбашцы и казанчии предали отряды черни и Ильяс выехал ко мне с повинной и с головами восьми мятежников. Кул-Бурат не стал биться с Бадри, которого я предусмотрительно выслал вперед, и отошел в эчке-кальгу Болгара. Зато отряды черни оказали нам отчаянное сопротивление, но были рассеяны.

В Болгаре же, утром, перед нашим подходом к городу, суварбашцы и казанчии напали на отряды черни и подвергли их беспощадному истреблению. Боян и Исмаил выехали ко мне из города, в знак подчинения связав себя веревками... После этого и Кул-Бурат выехал из цитадели, получив мое заверение пощадить его казаков. Озлобленные казанчии напали на него, и арбугинцы Бадри едва разъединили дерущихся. Субятай, удерживаемый мною, не вмешивался, и я сам, в обмен на пощажение Нур-Суvara и Болгара, велел снести укрепление «Мумин». Ильяса, Бояна, Исмаила и Кул-Бурата я простил. Бахадир мэнхолов выразил свое удивление моей мягкостью, на что я сказал: «Разве можно управлять страной, истребив своих лучших беков и казаков за минутное шатание?» Субятай махнул рукой и, передохнув, отправился к Бату.

Гали, узнав о происшедшем, слег и более не поднялся. Я ничем не потревожил его уединения. Только после похода на Запад я послал в Алабугу Кул-Бурата, поручив ему перевезти сеида в Нур-Сувар. Я мучительно хотел объяснить Гали мотивы своих поступков, но мне это не удалось. Сардар застал сеида умирающим. У столицы он загнал лошадей, и сам впрягся в арбу. Увы — он ввез в Нур-Сувар уже бездыханное тело Гали с книгой «Хон китабы» на груди. Я погреб наставника возле своего дворца, но долго править после этого уже не мог. В 1242 году, подняв на трон Державы Хисама, я уехал к Бату, давно просившему меня стать его везиром...

Тогда же, после подавления «Войны Гали», я чувствовал себя счастливейшим человеком, ибо спас от разгрома Нур-Сувар и Болгар. Оставив в столице Хисама, а в Болгаре — Кул-Бурата, я с Аблас-Хином, Бояном и Нарыком и 5 тысячами суварчиев, казаков и арбугинцев двинулся вслед за Субятаем к Башту... Мы прибыли к Бату в конце октября 1240 года. Хан беспомощно топтался под Башту, ибо каубуйцы, озлобленные разгромом татарами их провинции, отбивали все попытки Бату наладить осаду города. Гуюк был вне себя, ибо Угятай велел всем ханам, кроме членов дома Джучи, прибыть к концу года к нему. Субятай был также взволнован и бросился ко мне со словами: «Теперь ты должен помочь мне!» Я, тронутый проявлением в нем человеческих чувств, немедленно вы-

двинулся вперед. Каубуйцы и тюркмены, увидев мой хонский стяг, тут же перешли на мою сторону, и татары смогли замкнуть кольцо осады Башту. Четыре тысячи каубуйцев я присоединил к своему войску, и не пожалел об этом... Случилось это 5 ноября по милладу, как мне говорил Ас-Азим. Я же уже дней не считал...

Когда к Башту стало возможным подойти вплотную, хинские мастера стали неумело бить по стенам. Дело затягивалось, и Бату в раздражении стал драть мастеров плетью, грозя им страшными карами. Я, отлично зная слабости урусских укреплений, не стал, однако, помогать им советами, ибо после гибели Буляра не мог уже выдерживать вида жестоких убийств ни в чем не повинных людей. Жалея и бантуйцев, я велел Бадри подъехать с нашей стороны к стене и вывести хотя бы часть жителей из города. Когда Аблас-Хин крикнул осажденным: «Выходите! Сейчас будет приступ!» — и высоко поднял наш хонский стяг, бантуйцы стали выходить из Медных ворот. Пока не подъехал Гуюк, я успел пропустить через свои порядки с 5 тысяч жителей. Гуюк, подскочивший внезапно, отеропел от увиденного, но, к счастью, Бадри успел бросить наш стяг на стену прямо в руки догадливого бантуйца, и я выдал происходящее за вывод пленных из взятых мною ворот. Гуюк не мог прямо изболтывать меня, так как бантуйцы размахивали болгарским стягом, и в бессильной ярости велел мне уступить свое место Манкаю. Пока хан подходил, бантуец вышел из города с моим стягом, а его товарищи вновь наглухо закрыли ворота. Бантуйца звали Якубом, и был он сыном того кумана Булсана, который по приказу Хонджака тайно вывел пленного бека Угыра домой. Я поручил ему вышедших из города бантуйцев, и он смог благополучно вывести их в Галидж. Мы же отошли от города, и я под видом несправедливо обиженного, уединился в юрту, дабы не видеть последовавшей вслед за этим бойни...

Мы простояли у Башту еще недели две после взятия города татарами, ибо Бату устроил прощальный пир уходившим домой Чингизидам. Меня нарочно не позвали, ибо все, конечно, раскусили мою пехитрую басню о бежавшем из-под стражи бантуйском полоне. Только подвыпивший Субятай решился выйти ко мне под видом справления естественных надобностей и, почти насильно всучив мне тайно вынесенную чашу с арчей, сказал: «Не понимаю — почему Сулдан любит тебя — ведь ты не хочешь быть сулданом? Сам бы не пил с тобой за твое лукавство, но делать нечего — сам Сулдан явился мне сегодня ночью и повелел поднести тебе эту арчу! Воюй! Воюй!» [...]

А татарское слово «сулдай» произошло от хонского «сулдаш», что значило «наемник», только болгары потом стали произносить это

слово по-сабански: «юлдаш». Но Субятай не хотел обидеть меня, ибо по-татарски слово «сулдай» значило «храбрейший воин»...

Плененный бантуйский бояр Дима-Карак, взятый каубуйцами возле нашего лагеря, прельстил Бату походом на Аварию лживым обещанием легкой победы. Я сделал все, чтобы предотвратить это вторжение, но ненавидящие меня Байдар и Орду склонили Бату к нему. Тогда я заявил, что не буду воевать с моджарами ввиду их кровного родства с булгарами, и Бату не без сожаления согласился направить меня через Байлак и Бахту на соединение с ним в Аварии. Он хотел придать мне молчаливого Кыдана..., но Байдар и слепо подчинявшийся ему Орду настояли на посылке со мной именно их. В ожесточенном споре они громогласно обвинили меня в стремлении изменнически соединиться с франгами и ударить с ними по Бату, но Субятай свел на нет их оранье, указав на мизерность их заслуг в сравнении с моими и на изменнический характер как раз их собственного беспомощного топтания у цитадели. Всю дорогу я жалел, что вырвал Дима-Карака из рук каубуйцев, которые хотели прикончить бояра за набеги на их владения...

Мы выступили раньше Бату, и на пути в Байлак к Байдару примкнуло с 10 тысяч шамлышцев бека Миканя. Шамлышцы занимали стены попадавшихся на пути городов, а татары грабили и жгли их...

Поход этот был самым отвратительным в моей жизни. Зверства и бессмысленные убийства татар выводили моих людей из себя, а мэнхолов бесило то, что я всегда разбивал стан поодаль от них и вызывающе окружал его возами, щитами и завалами из деревьев...

У Байдара было, кроме шамлышцев, 4 тысячи своих мэнхолов и 20 тысяч разного юлдашского сброды. Почти каждый день у его лагеря происходили дикие сцены. Однажды Орду обвинил кыпчаков в том, что они украли и съели татарских овец. Байдар велел уничтожить за это сотню кыргызов, хотя во всей степи они славилась своей природной честностью. Когда обреченных на страшную казнь стали вязать, они бросились к моему лагерю, крича: «Помираем! Спасите нас!» За годы столкновений с мэнхоломи мои люди поотвыкли от вмешательства в их дела, но тут, услышав крики о помощи на родном языке, не выдержали и высыпали на возы с оружием в руках. Татары, преследовавшие беглецов, остановились и стали расстреливать их из луков. Только троем кыргызам удалось перелезть через возы, но один из них уже был смертельно ранен и, умирая, сказал мне: «Спасибо тебе за то, что избавил нас от страшной казни. Пусть Тангра помилует тебя в судный день!»

Я спешно велел одеть одежду остальных беглецов на двух умерших от ран каубуйцев...

Из Батавила я отправил своих людей с письмами к артанскому

беку Аскалу и сыновьям галиджийского бека, подчиненным мне и Кыпчаку. Один из них [последних] Алак-Джан отличился зверствами и разгромами церквей во время штурма Башту, а позднее — тем, что не помог нашим купцам на озере Нурма во время нападения альманского отряда и позорно бежал от него с 8 тысячами галиджийцев. Другой же помог мне вывести в Галидж баштуйских анчийцев, а потом с 300 своих джур и анчийцев и 200 артанцев Аскала разбил тот самый альманский отряд из семи беков и 600 каратунских людей... Аскал раньше служил в Булгаре и участвовал со мной в походе на Джукетун, а потом был моим проводником в Байлаке. Он неоднократно храбро защищал наших купцов и мстил галиджийцам и альманцам за разбои. Я отпустил его домой с одним из послов «Баба»...

Бату передал свой указ о даровании русской церкви больших прав через Алак-Джана, и тот выдал его за результат своих усилий, хотя за церковь хлопотал его брат. Еще раньше Алак-Джан приписал себе победу иске-галиджийцев и перешедших на их сторону садумских аров над садумцами, хотя прибыл на место битвы уже после нее и только лишь безжалостно изрубил всех пленных...

ГАЗИ-БАБА

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ГАЗИ-БАРАДЖА

1262 год

А вот отрывок из «Жизнеописания Гази-Бараджа» самого Гази-Бабы:

«В 1241 году мой эмир Гази-Барадж участвовал в походе на Альман и дошел до Аварии или Моджара. Тамошние ульчийцы и альманцы устроили засаду и ночью убили татар, шедших с эмиром. Наши стояли отдельным станом и не пострадали при этом, но когда двинулись дальше, то обнаружили погоню. Тогда уже эмир устроил засаду у города Бураш и перебил не менее 10 тысяч преследователей. С головами врагов на копьях наши подъехали к городу и заставили его сдаться. Там эмир запасся всем необходимым и, пройдя в Моджар, соединился с другими татарами. Узнав о гибели своих, эти татары хотели было отомстить разгромом Моджара, но эмир отказался от этого под предлогом родственности моджар и булгар и этим заставил их повернуть назад, в Кыпчак. А эту область великий

кан татар передал в качестве тарханства своему родственнику, хану Бату... Когда татары и наши на обратном пути остановились в Башту и хан спросил, как удержать многочисленных ульчийцев под своей властью, эмир сказал ему: «Среди ульчийцев есть очень много недовольных своими беками — это анчийцы. Собери и соедини их с каубуйцами в одно войско — и оно будет верно служить тебе». Бату так и поступил и велел войску называться татарским, ибо татары называли всех служивших им [нетатар] «татарами»... Но каубуйцы отказались, и тогда эмир предложил хану назвать воинов этого войска казаками. «Слово казак у булгар означает доблестного бахадира, сражающегося без кольчуги в знак пренебрежения к смерти. Такие бахадиры дают обет не жениться до тех пор, пока не прославят себя воинскими подвигами. Пусть эти воины будут подобны казакам», — добавил Гази-Барадж. Бату понравилось это предложение, и он утвердил его. А еще раньше казачье войско эмир создал в Булгаре, и оно заменило курсыбай...

В 1242 году Гази-Барадж поднял на трон в Нур-Суваре своего сына Хисама и отправился из Булгара в Кыпчак, ибо принял предложение великого кана стать его башкаком в Кыпчаке с целью присоединения Кыпчака к Булгару. Он построил для Бату город Сарай и населил его булгарами. Кроме этого, он старался в Кыпчаке везде ставить у власти булгар. Врагом ему в Кыпчаке был брат Бату Беркай, опиравшийся на хорезмийцев и кыпчаков... Больше всего Беркай раздражало то, что Булгар собирал дань с Балына, Джира, Джукетуна, Кана, Джун-Калы и Балукты...

Великий хан просил Гази-Бараджа нанять на службу ему наших мастеров и салчиев для завоевания Мачина, острова Имэн и других стран. Вызвано это было рассказом чинцев о том, что тысячу лет назад пришла в Чин из Буляра тысяча людей двух родов — май и иштак — и что эти булгары прославились как отличные мореплаватели. Однажды они были отправлены на завоевание Дальнего Мачинского острова и не вернулись. Только один булярец прибыл оттуда через Ближний Мачинский остров и сообщил, что жители той страны притворно подчинились булярцам, но ночью потопили все их корабли... Он нанял требуемых людей и послал их с огромным караваном к великому хану...

В 1246 году, когда в Сарае умер Гази-Барадж, его конюший Ялдау поднял Бояна и Тухчи-Исмаила на новое восстание против Хисама и татар. Мятежники захватили Болгар и Нур-Сувар и схватили Хисама. Эмиром стал Ялдау. Но на этот раз озлобленные прошлой изменой уланов субаши и казаки Бурата не поддерживали беков. Великий кан прислал на помощь Хисаму Уран-Кытая, и тот совместно с Буратом и Калмаком осадил Нур-Сувар... После того,

как Ялдау был убит на стене стрелой, нурсуварцы открыли ворота Бурату. Бурат вывел все население вон, после чего татары сровняли город с землей. Когда брат Калмака Бурилдай топтал копытами своего коня могилу Гали возле эмирского дворца, к нему подошел старик из числа братьев «Эль-Хум»а и сказал: «Что ты делаешь? Ведь это могила святого! Ты сам кличешь на свою голову смерть!»

Но Бурилдай разрубил голову брата мечом и продолжал святотатство...

А Калмак взял себе прозвище Бурундай, так как спас вместе с Буратом население Нур-Сувара от гибели и хотел помнить об этом...

Боян и Тухчи, бежавшие из Нур-Сувара, заперлись в Болгаре, но и им под давлением оробевших суварчиев пришлось освободить Хисама и бежать под покровом ночи. Говорят, что Бурат тайком пропустил их через свои порядки ради спасения города. Освобожденный Хисам упрямил Уран-Кытая в память о дружбе их отцов, даже умерших в один год, пощадить Болгар для своего местопребывания, и сын Субята отвел татар прочь. Так Болгар вновь стал столицей Булгарской Державы...

Галимбек изгнал тогда же Бояна из Казани, и тот основал в 1247 году Ар-Калу или Арча-Балик выше по течению Арсу. Затем он в 1248 году основал новую Ар-Калу, которую стали называть и просто Арчей...

Гази-Баба сохранил и следующее важное суждение сеида Гали по данному вопросу:

«...Могущество нашего государства — начиная со времени Иде-ля в Ура или Старом Туране — временами угасало потому, что сам народ переставал быть заинтересованным в его укреплении и поддерживал своих царей только в периоды вражеских нашествий...» [...]

МОХАММЕД-АМИН

ПРАВЕДНЫЙ ПУТЬ, ИЛИ БЛАГОЧЕСТИВЫЕ ДЕЯНИЯ БУЛГАРСКИХ ШЕЙХОВ

1483 год

А теперь я хочу привести те сведения, которые я — слава Аллаху — смог почерпнуть в книге нашего знаменитого шейха Мохаммед-Амина «Праведный путь, или Благочестивые деяния булгарских шейхов», написанной хаджи в 1483 году, незадолго перед кончиной. Менла уделяет в своем труде немало внимания тому, что ускользнуло от взгляда или недостаточно было освещено Якубом ибн Нугманом, Гази-Бараджем, Бу-Юрганом и бахши кана Шейх-Гали Айхума. Я, как всегда, перескажу основное, не останавливая внимания на второстепенных деталях, и прежде всего перечислю имена самых знаменитых шейхов, их родителей, последователей и потомков...

Начну я свое краткое изложение с шейха Хасана, который прибыл в Болгар в 903 году с посольством Абдаллаха ибн Башту... Мохаммед-Амин утверждает, что предком Хасана является шейх Юнус — один из потомков самого Посланника, и что из рук этого Юнуса бурджане приняли истинную веру в 737 году в Джураше. А Абдаллах поехал в Багдад потому, что Миканль завещал отправить булгарское посольство к эмиру мусульман для получения от него необходимого благословения Булгарской Державе.

В 901 году тебир прибыл в Багдад и был тепло встречен халифом. Халиф расспросил Абдаллаха о Булгарской Державе, ее законах, царях и народе и был весьма обрадован, когда услышал об утверждении ислама в среде потомков славного племени Искандерова и знаменитых своей храбростью и стойкостью хонов, кыргызов и башкортов... Халиф обещал послать к кану большое посольство со своими грамотами и знаменем, а пока попросил провезти в Булгар своих гонцов для проводывания пути и совершить подвиг в войне с врагами ислама. Абдаллах в сопровождении слуг халифа совершил хадж, а потом отправился в Булгар вместе с гонцами эмира мусульман — шейхом Хасаном ибн Джаббаром ибн Юнусом, мастером халифской фабрики Масудом и купцом Мусой. А поездка эта производилась на средства благородного Мусы, говорившего: «Все

затраты — радость для меня, ибо я делаю их ради истинной веры, спасающей на этом и на том свете!» [...]

Алмыш был несказанно обрадован прибытием гонцов халифа, провозгласил шейха Хасана сендом и тут же повелел сыну Газану отправиться в Аварию и Башту поднимать Арбата и Салахби на священную войну против неверного Рума. Газан отправился в путь вместе с Абдаллахом, и в 904 году они достигли батавыла Арбата на Суле... Арбат на призыв отца ответил, что он и так уже вносит вклад в борьбу с неверными набегами на Бурджан, но что он, кроме этого, пошлет к Алмышу для участия в священной войне сына Джакына... После этого они втроем вернулись в Башту, где Джакын, боявшийся далекого Булгара, захотел остаться, тем более, что обрадованный его намерением Салахби предложил ему и двор его деда, и помощь в деле возврата кара-булгарского трона. Абдаллах был против этого, но Газан, видевший в Джакыне лишь очередного соперника в будущей борьбе за трон, поддержал племянника и своей властью оставил его в Башту. Договорившись с Салахби о совместном выступлении против Рума в 905 году, послы отправились на родину через баштуйский уже Караджар, но здесь их неожиданно встретил кара-булгарский бий Рыштау. Он, богато одарив послов, велел передать кану, что в этой войне каубуйцы не выступят на стороне Хазарии и в случае опасности защитят Башту...

В 905 году буртасы вместе с куманами напали на Булгар и, хотя и были разгромлены и заплатились за дерзость, все же отвлекли силы Державы от румских границ. Одновременно с этим зловерный сын Ас-Халиба Худ пробрался по Идели к Джире и, наwerbовав здесь людей в свою шайку, пошел на Галидж и овладел им. Однако Салахби все же спас честь Державы и произвел успешное нападение на Рум. Благодаря доблести анчийцев была взята невиданная добыча и столько пленных румцев, гурджийцев и альманцев, что Салахби заселил ими целый квартал своей столицы. Часть румской добычи в качестве джирской, баштуйской и караджарской дани отважный бий послал кану. Привезли ее Балус, анчийский голова Джун и его сын Барыс, и были в ней румские материи, чинские шелка, фарангская посуда, альманские мечи, ковры из гурджийской области Арьяк и многие другие дивные вещи. Половину этих богатств кан велел направить в дар халифу в качестве доказательства успехов в священной войне. В 906 году с ними отправился в Багдад Муса и слуга сенда. Этот слуга оказался зловерным человеком, и я не буду называть его имени, чтобы он не остался даже в памяти. Завидуя своему хозяину, он решил нанести ему вред и по пути склонил одного из биев Салара к нападению на царский караван. Тот дал волю своему коварству — убил и ограбил

благородного Мусу, после чего откочевал со взятым к пределам Хорезма. А слуга пробрался в Багдад и сообщил халифу об отказе Алмышы от истинной веры и от выступления на священную войну и даже об убийстве каном халифских гонцов. Эту чудовищную ложь некому было опровергнуть, поэтому она произвела впечатление на халифа и заставила его отказаться от посылки к кану Великого посольства...

В 911 году Абдаллах вновь прибыл в Багдад к трону правителя правоверных и добился от халифа отправки Великого посольства в Булгар. Но когда в 912 году посольство достигло Бухары, пришла громовая весть о нападении урусов на мусульман Азербайджана и Персии. Оказалось, что это Худ со своими садумцами и балынцами начал войну с Державой. В 911 году он внезапно появился у Башту. Баштуйские балынцы, недовольные господством анчийцев на Руси, вероломно открыли под утро врагу ворота и вместе с вошедшими в город галиджийцами бросились на садумцев Салахби и анчийцев Барыса. Салахби удалось вырваться из города и уйти в Джир через Караджар, а Барыс, прикрывавший его отход, попал в плен. В руках Худа оказались и сын Лачына Угир, и захваченный врасплох Джакын. Хазарский бек Арслан тут же предложил Худу совершить набег на Булгар и Гарабстан в отместку за заключение ими союза против Хазарии, а за это пообещал оставить Башту за ним и брать с него за владение Русью небольшую дань. Худ и сам искал повода к войне с Державой, ибо стремился отторгнуть от нее Джир и страшился ее союза с его заклятым врагом Салахби. Вместе со своими галиджийцами он внезапно напал на Булгар в тот момент, когда буртасы и куманы осадили Мухшу и Буртас-Сувар, а тюркмены Салара двинулись к городу Сульче, который называли Сельджук. Между ханом и Алмышем существовала договоренность о женитьбе их детей, которая была подтверждена после рождения у кана от его жены — сакланки — дочери Зухры, а у Салара — сына Тахира. Но когда хан отказался от предложения Джафара организовать совместный поход на Итиль в отместку за изгнание Салахби из Башту, властный и крутой кан объявил о своем желании выдать Зухру замуж за Аскалу и в свою очередь вывел из себя Салара. Узнав об этом, старый подстрекатель Арслан предложил Салару организовать совместное нападение на Булгар, и хан пошел на это. Орда тюркмен осадил Сульчу, заперев в городе Аскалу и прибывших к нему детей Алмышы — его невесту Зухру и шахзадэ Мала.

Газан, посланный каном на выручку города, предпочел вернуться, не вступив в битву. Потом он изобразил дело так, будто бы бросился назад, получив ложную весть о нападении Худа на Булгар. В действительности, Худ отправился в набег на исламские области

Булгарского моря и взял там богатую добычу. А Салар, между тем, взял Сульчу и пленил Зухру и Мала. Аскалу удалось скрыться через ворота, штурм которых был поручен хазарским союзникам тюркмен. Возглавлявшие хазар сыновья Бакчуара — старший Алан и младший Юсуф — не двинулись с места и после ограбления Сульчи выразили желание остаться для защиты города и охраны полона. Салар охотно оставил стеснявших его союзников и двинулся к Болгару с сыновьями Алпамышем и Тахиром. Тюркмены размякли после первого успеха и поэтому двигались беспечно и нестройными толпами. Говорили, что Алмыш готовился к худшему, когда правое крыло огузов было внезапно для них атаковано из-за леса бершудским ополчением сына Бел-Юмарта Бырака. Это было в виду Болгара, и находившийся рядом с каном Джулут немедленно ударил по тюркменам из города в лоб. Когда началась сеча, Бырак тут же отскочил от огузов к лесу и стал расстреливать их стрелами. Не знавшие за что хвататься — за мечи или луки и потрясенные внезапно обрушившейся на их головы бедой тюркмены растеряли весь свой победный пыл и вскоре обратились в паническое бегство...

Доскакав до Сульчи, Салар и его сыновья испытали новое потрясение: хазар здесь уже не было. Оказывается, в их отсутствие Марджан переправился с арбугинской стороны на болгарскую и напал на неверных. Хазары тут же обратились в бегство. Хитрому Юсуфу удалось с полонем добраться до Итиля, а вот Алан попался в плен...

Салар тогда оставил сына Алпамыша прикрывать отход, а сам стремительно ушел в степь. Когда Бырак и Джулут подошли к Сульче, Алпамыш сценился с ними, но бился вяло и скоро попал в плен.

Далеко в степи хан с сыном опомнились. Тахир вспомнил о потере прекрасной Зухры, в которую был безумно влюблен, и завыл от отчаяния...

Халиф, узнав о разгроме Худом исламских областей, пришел в сильное расстройство, обвинил Алмышу в нерадивости в деле защиты владений мусульман и вернул назад Великое посольство. Абдаллаху пришлось добираться домой одному. Он не рискнул ехать через враждебные Хорасан и Тюркистан и отправился на корабле через Булгар дингезе к устью Джанка. Отсюда он вдоль реки двинулся к кочевьям булгарских баджанак, но наткнулся на хазарский разъезд, искавший Алана, и был им взят в плен.

Салар потребовал от Арслана выдачи взятых тюркменами Зухру и Мала, но бек, видя ослабление огузов, наотрез отказался сделать это, под предлогом необходимости возвращения детей отцу. Правда, чтобы успокоить хана, Арслан обвинил похитителя полона Юсуфа в

краже Зухры и бросил того в зиндан. Однако хана это не удовлетворило, и он с сыном внезапно напал на Итиль в момент возвращения в город из набега Худа. Оказавшись между дерущимися друг с другом хазарами и огузами галиджийцы стали бить и тех, и других. Тахиру удалось прорваться к хаканскому дворцу, и бек счел за благо выдать ему Зухру. Счастливый юноша стал переправляться с невестой через Идель, но попал в окружение галиджийцев. Те по приказу Худа убили его, а Зухру схватили и присоединили к 40 пленным мусульманкам, захваченным ими в набеge. Салар в ярости атаковал галиджийцев, и они, спасаясь, поплыли вверх по Идели. Худ хотел пройти к Джиру и овладеть этим городом, но у Болгара путь ему преградил флот Салахби. Из всех кораблей галиджийцев только трем с 40 невольницами и Зухрой удалось прорваться к Джиру. Там к ним присоединилось несколько садумцев Салахби, уговоривших их отплыть с захваченным золотом и полонем в Садум и с большой выгодой продать там красивых девушек. Разбойники решили пройти в Садум по Айхи-юлы («Дороге Айхи»), которая начиналась в пределах Державы и шла через всю провинцию Бийсу к устью реки Бийсу, где был балик Айхи-Кала, а от него — по морю Кук дингез, бывшему частью моря Ак дингез, до острова Садум. А плавание по этому морю было очень трудным, ибо оно большую часть года было сковано льдом, из которого жившие на побережье урцы делали стены для своих юрт и ограды. Только один месяц здесь было сравнительно тепло, и тогда стены изо льда таяли, и урцы оставались в юртах, а море освобождалось ото льда. Основал этот путь и город потомок купца Туймы — Айхи, почему они и получили его имя. А произошло это так. Однажды Айхи был по торговым делам в Джире и встретился с отцом Салахби — Эреком. Эрек с сожалением заметил, что купец привез отличный товар, но не может провезти его в Садум и Альман из-за закрытия галиджийцами пути к Артан дингезе. Тогда Айхи сказал, что море есть и в Бийсу и по нему можно попытаться добраться до Садума. Тогда Эрек взял человек 150 из своих воинов и отправился с ними на реку Бийсу. Там они заготовили дерево, из которого весной сделали корабли и летом вышли на них в море. Они добрались до Садума и затем вернулись этим же путем обратно, сделав его постоянным. А путь от Идели в Бийсу и дальше в Садум был очень тяжел и опасен. Так, если купец добирался до Садума, то не успевал вернуться в тот же год обратно, ибо льды покрывали море. Он ждал следующего лета, чтобы на кораблях вновь плыть из Садума в Бийсу. Кроме этого разбойники подстерегали отважных путников повсюду и даже нападали на Бийсу. Но выручка от булгарских товаров в Садуме и фарангских — в Булгаре была столь велика, что с лихвой покрывала путевые

издержки и заставляла вновь и вновь пускаться в это опасное путешествие. Бек Садума Тарвиль радушно встретил Айхи и издал закон, по которому болгарские купцы получали право беспошлинной торговли в его владениях. И его сын Хакан, и другие его потомки были очень расположены к болгарским купцам. А торговля эта прервалась после того, как проклятый кыпчакский хан Манкай-Тимер захватил северные области Державы и передал их под управление сэбэрсского башкака. Тот же позволил галиджийцам безнаказанно грабить болгарских купцов на севере Бийсу и Ура и сделал безопасную торговлю там делом невозможным. Когда после смерти Аксак-Тимера наши вышвырнули галиджийских разбойников вон из северных областей, то возобновить поездки в Садум уже не удалось, ибо галиджийцы успели за время бесчинств Манкай создать сильный флот и перехватывали все суда подряд. Но в описываемое нами время все было иначе и никто садумцам на море не мешал, разве что они друг другу... Разбойники нашли одного из людей Айхи и за большие деньги уговорили его отвезти их в Айхи-Калу... В гавани они увидели три корабля и, погрузившись на них, поплыли в Садум. Но в море разыгралась буря, и все корабли с пленниками и золотом были выброшены на остров Чулман. Из обломков кораблей разбойники сделали один корабль, который, однако, мог взять только часть людей. Когда разбойники стали решать, кому плыть, то перессорились между собой и бросились друг на друга с мечами. Многие из них пали в этой схватке, а уцелевших перебили пленницы, ненавидевшие галиджийцев за убийство своих родных и близких. Несколько разбойников спряталось на корабле, но девушки сожгли его вместе с ними. После этого пленницы стали хозяйничать на острове и избрали своей царицей Зухру.

А на Чулмане была гора, в пещере которой жил алп Баран. Всевышний оживил его и велел ему наказывать людей за распутство. С тех пор Баран в облике великана с обнаженным телом мужчины и головой барана бродил по Земле и взглядом своих огромных глаз заставлял мужеложцев умирать, а грешниц — выкидывать плод... Наши звали его Кук-Теке и рассказывали, что он часто появляется со дна реки, ибо Всевышний разрешил ему ходить под водой с целью сокрытия своей наготы от праведных мирян.

Всевышний долгое время не разрешал Барану сближаться с женщинами, но когда на его острове оказались пленницы, то внял мольбам Кук-Теке и разрешил алпу взять их в жены. Однако Зухра осталась девицей, и Всевышний вознес ее на небо.

Остальные же пленницы из своих детей оставляли жить только девочек, ибо такова была воля Кук-Теке. Поэтому на этом острове жили только женщины. Если же на Чулман пытались высаживаться мужчины, то островитянки убивали их...

А на этом острове было несколько пещер, из которых в определенное время вырывался подземный огонь. Языки пламени соединялись вместе, грозя сжечь все живое. Но в этот момент на остров всегда прилетала алп-бика Чак-Чак и закрывала своими крыльями женщин от огня. Поэтому, говорят, Чак-Чак несла яйца, могущие растапливать лед. Эти яйца люди собирают в разных местах и продают путешественникам, которые плавают по Чулманскому морю. Когда льды загораживают их кораблям путь, то они бросают на них эти яйца, и те растапливают их...

А это известие я почерпнул в книге менлы Абдаллаха, сына Микайля Башту, для того, чтобы читатель смог сам составить представление о стиле письма этого знаменитого шейха. Он совершил немало путешествий, и последнее из них им было предпринято совместно с эмиром Ялкау Балтаваром в 925 — 930 годах по святым местам ислама. Тогда же их принял халиф Багдада и благословил Ялкау на занятие болгарского трона...

Сыном Абдаллаха был Мамли, его сыном — наставник кана Масгута тебир Масгут, его сыном — Шахидулла, его сыном — Салман, женатый на дочери купца из Азербайджана Самада, его сыном — Самад, его сыном — Хусаин, его сыном — Гали, его сыном — мулла Тэклимэн, ездивший с Абу Хамидом Гарнати в Батавыл и Рум. На обратном пути Тэклимэн заехал в Башту. Вместе с ним в Булгар прибыли румский купец Ураз, сын Урум-Алпа, внук Тюркмена и баштуйский мастер Сухраб, сын Саклана. Они положили начало знатным болгарским суварчиевским родам. Кроме этого, Тэклимэн ездил послом к оймекам, которые называли его Тюменем. Место, где шли переговоры, потом стали называть его именем — Тюмен.

Сыном Тэклимэна был Мамли, женатый на дочери купца Ураза Эмряч, его сыном — Ураз, его сыном — Гусман, дочь которого была замужем за купцом Хусаином, его сын — Алтынбу, бывший преданным везиром Алтынбека и назвавший себя именем кана. А у Алтынбу были дочь Суз и сын Гусман. У Гусмана был сын Гайша, у него — сын Мохаммед, у него — сын Саман, руководивший переселением народа с Булярской стороны на Казанскую, у него — сын Хусаин, у него — сын Нур-Даулет, у него — сын Бахадир...

Скажу также о родах, бывших в близком родстве с родом Башту. Сыном купца Ураза был Газан, его сыном — Тэклимэн, его сыном — Гали, его сыном — Урум-Мохаммед, его сыном — Исмаил, его сыном — Урум-Мохаммед, его сыновьями — Курмыш и Салар, женатый на дочери сэбэрсского бека Буляртая. А Буляртай был дядей бека Тагыла — везира сарайских ханов и отца бека Булат-Тимера. Сыновьями Салара были благочестивый шейх Сайф Саран и Салих. У Салиха был сын Урум-Мохаммед, у него — сын Хамза и дочь Фа-

тима. У Хамзы был сын Салма, у него — сын Салих, владевший самым большим кабаком в Казани...

У Сухраба был сын Ас, у него — сын Мамли, у него — сын Ураз, женатый на дочери купца Гали, у него — сын Гали, у него — сын Булат, у него — сын Мосха, женатый на дочери самарского купца Асыл-Гали Айхи-бике. А Асыл-Гали происходил из рода банджийского купца Буртаса, потомком которого был купец Сувар. А сыном Суvara был Асыл, переселившийся в Камыш и получивший прозвище Камыш-Асыл, его сыном — Аслан, его сыном — Асыл-Гали, его сыном — Булат...

А сыном Мосхи был Ас, его сыном — Раиль, женатый на дочери Урум-Мохаммеда Фатиме, его сыном — Урум-Мохаммед, сгоревший в Казани во время нападения урусов на внешние баки города, его сыном — Мамли-Булат...

А еще один знаменитый купеческий род Болгара был основан купцом Масудом, прибывшим в Державу вместе с тебиром Абдаллахом. Сыном Масуда был Башир, его сыном — Муса, женатый на дочери купца Урум-Атрака, его сыном — Атрак, его сыном — Башир, женатый на дочери бека Мохаммеда из рода Алабуги Барына... Сыном Алабуги был Джулут, его сыном — Татра-Мохаммед, первый улугбек провинции Тамта, а его сыном — Джулут, отец бека Мохаммеда. Сыном Башира был Джулут, его сыном — Хаммад, его сыном — Ахмед, его сыном — Абу Бакр, его сыном — Аппак, его сыном — Даир, его сыном...

А вот имена сеидов, шейхов и казыев из рода Ахмеда ибн Фадлана, бывшего потомком...

Сыном Ахмеда ибн Фадлана был Насыр, его сыном — Мохаммед, его сыном — Хамид, его сыном — Нугман, его сыновьями — шейх Дауд и казый Якуб. Шейх Дауд осмелился выразить недовольство по случаю изгнания каном Адамом эмира Ахада Мосхи и за это был выслан из Эчке Булгара в провинцию Саксин, где у него в городе Саксин-Болгар родился сын Сулейман. При эмире Колыне Сулейман был возвращен в Буляр и стал сеидом. Самый высокий минарет мечети «Барадж» был назван его именем. А сыном Сулеймана был Сада, назначенный сеидом после подавления восстания Мамли-Омара, его сыном — Кылыч, написавший известный дастан о Тахире и Зухре и также бывший сеидом...

А сыном казыя Якуба был святой Исбель, освятивший своей молитвой основание города Казани в 1103 году, его сыном — шейх Кул-Дауд, его сыном — Мирхуджа Наккар, его сыном Мохаммед-Гали, его сыном — Мир-Гали, его сыном — Ядкар, его сыном — Раджап, его сыном — Исбель Худжа, почивший в 1359 году, его сыновьями — Хаммад и Хусаин. Хаммад в возрасте 93 лет принуж-

ден был бежать из Болгара в Чирмышан, когда туда ворвался Идегей. Сыновья этого благочестивого шейха все мученически погибли в Улуг-Болгаре, защищая его святыни от монгылского поругания. Его брат Хусаин после смерти своей любимой жены в горести удалился в Башкорт и почил там у горы Мамлитюба в 1393 году в возрасте 83 лет, не оставив после себя детей. Так как и Хаммад остался совершенно одиноким, то он благословил Ашрафа, сына эмира Чаллы-Мохаммеда на принятие им титула сеида для возвращения Булгару подобающего ему могущества...

Из родов, давших Булгару немало знаменитых шейхов, надо упомянуть род Куша. Сыном бека Куша был Аскал, его сыном — Кермек, его сыном — Миша Юсуф, основавший Симбир под названием Джабли-Кала. Он был чрезвычайно предан кану Ибрагимом, стал улугбеком Болгара и умер от расстройства по поводу кончины Ибрагима. Своего сына он назвал в честь кана Ибрагимом. У Ибрагима был сын Алай, собиравший дань с арчан и буртасов и называвший своих дружинников в честь деда «мишарами». А народ стал называть «Мишар» область, с которой он собирал налоги и дань. Сыновьями Алая были Малик и Зайни-Юсуф, почивший в Буляре в 1177 году по приезде из Учеля или Газана. Сыном Зайни-Юсуфа был известный шейх Бурхан эд-Дин Ибрагим. Сыновьями Малика были Юлдаш и Алтыш. Сыном Юлдаша был Ашан, его сыном — Якуш, его сыном — Мохаммед, вступивший на путь подвижничества, его сыном — Ибрагим, его сыном — шейх Тадж эд-Дин...

Нельзя не сказать несколько слов о благочестивом шейхе Абуль-Гали Хамиде — воспитателе знаменитого шейха Хаджи-Омара. Дедом Абуль-Гали Хамида был бек Гилас-Кан, а отцом — Идрис... Своего сына он назвал в честь воспитателя Омаром. У этого муаллы Омара гостил некоторое время в Саксине Абу Хамид аль-Гарнати...

А сын шейха Абу Хамида Гарнати — Идрис — скончался в Буляре зимой 1153 года. Сыном Идриса был Хамид, которого воспитал Мирхуджа Наккар и который поэтому назвал своего сына Мирхуджа... А этот Мирхуджа был муллою в Яр Чаллах. Его сыном был Масуд. Учителем Масуда был Омар ибн Хасан, и Масуд назвал в честь него Омаром своего сына. Сыном Омара Буртаси был благочестивый шейх Хафиз, его сыновьями — шейх Масуд и мулла Гали. Шейх Масуд был учителем Сайфа Саран и однажды едва был спасен от татарской расправы, ибо те заподозрили его в умерщвлении сына Узбека Джанибека при помощи звезд...

Сыном Гали, совершившим хадж и посетившим султана Мисра вместе с Мохаммедом ибн Якушем, был известный шейх Махмуд...

Из потомков кана Джелалетдина Алтынбека мы упомянем такого праведника, как мулла Хасан. Он был сыном Мохаммед-Бояна и

Потомки Алтынбека!

внуком Алтынбека. Сыном Хасана был Гали, его сыном — шейх Садир, его сыном — мулла Мохаммед, учившийся у Масуда и назвавший именем учителя своего сына. Сыном Масуда был Мансур, его сыном — Бураш, его сыном — шейх Мамет, которого торжественно принял султан Рума в только что отвоеванном у неверных Рум-Кале, его сыном...

А теперь я... перечислю шейхов моего рода, идущего от благословенного потомка самого Посланника... — Юнуса. А сыном Юнуса был Габдель-Латыф, его сыном — Джаббар, его сыном — Шейх-Хасан, прибывший в Болгар в 903 году вместе с Абдаллахом, Мусой и Масудом... А сыном Шейх-Хасана был Габдель-Джаббар, его сыном — Муса, названный в память о благочестивом купце Мусе, его сыном — знаменитый шейх Худжа Ахмед, лечивший кана Ибрагима и указавший ему, что действительное исцеление приносит не лекарства, а очищение души. Когда Ибрагим, под влиянием проповеди шейха, решил отправить значительную часть своих средств на укрепление позиций газиев в Хорасане, то ему сразу стало легче, и он поспешил отправить Худжу Ахмеда к султану Хорасана с дарами газиям. Султан, встретившись с Худжей Ахмедом, был потрясен его умом и знаниями и умолил его остаться при нем для просвещения его дома... Малолетние дети Худжи Ахмеда — Хаджи-Омар и Исхак — были усыновлены бездетным Ибрагимом... Хаджи-Омар из всепоглощающей любви к Всевышнему дал обет безбрачия и всю жизнь посвятил учению и воспитанию. Его учениками и воспитанниками были многие знаменитые болгарские шейхи... Кроме этого он получил известность написанием «Булгар тарихы», который затем переписал и продолжил его ученик казый Якуб...

А сыном Исхака был Хасан, воспитанный Хаджи-Омаром и ездивший в Хорасан и Кашан, его сыном — Шейх-Мохаммед, также воспитанный Хаджи-Омаром и из благодарности к нему называвший себя также Шейх-Омаром, его сыном — Хызыр Худжа, почивший в Хорасане, его сыновьями — Габдель-Латыф и Мамли-Омар. Габдель-Латыф отказался покинуть Учельскую крепость в 1164 году и сгорел вместе с ней... Сыном Мамли-Омара был Юнус, его сыновьями — Хасан, Тадж и Исманл...

А шейх Хасан был учителем и наставником Алпак-бики, и он сам сопровождал свою любимую воспитанницу в Джураш, а потом — в Азербайджан, где она стала женой шейха Низами...

Сыном Хасана был Сабук-Омар, его сыновьями — Худжа Хасан, названный в честь своего знаменитого деда в год его смерти, и Юсуф. Сыном Юсуфа был Мохаммед, его сыном — Дяу Хасан... Сыном Худжи Хасана был Хызыр, неоднократно посещавший святые

места и Миср, его сыном — Бурхан эд-Дин Ибрагим, учившийся у шейха Ибрагима ибн Мохаммеда, его сыном — шейх Дяу Омар, давший эмиру Би-Омару свое имя и воспитавший его, его сыном — шейх Мамет, мой отец, почивший в 1437 году в возрасте 62 лет. А я, хаджи Мохаммед-Амин, имею последователя в лице своего сына Сабук и дочь, которая замужем за сеидом Габдель-Мунином. И этот великий кан позволил мне, ничтожному, быть наставником казанских улугбеков — ханов Махмудтека, Халиля и Ибрагима. Одному его сыну я дал имя Габдель-Латыфа, а другому — свое, Мохаммед-Амин...

К этому шейх Таш-Мохаммед... добавляет:

Шейх Сабук организовал школу стихосложения, за что был прозван Шагиром. В распоряжение этой школы добрый хан Халиль предоставлял летом сад своего двора с красивой беседкой... Для него Сабук переписал дастан о газиях Шахри Болгара, на который любил указывать...

А в этой школе учились сам Халиль, сын Сабук-Шагира Мохаммедьяр, бывший наставником Бу-Юргана, сын Мохаммедьяра Касим, потом возглавлявший школу, Нариман из рода Балус-Бухарая, Джураш Садир из рода Тиньтяу-Миканля, Васыл из рода Куш-Алтыша, Расул из рода Джакына, Гариф из рода Амира... Васыл изложил своим языком старое сказание о Барадже..., Расул написал «Песню о любви»... Потом Гариф, едва научившись... возомнил себя великим чиченом и создал собственную поэтическую школу... К нему примкнули такие же самоуверенные, как он, Габдель-Халик — дerviш из братства «Эль-Хум» — эдакий защитник бедных, не написавший ничего, кроме «Жалобы хану», каллиграфы Юсуф, сын биш-балтинского старосты и Кичи-Муса, сын чаллынского бахши...

А род Балуса, прибывшего в Булгар вместе с сеидом Ахмедом Бакиром из Бухары и поэтому получившего прозвище Бухарай, был известен и своей воинской, и своей купеческой линиями... Я расскажу о купеческой линии, ибо в ней были ученые и поэты...

Сыном Балуса Бухарая был Субаш, его сыном — Арбат Буртас, написавший песню о приходе в Болгар урусского бека Булымера, его сыном — Урум-Туран, принимавший в Бандже Абу Гали Сину, его сыном — Гали Курмыш, его сыном — Калган, пожертвовавший немало средств на строительство укреплений Калган в Казани и на просвещение каубуйцев, его сыном — Рейхан, написавший песню «Цветы Кыпчакского поля», которую любили потом петь сами куманы, его сыном — Барык, его сыном — Камыш-Сувар, его сыном — Асыл, его сыном — Аслан, его сыном — Асыл Гали, его сыном — Булат, его сыном — Алат, давший деньги на постройку Алатской крепости, его сыном — Албак, его сыновьями — Абрак и Умми-Ка-